

МЕЖДУ НАМИ

В
о
и
т
а

инна геганова

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Инна Чеганова
Между нами война

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чеганова И. М.

Между нами война / И. М. Чеганова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Эта исповедь души расскажет Вам, дорогой читатель, о девушке с доблестным сердцем и героя всей ее жизни, гнетущая любовь которого станет ее тенью. Волею небес им было суждено родиться во времена нескончаемых Великих Войн Империй и Республик, где люди являются всего лишь средством достижения целей алчных правителей. Эрис и Таррос по разным сторонам пропасти войны. Они не раз встанут друг против друга под вражескими флагами. Смогут ли две родные души пройти все испытания жестокой жизни, будут ли они совершенствоваться в этих муках, подобно тому, как рожденные в горячих недрах Земли алмазы превращаются в ограненные бриллианты, и суждено ли героям этой книги слиться воедино и навечно благодаря Всепрощающей Чистой Любви? Любовь и слезы из глаз рождаются и на сердце падают. И пусть Твои слезы, Читатель, прольются вместе с личностями из этой жизненной, местами трудной книги и упадут на Твое сердце, дав всем Любовь. Содержит нецензурную брань.

© Чеганова И. М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Введение	5
Часть первая	7
Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	42
Глава седьмая	50
Глава восьмая	59
Глава девятая	67
Глава десятая	73
Глава одиннадцатая	83
Глава двенадцатая	90
Глава тринадцатая	99
Глава четырнадцатая	108
Глава пятнадцатая	115
Глава шестнадцатая	121
Глава семнадцатая	128
Глава восемнадцатая	135
Глава девятнадцатая	145
Глава двадцатая	151
Глава двадцать первая	160
Глава двадцать вторая	166
Глава двадцать третья	173
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Инна Чеганова

Между нами война

Введение

Посвящаю эту книгу каждому Борцу за справедливость; каждому благородному Воину в тылу и на передовой, пожертвовавшему ради моральных устоев всем тем, к чему стремилось Его когда-то бьющееся человеческое сердце; жившему и умершему во все времена Земли до нас и после нас.

Если книга не наставляет человека, то такая книга является набором бессмысленных фраз, засоряющих нутро.

Желаю добра.

Одна из множества.

Вся слава и хвала принадлежит Лучшему из помощников.

Выражаю особую благодарность моей первой читательнице – Нине Михайловне Градовской. Спасибо Вам за то, что прошли этот долгий путь с моими героями, не побоявшись преград и ошибок.

Также огромное спасибо историкам, социологам, богословам, языковедам, психологам и другим людям, чьими вечными трудами мы пользуемся каждый день.

Благодарю деятелей вдохновляющего музыкального искусства.

Playlist.(в песнях прошу ориентироваться на перевод лирики).

1. *Epic Score – Still Have a Soul (Jenny20mix). /Вся жизнь героев в одной мелодии.*
2. *Fearless Motivation – Thank you; Farewell life – sad epic music. /ЧУВСТВА И ПРЕГРАДЫ.*
3. *The Venecia-CREATE theme (love Tarros-Eris): Michalis HATZIGIANNIS – Σαῖτιά, Χορεύω.*
4. *Yannis Vardis – Pare me. /Мы одни, но не вдвоем.*
5. *Giorgios Sabanis – Agria thalassa; Antonis Remos – Ti Imouna Gia Sena. /Чувства Тарроса.*
6. *Lino Gaetano – La e la luna. /Отвергнутый Антонио.*
7. *Fors of Will – Epic Battle Music.*
8. *Efisio Cross – I have overcome the world. /Эрис в павшем Эрзеруме.*
9. *Jo Blankenburg – Hiraeth. /Не умирай!*
10. *HAVASI – Rise of the instruments. /Мир тесен...*
11. *Soundmori – Return of the Hero. /Кокжал и ее волки.*
12. *Γιώργος Μαζωνάκης – Σάββατο (Sávvato). /Почему?*
13. *Philipp Beesen – One last Call. /Я все исправлю..*
14. *Jovanotti – A TE. /Его спасение в любви.*
15. *Ivi Adamou & Giorgos Mazonakis – Fotia mou /Это их конец.*
16. *The Fearless Motivation – The Universe in me.*
17. *Mark Eliyahu – Journey; Coming back. /Эрис среди тюрков; Эрис У Д.Руми.*
18. *The lonely Eris in the CREATE: Melisses – Mia bradia. /Повстанец Эрис ждет Тарроса.*
19. *Immediate Music – Destiny of the Chosen (extended). /Вторжение Эрис в Белокому.*
20. *Two Steps from Hell – Protectors of Earth; Victory. /Таррос на верном пути.*
21. *Aggressive War Epic Music – Enemy; Enemy coming, Blood and Power. /Черный Ворон.*
22. *Mongol Theme: The HU – Wolf totem.*
23. *Turk warriors Aris Qoqjal theme: C-rouge – Heroes of Musa Dagh.*
24. *David Eman & Trevor deMaere – A Hero Within Us.*

25. *The End: Audiomachine – No matter what.*
26. *The temple Tharros and his bad soldiers: 2WEI–Chainsaw Symphony(escape velocity).*
27. *The one last moment for you by Twelve Titans music. / Конец произведения.*

Часть первая

Пролог

Уже не в первый раз маленькая девочка видит во сне, как она и ее преданная бабушка в длинных бесформенных рубахах идут навстречу полной луне, перекрывающей собой ночной горизонт. От ее бело-голубого света, разливавшегося по округе, ясно, словно днем.

...Вот она – чернявая и хрупкая, тянет свои фарфоровые, почти прозрачные из-за худобы, ручки к серебряной доброй луне, дарящей мир, но между ними высокая каменная стена, не имеющая конца и края. Девочка совсем не обращает на это внимания – она ведома чем-то высшим, невидимым. И вот, всего один шаг, и – преграда тает...

Бабушка остается позади, смотря в недоумении, словно не понимая глубины и смысла происходящего.

А девочка? Она любуется в упор умиротворяющим небесным светилом и парит над землей. Она растворяется в его великолепном озарении. Ей мерещится, что она – одна, особенная, одобренная загадочной Вселенной. Как же это прекрасно!

Девочка просыпается...

Глава первая

...20 марта 1217 год. Regno di Candia – Королевство Кандия. Regnum Create – Королевство Крит.

– Они приближаются. Наконец-то! – воскликнул человек со списками из администрации Венецианских колонизаторов, дав приказ портовым быть готовыми к встрече.

Галеры и парусники Дожа (*Дожд* – *правитель Венеции (итал. doge, от лат. dux – «вождь, предводитель, военачальник»; однокоренные слова «дукс», «дюк», «дукат»*)), заполненные первой партией из ста тридцати двух рыцарей и сорока восьми сержантов; их специально обученными конями и передовым вооружением причаливали к северо-восточному побережью острова Крит, находящемуся между тремя морями: Эгейским, или Критским – на севере; Ионическим – на западе и Ливийским на юге. Земля находится в восточном бассейне Средиземного моря, на стыковой двух культур – Запада и Востока. Всё это – морская артерия Европы и Азии.

Все хотели покорить этот маленький островок, волею судьбы раскинувшийся здесь. Его немногочисленным мужественным жителям всегда и во все времена приходилось мириться с часто меняющимися хозяевами, продающими их из рук в руки и отбирающими лакомый кусок друг у друга вследствие далеко неспокойной политической обстановки в мире.

Вот и теперь Крит встречает новых хозяев. Византия – наследница Римской Империи была расколота, затем здесь хозяйничали по сути те же византийцы, назвавшие свою новоиспеченную республику Генуэй. Это были хорошо обученные пираты – изверги, бороздящие воды под своим белым флагом с красным крестом. Но они были изгнаны более дерзкой Венецией.

Теперь пришла она – промышленная на всём, что продавалось. А виной смены властей на этот раз являлся сентябрьский Декрет, подписанный вождем крестоносцев Маркизом Бонифацием Монфератским, чьим трофеем являлся Крит и Дожем Империи морских торговцев – Джакомо Тьеполо в 1211 году. (*Эти исторические сведения, касающиеся истории Крита, Венецианского господства и восстаний, немного переделанные в пользу художественного произведения, взяты из энциклопедии "Вокруг Света".*)

Бедные изнеможенные критяне!

Издали за этой причаливающей морской гегемонией в ужасе и с обреченным видом наблюдали пришедшие ради этого зрелища самые смелые местные жители Хераклиона (*Хераклион, Гераклион, Хандак – Хандакас, Кандия – столица острова Крит. Сегодня – Ираклион*), теперь уже Кандии, боясь подойти поближе.

– Наконец земля! Мы уже близко. – говорил своему немногим взрослому товарищу юный девятнадцатилетний рыцарь, с рвением гребя галеру длинным веслом, звуки гулкового хлопья которого вливались в общий плеск. Его темно-коричневые, почти черные, мелкие упругие кудри, доходившие до середины красной от солнца шеи, забавно пружинили от движений их хозяина.

– Таррос, что ты видишь? – почесав бритую голову, спросил его товарищ, своим вопросом желавший узнать мечты лучшего друга.

– Алессандро Армандо, я вижу зеленые холмы и горы. Смотри, как это прекрасно! – потев от усилия и предвкушения перемен, ответил вдохновленный Таррос. Он вдыхал уставшим от соленого морского воздуха носом пьянящий запах приближающихся земель.

– Должно быть, здесь полно древесины для судостроительства. Говорят, что тут есть величественные каштановые леса. – глагольствовал Алессандро, вместо округи разглядывая свежие мозоли на левой руке.

– Да. И не только каштановые. Эта земля, несмотря на её печальную историю, сохранила свой девственный вид. Смотри! – взгляд лазурных глаз Тарроса, кинутый из-под костистой,

мужественной надбровной дуги, был направлен на искрящиеся волны, что так послушно превращались в нежную пену, и, ударяясь, разбивались о прибрежные камни.

– Поскорее бы! Устал я уже от этого скользкого весла. У меня копчик болит. – жаловался более прагматичный шутник Алессандро, удивляясь наблюдательности Тарроса. – Что ты ожидаешь от прибытия сюда? – он оглянулся через правое плечо на товарища, сидящего сзади. Его смоляные, с винным отливом глаза, горели внутренней силой и уверенностью в себе. Они смотрели на окружающее с насмешливой иронией.

– Я? Ничего... Буду служить во благо Венеции. Слава великому Дожу! – выкрикнул Таррос, чем вызвал недоумение гребущих по соседству солдат. Ему льстила не столько фанатичная служба, сколько открывающиеся посредством ее пути для романтической и мятежной натуры.

– Ты смешной, брат! – улыбнулся Алессандро. Но сразу же, немного насупившись, с грустью в голосе, продолжил. – Я уже скучаю по своей Каллисте. – проговорил он, задумчиво вглядываясь в густую зелень острова. В её изумрудных переходах пробивались острые и обтекаемые шапки темных деревьев.

– Надо же, твоя! Не забывайте, вы оба, с ней вместе – я все еще ее брат! – дружелюбно засмеялся в ответ Таррос.

Алессандро вновь заулыбался. Молодые люди стали друзьями в раннем детстве, когда отец Тарроса уплыл с Крита из-за семейных распрей. Его тоже звали, только на греческий лад, Александрос. По образованию он был судостроителем.

У Александроса был старший брат – Алексис Каллергис, впавший в обиду на ученого братишку, который долгое время проучился на семейный бюджет обеспеченных землевладельцев в далёких Афинах. Алексиса страшно раздражало то, что Александрос не участвует в их общем деле. Все накопившееся недовольство вскоре выросло в скандал с последующим лишением имущества.

Александрос Каллергис, разочаровавшись в родственниках, удалился в Венецию, что бурно развивалась благодаря морской экспансии. Мужчина уплыл с женой и маленьким сыном, ожидая, что может быть там, в городе богатых морских волков, он станет востребован в своей профессии и самореализуется. Так и случилось.

Маленькая семья поселились в этом невероятном чудо-городе, выбрав среди множества районов различных дельцов рыбацкий квартал. Поначалу они жили довольно-таки скромно. Через год у них родилась пригожая девочка, которую называли Каллиста.

Однажды Александрос познакомился с Алессандро Армандо, военным инженером – и последний, узнав о его таланте, посчитал, что грешно будет бросить развивать то, чему грек посвятил полжизни. Узнав друг друга лучше, они начали творить вместе.

Из-за бесславных и презираемых властями Империи корней грека, его венецианский друг дал ему свою фамилию, при условии, что тот примет Католицизм и приведет в Папскую веру свою семью. Александрос, будучи не слишком заикленным на религиозности, согласился.

У Армандо тоже был сын, названный в честь него самого – Алессандро. Два мальчугана быстро нашли общий язык. Они вместе учились, вместе ели и спали, вместе повзрослели и возмужали. Их в один день посвятили в рыцари Ордена Святого Марка. Тогда Тарросу было двенадцать, а Алессандро – пятнадцать лет.

Знатная семья Алессандро Армандо благоволила Каллергисам, несмотря на их эллинское происхождение. Они были очарованы их прекрасным воспитанием и культурными манерами. Это было заметно, и не нужно было особо вглядываться – их редкая аристократическая внешность говорила сама за себя. Жаль только, что век Александроса и его жены не был долгим. Сначала от чахотки умерла мать Тарроса – Целандайн. Видимо, сырой венецианский климат навредил этой милой женщине, выросшей на щедрой земле. Вслед за ней ушёл и его отец от сердечной болезни – сказались переживания и, опять же, мокрота, бьющая по суставам. Но он успел сделать многое для флота Империи.

Маленькие Таррос и Каллиста остались одни. Семья друга не оставила детей на произвол судьбы. Отрока Александроса в возрасте тринадцати лет Армандо отдал в военную часть. В дань уважения отцу сироты, своего сына Алессандро мужчина отправил вместе с Тарросом, чтобы детям было не слишком тяжело. Вдвоём легче было противостоять жестокости казарменной жизни.

Надо отметить, что суровые условия воспитания закалили парней. У каждого был свой талант, дарованный Богом. Алессандро был более облагодетельствованный в учебе, подсчетах и точных науках – его было не обвести. Это могло стать фундаментом как и в архитектуре, так и в экономических и правовых направлениях. Обе ветви были особенно важны для Венеции. Он также замечательно владел грамотой и поэзией, особенно питая любовь к колким стихотворным высмеиваниям людей и их пороков.

Таррос же, в свои юные годы, демонстрировал окружающим исключительную проникаемость и наблюдательность, умение просчитывать наперед, ведение тактики. Он был отличный стратег и замечательный, пылкий оратор, умевший словом зажечь глаза и сердца слушателей. Это в будущем и определило его судьбу.

Некоторые, наблюдавшие во время обучения за парнями, пророчили обоим великое будущее.

Алессандро предпочитал решать вопросы на холодную голову. А Таррос был решительным, темпераментным и очень упрямым. Однако, у обоих парней были общие черты – блистательный ум, граничащий с непревзойденной хитростью и конкурентоспособная физическая подготовка. Их приятельские души взаимодополняли друг друга.

Таррос часто конфликтовал со сверстниками, считая, что они сами виноваты. Хотя в большинстве случаев были виноваты его излишняя вспыльчивость и своеволие. Сил у него хватало, несмотря на невысокий рост в метр семьдесят пять сантиметров и сухое телосложение. Он в совершенстве владел мечом, луком, конем, отлично плавал, одерживал верх в борьбе – чем и вызывал зависть в гарнизоне. Но на помощь всегда приходил его верный старший товарищ Алессандро – хотя и знал о минусах характера своего «братишки». Этот парень не отставал в боевых талантах от Тарроса, но и не мог перегнать его. Их боялись и уважали, стремясь подружиться – зная, что разногласия с ними до хорошего не доведут. Парней считали родными братьями – братьями Армандо. Греков в Венеции не любили, и никто не знал тайну их семей.

Алессандро рос, Каллиста тоже. После редких посещений родного дома семьи Армандо, в котором росла осиротевшая приемная дочь, парень тосковал особенно сильно именно по ней. И вот он уже не мог забыть прекрасную златовласую и голубоглазую сестренку Тарроса, иногда проговариваясь другу о чувствах. Но естественно, тот и так всё заметил. Между юношей и девушкой возникла любовь, вылившаяся в помолвку и венчание. Только прошло все по канонам католиков, а не православных греков. Но это не помешало счастью молодых.

И вот, не успев насладиться недавно начавшейся супружеской жизнью, молодой человек, числившийся в рядах крестоносцев, отчалил со своим лучшим другом в свежоотвоєванный Крит для дислокации и становления гарнизонов.

Венецианцы старались поддерживать мир с местной аристократией, ибо сотрудничество опиралось на торговлю. Их интересовало все, что можно было выгодно перепродать. Стройматериалы, пищевые продукты, крепкое и сладкое критское вино – мальвазия; оливковое масло, соль – всё это пересылалось с Востока на Запад. Шелка, ткани, ковры, предметы обихода и, пожалуй, немаловажное – рабы, все это отныне переправлялось, перерабатывалось, собиралось, фасовалось, хранилось, выгружалось и загружалось среди снующих туда-сюда судов здесь, на Крите.

– Пора. Скинуть якорь! – раздался голос капитана на высоком корабле.

– Есть скинуть якорь! – ответили ему.

Огромный парусник, нагруженный военным добром, пришвартовал к голубой гавани Кандии.

Сонмы солдат и людей, подобно трудолюбивым муравьям, как и положено военным – упорядоченно и без суеты, посреди хаоса кипящего порта принялись выгружаться на новую землю.

Таррос и Алессандро сошли на берег из своей длинной галеры уже натруженными, как и остальные. Но работа ждать не будет, и они принялись выводить строем своих прекрасных боевых скакунов с большого корабля на сушу. Таррос, как и окружавшие его рыцари, собравшись на деревянных помостах, надели свои легкие доспехи. Ветерок, такой теплый, пахнущий горными цветами, обдувал сияющую сталь орудий, и приподнятое настроение отвлекало от накопившегося утомления.

Была команда занять положение верхом на лошади. Занемевшие от недостатка движения зевающие скакуны с неохотой приняли своих наездников. На разговоры и осмотр не было времени, и выстроившись в колонну, рыцари медленно направились к границам теперь уже их булоня.

Таррос отвлекся на созерцание неописуемо красивой природы, играющей в лимонных солнечных лучах, показавшейся диковинной его взору – привыкшему к узким, длинным, громким и кривым улочкам, навевающим сказочность и запах плесени. Улочкам, на которых невозможно скрыться от лишних глаз. Он даже не заметил маленькую девочку, выскочившую откуда ни возьмись на его пути, чуть не угодив под копыта огромного коня.

– Таррос, ребенок! – рявкнул Алессандро, резко потянув вожжи друга, отчего на фалангах пальцев последнего загорелась кожа. Таррос опешил, увидев игрушечную фигурку перед его конем. Он остановился, и, не долго думая, резко спрыгнул, вызвав беспорядок в строю.

– Девочка, что ты тут делаешь? Где твоя мама? – спросил он миролюбивым голосом, присев перед малышкой, которой на вид было не более трёх лет.

– Балбес, ты чуть не раздавил ребенка! – продолжал кричать на Тарроса Алессандро.

– Да иди ты, я и сам напугался! – ответил Таррос, косо обозрев сослуживца. – Даже если это рабы нашей Республики, они, всё-же, тоже люди. – тихо рассуждал Таррос, разглядывая хрупкую девочку, одетую в мальчишечьи лохмотья.

Он был крайне удивлён – малютка абсолютно не боялась его. Она внимательно, спокойно и смело смотрела на Тарроса своими серо-зелеными глазками, лишь изредка хлопая длинными черными ресницами.

Таррос улыбнулся – уж слишком она походила на беленькую стеклянную куколку их именитых мастеров. Только она была замотана в потрепанную одежонку, совсем не подходящую к миловидной внешности.

Он поправил ее слегка вьющиеся, темно-каштановые волосы. Упругие локоны под раскаленным солнцем красиво отливали медью. Она испуганно шарахнулась назад, подобно дикой кошке.

– Извини, малышка. Я не хотел тебя напугать. – он отдернул руку. – Где же твоя мама? Ты не понимаешь меня? – Таррос захотел ей помочь.

– Не задерживай строй, рыцарь! – крикнул командир.

Таррос кивнул головой и встал, поспешно оглядев округу. Он заметил в толпе стройную женщину средних лет с мальчиком подле, лет шести на вид, вероятно, её сыном. Ее глаза растерянно сновали туда-сюда, кого-то тщетно отыскивая.

– Командир, разрешите отдать ребенка матери?! – спросил Таррос своего старшину.

Командир, нахмуренный и озлобленный, все же проявил снисходительность, увидев прелестного на лицо ребенка.

– Давай, туда и обратно! – грубо выкрикнул он, звеня стременами.

Таррос поднял девочку, которая показалась ему необычайно легонькой. От неё вкусно пахло солнцем и детской чистотой – аромат, который не поддается описанию. Он не сдержал порыв и поцеловал миленькую малышку в щечку. Девочка глядела на него не моргая – удивленно, но не робея. Таррос быстро добежал до той женщины.

– Это ваш ребенок? – спросил он на итальянском, приправленным латынью, с непривычки забыв, что находится среди греков.

– Да, отдай сюда! – выпалила она на греческом. Женщина резко выхватила дитя, в сердцах сделав ей больно, отчего спокойная девочка чуть было не заревела. Её аленькие губки задрожали. Таррос принялся утешать её, развлекая, отчего та сразу успокоилась. Сверля Тарроса своими карими глазами, недовольная мать обратилась к мальчику, ругая его:

– Я же просила посмотреть за ней минутку! – кричала она необычайно громким голосом. Таррос понимал их речь.

Мальчик ответил, смотря на сестренку с пренебрежением и даже, как ему показалось, с отвращением:

– Она такая противная, ты же сама знаешь, вырвалась и убежала. – надменно ответил он.

Таррос не поверил ему. Уж больно ненавистный и лукавый был взгляд его янтарных глаз. К удивлению юноши, мать погладила мальчишку, а девочку, не совсем понимавшую происходящего, хлестко ударила по нежному лицу, отчего на белой коже остались розовые следы от ее ладони.

– Эй, ты что делаешь? Она же маленькая! – по-гречески закричал на нее Таррос. Девочка залилась слезами. Почти молча, отчего ему стало жаль её вдвойне.

Женщина в ответ обругала его на итальянском, очень грубо и непристойно и развернулась, не желая больше видеть этого юношу.

Она насильно отдирала девочку от себя, которая вцепилась в мать, ища утешения. Но та жестко бросила дочь на землю. Малютка не упала – она твёрдо встала на ноги, которые с шуршанием впились в серую прибрежную гальку, смешанную с желтым песком.

"Вот шустрая!" – подумал Таррос, умиленно улыбнувшись.

Но тут его окончательно разозлило поведение незнакомки, отчего улыбка на его юном безбородом лице исчезла. Девочка хваталась за руку горе-матери, но та, вопреки здравому смыслу, только поносила её за излишние нежности, отталкивая ручонки дочки, сетуя на жару и потные ладони малышки. Они поспешно уходили – девчужка маленькими шажками еле догнала быструю мать и брата, вынужденно забыв о слезах.

Девочка оглянулась. На её светлом личике были белые соляные дорожки от высохших на ветру слёз и горящая от удара красная щёчка. Таррос улыбнулся и помахал ей на прощание. Девочка помахала тоже, но она была преисполнена серьёзности.

"Что за мать? Бессердечная какая. А брат? Убил бы этого змееныша."

Его нахмуренное лицо изменилось при другой мысли:

"Какая смелая и хорошенькая малютка, прямо ангелочек! Как можно её обижать?" – думал Таррос, смотря им вслед, но его оборвал командир.

– Что ты там возишься? Не задерживай остальных! – закричал во всё горло суровый старшина рыцарей.

Таррос, примчавшись вихрем, прыгнул на лошадь, натянув поводья. Послышался бас усатого начальника:

– Ну как, помог? Как она тебя облила, эта баба, по-нашему! – он дразнил его. Алессандро укоризненно помотал головой.

Послышался рокочущий смех.

Обычно импульсивный Таррос на этот раз не обиделся. Он всё ещё думал о маленькой крохе с зелеными глазами, напомнившей ему Каллисту в детстве. Только его сестренку баловали и носили на руках, и её глаза не были такими говорящими и бесстрашными, как у этой бедняжки. А эта девочка, еще мало чего понимая, уже сталкивается с неоправданной злостью и подлостью родных, отчего у правильного Тарроса вспыхнуло чувство негодования.

Закончились обоснование и формальности – военных распределили по отрядам, отправили каждого в отведенные места для казарм и выделенную земельную лень для рыцарей. В свою очередь солдаты, под командованием решительных командиров, раскинули и построили гарнизоны.

Новенькие или грамотно отреставрированные каменные крепости возвещали о том, кто теперь здесь хозяин.

Глава вторая

Щуплая девочка собирала круглые каштаны под раскидистым деревом. Она сидела в тени, проворно отыскивая пальчиками гладкие плоды во влажной, пахучей траве. Она так увлеклась, что не заметила, как сзади к ней подошла женщина.

– Эй, соседская девочка, как там тебя, Эрис!

Эрис вздрогнула. Этот голос был сипльый и громкий, совсем неприятный. Эрис быстро встала, поспешно пряча своё богатство по большим карманам своей нелепой одежки.

– Отнеси-ка эту пищу моему сыну, он работает с мальчишками в поле. Они косят пшеницу. Мои дочки заняты – они шьют заказы. – смуглая женщина беззастенчиво обращалась к девочке, попутно разглядывая её с ног до головы.

– Сколько тебе лет? Ты совсем мала. А какая худая! Не донесешь, сил не хватит. – подытожила она, передумав. – Нет, дай-ка другого попрошу. – быстро-быстро говорила сама себе противоречивая мамаша, мотая кульком.

– Мне скоро шесть лет. Я справлюсь. – отрезала Эрис. Хрупкая на вид, но крепкая, как мрамор, девочка наблюдала за малознакомой соседкой кротким, диким взглядом серо-зеленых глаз. Услышав последнюю фразу, ее аккуратные, будто нарисованные черные брови вдруг решительно сдвинулись и она резко выпалила, схватив провиант:

– Дайте сюда тетя. Куда нести?

– Там, за пастбищем, где старый Икарус пасет скот, есть пшеничное поле. Найдешь? Персиуса ищи. – грубо ответила она, и речь ее отдавала незнакомым акцентом.

– Ага. Персиус... Персиус. Не забуду. – уже отвернувшись, повторяла про себя Эрис. Встреча с этой тетей осталась неприятным осадком в ее душе.

Эрис шла и повторяла имя. Улицы кончились. За ними – пару рощ. Их теплый запах доносился до девочки.

Земля сменилась прибрежным покрывалом.

– Петрос, Эгиус... Забыла. Ну да ладно, найду. – уверенно подытожила она.

Горячие камни и песок обжигали нежные стопы девочки. Она была обута в сандалии брата, что были большие и болтались, периодически спадая. Раскаленные песчинки забивались между ее вспотевшими пальцами ног.

От жары и птиц не было слышно.

Впереди стали видны деревья. Песок сменился черноземом, густо покрытым низкой, желто-зеленой травой.

А вот и дед Икарус. Эрис спешно прошла и поздоровалась. Накрытый белым ситцем, он спал под деревом, разморившись от зенитного солнца. Его скот лениво, в окружении бесчисленных назойливых мух, бродил и щипал травку неподалеку.

Голову Эрис припекало разошедшееся светило, ее густые, блестящие волосы цвета лесного ореха, собранные в конский хвост, струились и переливались при его лучах.

Обычно бледная, покрасневшись и запыхавшись, она спустилась с холма, прохладная тень от которого немного взбодрила Эрис. А вот и поле!

Золотое жнивье раскинулось на горизонте. И казалось, нет ему края. Необъятно для взора, оно отливало всеми оттенками желтого, колыхаясь на стремящемся, летящем ветру.

Подбежав поближе, она не заметила ни звука, кроме стрекотания кузнечиков. Пекло...

– Никого, где ж тебя искать-то? – размышляла девочка.

Пройдя чуть дальше, Эрис подумала, что вблизи не так уж красиво, зато интересней. Она разглядывала тугие колосья. Вот какие-то букашки ползут. А как тут пахнет! Землей и ароматными травами...

Она хотела было пройти чуть дальше, но тут до ее слуха донеслись острые звуки серпа.

– Эй, малявка!

Эрис передернуло.

– Чего потеряла тут? – сердито спросил ушастый пацан Аргос, одетый только лишь в непонятную набедренную повязку. Его хмурое лицо и грубый голос испугали девочку, но она не подала виду.

– Я ищущу Персея. – с гонором ответила она, задирая голову в бойком жесте.

– Персей на корабле уплыл. С аргонавтами! – цинично расхохотался он, скаля кривые зубы.

– Что пугаешь козявку? Смотри, сейчас лужу нальет. – издевательски сказал второй мальчик в красном платке, обвязанным вокруг головы, вышедший на голоса.

– Сам нальешь, дурак! – крикнула на него Эрис.

Мальчуган по имени Аннас опешил. Что за непонятное существо, в бесформенной одежде пришло к ним в гости в самое пекло?

– А ты тупица, заткнись! – взъелась на первого Эрис.

– Да дай сказать ей. Чего надо? – на нее спокойно смотрел и наблюдал за происходящим юнец лет двенадцати от роду. Коренастый и самый крепкий среди остальных, что как гусеницы успели выползти на шум из тени колосьев. Он был самый низкий по росту, очень смуглый, какой-то коричневый. Глаза его смотрели уверенно и спокойно. Руки были на поясе и он требовательно вопрошал жестом коротко остриженной головы. Его штаны были натянуты почти до самых подмышек. Сейчас она его узнала – носатый и белозубый неугомонный сосед, который всегда идет впереди своры своих товарищей.

– Я принесла еду для сына одной тети. Соседки. – продолжила она, не спрашивая разрешения говорить.

– Это – Персиус. – тараторил прыгающий вокруг них длинноносый паренек по имени Атрей, тыкая в коричневого мальчика грязным пальцем, за что и получил от Персиуса подзатыльник.

– А это ты живешь в конце улицы? У тебя брат есть, да? Похожий на девчонку. Ха-ха! – рассмеялся он, поставив ладони на драные коленки.

– Я тебе покажу! – бросив кулек на запыленную землю, она накинулась на Персиуса с кулаками. Это было смешно – маленькая девочка в пацанячьем тряпье своими беленькими кулачками запалисто молотит крепыша.

– Перестань! Эй! Всё, я же пошутил! – закричал Персиус, закрываясь от нее руками.

– Это тебе за брата. – ее удары он даже не почувствовал. Эрис, еле дотянувшись, расцарапала его скользкий от жары нос.

– Вот гадука! – подытожил он, избавясь от ненормальной. Её за руки оттянули мальчишки. Под всеобщий смех, Персиус вытирал окровавленное лицо. Но веселье быстро утихло, так как друзья испугались грозного взгляда мальчугана.

– Вместо спасибо еще и издеваетесь. – буркнула Эрис.

– Ну спасибо так спасибо. – сказал в ответ Персиус, громко сморкнувшись в сторону.

– А давай уьем ее и зажарим на костре! – предложил тот самый, строгий умник в набедренной повязке.

– Хватит уже. Давай поедим. – он спокойно сел на голую землю, обдумывая поступок этой девочки.

Персиус, как главарь этой долговязой семерки, принялся раскрывать провиант. Эрис развернулась и зашагала прочь.

– Эй, девочка! Как тебя зовут? Иди сюда, поешь с нами!

– Меня зовут Никак. Понял?! – прокричала Эрис, не оборачиваясь. Она уверенно вглядывалась вперед и широко шагала тонкими ножками. Она делала это громко и быстро, выделяя каждый шаг.

– Вот глупая малявка. – начали было ребята, но, увлеченные поглощением обеда, быстро забыли о ней – накормившей юных косарей. Все, кроме Персиуса, ибо расцарапанный девчонкой нос больно щипало от соленого пота.

Эрис возвращалась домой. От негодования ее маленькое сердечко ощутимо колотилось в горле.

– Вот скоро я стану солдатом, и порублю вас всех на мелкие-мелкие кусочки! – бурчала себе под нос обиженная дерзкая девочка.

Когда ей было плохо или одиноко, Эрис вспоминала красивого рыцаря на коне в доспехах, который всплывал в её памяти. Она помнила, как в один день в далёком городе мать забрала их с братом у тётки ненадолго в город. Там её мама куда-то ушла. Эрис помнится, как она смотрела на больших коней со звенящими сбруями. Потом почувствовала сильный толкающий удар брата в спину. И этого прекрасного рыцаря в доспехах. Как он смотрел на неё своими небесными глазами и что-то говорил – только непонятно, что. Она полагала, что легкое и теплое прикосновение его лица – её выдумка. Она никогда не забудет, как солдат поднял её и нёс куда-то... Холодные железные доспехи, их лязганье. Потом опять мать. Всё, на этом воспоминания заканчиваются. Но, как Эрис начала осознавать себя личностью, решила – во что бы то ни стало, стать воином. Красивым, сильным и добрым, готовым помочь нуждающимся в любой момент.

Незаметно для себя, она уже подошла к знакомому дому, спрятанному под изумрудными кронами деревьев и густой стеной кустарников.

Эрис немного спустилась по каменной насыпи вниз и прошла по маленькому деревянному мостику над оросительным каналом, миновав заросли сирени и плодовых деревьев, беспорядочно посаженных у старых, загнивших ворот. Она хотела постучаться, но её, опередив и открыв их, встретила встревоженная бабушка.

– Где ты пропадала? – строго вопрошала она.

– Соседка попросила меня отнести обед её сыну. – виновато ответила Эрис.

– Какая еще соседка? Я же сказала, не выходить за ворота! – нахмурилась бабушка, страшно выпятив зеленые глаза на внучку, отчего ей стало боязно.

– Бабуля, ты же приказала мне собрать каштаны для твоих ног. Я и сделала. – она вытащила отборные орехи и сложила их на горячий каменный подоконник. – Там, на том конце улицы живут же... Ну... такие, ну... смуглые. И та тетя – болтунья, жуть. – Эрис смешно скривила лицо.

– Ах, ты про персов! Не ходи к ним. Они – враги народа. – так уверенно и просто заключила бабушка.

– А почему? – в недоумении спросила внучка.

– Вырастешь – поймешь. – поспешно ответила бабушка, заведя Эрис домой. – А пока – не спрашивай. Не твоего ума дело.

Эрис не любила, когда говорят загадками. Она ненавидела это. Ей по душе была только прямолинейность. Несмотря на свой возраст, её характер уже полностью сформировался. И сама она говорила только правду, частенько получая за это. Но всё ж, эту волевою девочку нельзя было запугать ни розгами, ни криками. Её крайне раздражали враньё и несправедливость. Иногда она наблюдала за чужими действиями, кажущимися Эрис неправильными. И тогда в ней закипало негодование и неумное желание все сделать правильно – так, как надо. Но из-за непонимания окружающих, Эрис стала скрытной и не очень разговорчивой.

Только когда дело касалось военного дела, она неутомно надоедала своими любознательными расспросами.

Некоторым приходилось по вкусу нрав девчушки, например, её тете – Татиан Леонтиос Каламис, являвшейся племянницей по бабушкиному покойному брату, который был военным. Ей нравилось отсутствия заискивания Эрис перед старшими.

Но большинство ненавидело эту непризнание авторитетов и стремление к справедливости.

Особенно это раздражало брата и мать Эрис, которую она, после расставания с отцом, видела очень редко. А брат, родившийся раньше Эрис на три года, с неоправданной жестокостью, и порою – подло поступал с маленькой сестрёнкой.

Эрис замечала плохое отношения матери и брата, но её доброе сердечко всегда старалось оправдать родных ей людей.

Бабушка научила Эрис грамоте, которой, в свою очередь была обучена своим мужем. И одаренная девочка с необычайным рвением обучалась ей. Благо, книг и рукописей в старом доме было более, чем достаточно. Это было наследие её деда, которого она никогда не видела. Он тоже был военным. Потом умер, вернее, был убит своими же, как рассказывала бабушка, вскоре после того, как родилась мать Эрис. Она была единственным ребенком. Пока дед был жив, он всячески старался баловать дочку.

Эрис знала, что её предки по бабушке Эйгл Иеремиас – Каламисы когда-то давно были сосланы правительством из материковой Греции за свою религиозность – они читали Псалтырь Давида, не прикасаясь к Евангелию. И их изгнали только за это, несмотря на заслуги перед Родиной – все ближайшие поколения были солдатами конной пехоты, всегда служившими на смерть у беспокойных границ.

А дедушка Эрис – Микаилус Атромитос Лефкас был из местной аристократии. Земледельцы, владельцы бахчевых культур, горных медовых пасек и виноградных плантаций – его клану не понравилось, когда он изъявил желание породниться с бесславными ссыльными мигрантами, пускай и бравыми, но все же, не их фамилий.

Дед проявил упорство – женился на Эйгл, за что и был отречён. Как говорила бабушка – он пришёл к ней с маленькой сумкой для одежды и привёз с собой огромное количество рукописей и книг. И они трудились вместе, выкупив у знати дом, в котором сейчас живут.

Бабушка очень боялась, что вечно меняющиеся, грабящие и поработашающие народ власти заберут у неё крышу над головой. У подавляющего большинства бедных запуганных людей в беспокойные времена не было и этого.

Три года назад в Кандию пришли рыцари, между которыми разделили плодородные земли, будто бы сидящие в Синьории Камерленджии – хозяева жизни. Когда здесь были генуэзцы, – а бабушка их всех считала незаконными пиратами, – люди боялись выходить на улицу. Эти головорезы среди белого дня могли спокойно увести местных жителей в невольничество.

Забравшие остров венецианцы стремились показать себя деловыми людьми, стремящимися к сотрудничеству. Но это, естественно, была только иллюзия. В общем, было точно также, может даже хуже, просто называлось всё это другими именами.

Постепенно на остров стали стекаться самые разнообразные переселенцы, что вызвало ужасающий прирост разбойничества, произвола и разврата. Бабушка проклинала "этих Франков" за открытия греховных ворот и за преследования отколовшихся от них Православных, вопреки тому, что последние изгнали её предков за Старообрядчество. Но больше всего, пожалуй, бабушка ненавидела отца Эрис, который был из лихих генуэзцев. Эрис знала только то, что он постоянно был в плаваниях и больше ничего. Иногда бабушка очень неприятно высказывалась о маме Эрис – Элин Микаилус Лефкас за эту порочную связь, говоря, что зять её некрещёный иноверец; что дочь её не первая и не единственная его жена; что Божественный союз между ними поддельный. Элин особо не переживала за недовольство матери. Контенто Фортунато: было ли это прозвище отца, либо его имя – Эрис не знает. Её отец был основным табу для разговоров дома. Одним из бесконечно многих запретов.

Наконец мать и множественные подруги общительной Элин добились того, чтобы эта женщина сбежала от ревнивого и изредка появляющегося меж плаваний, мужа, к тому же, любившего распускать руки во время своего недолгого соединения с женой. Любил он не

только маму Эрис, но и выпивку – какой же пират без вина? Элин, зная своего суженого, – за душой которого было внушительное количество, один Бог знает, сколько отнятых жизней, – сбежала из их маленькой родной Ситии в нынешнюю Кандию со своей кузиной Татиан, когда решила порвать с ним отношения. Контенто несколько раз появлялся в окружении разбойников, ломившись в ворота Эйгл. Но рано овдовевшая, приходящаяся ему тещей, бабуля, наглухо забаррикадированная в своем ветхом домике, покрывала Контенто и его друзей терпкой руганью и проклятиями, говоря, что "его жена и дети умерли". За пару лет никчемный отец смирился с расставанием. С тех пор его больше никто не видел.

Элин в Кандии пустилась во все тяжкие, оставив сына Евгениуса и дочку Эрис на воспитание Татиан. Тетя была очень строгая, не чуждо ей было и рукоприкладство. Жили они у родственников мужа Татиан – Грегориуса. Её сын – Георгиус был на два года младше Эрис. Татиан видела, какие разные характеры у её приемышей. И ей нравилось, что Эрис терпеливая к голоду и нуждам.

Эрис невозможно было заставить есть – все это, как полагала тетя, было результатом их неблагополучного детства. Затем Татиан, устав от гулящего мужа, постоянно шатающегося с портовыми пьяницами, ушла от него, уехав обратно в Ситию, заодно забрав детей изредка появляющейся ради любимого сына Евгениуса, Элин.

Татиан, приехав в город, отвела племянников к своей тетке – Эйгл. Бабушка была рада воссоединиться с внуками. Затем появилась и блудная дочь. Как потом стало известно – ненадолго. Забрав сына, она снова уехала, на этот раз в неизвестном направлении, оставив бедную Эрис одну.

Но перед этими грустными событиями произошёл один случай, который изменил жизнь маленькой Эрис навсегда.

Глава третья

Эрис видела сон. Этот сон периодически повторялся. И вот опять, сегодня ночью ей снилось, как она, мама и брат идут по пустырю. К ним привязался какой-то непонятный, раздетый шут. Они вместе, смеясь, надели кандалы на руки и на ноги Эрис, и та оказалась привязана длинными цепями к железному колу, торчащему прямо из земли. Затем они втроем, весело болтав, развернулись и ушли вперёд. Далеко-далеко, превратившись в крошечные точки, а потом и вовсе исчезнув из виду. Эрис была прикована намертво – она плакала и билась, зовя мать, но никто даже не оглянулся. Её палило беспощадное красное солнце, и от его жара Эрис проснулась.

– Это всего лишь сон! – обрадовалась девочка.

Прекрасным ярким утром Эрис встала с постели. Умывшись и одевшись, она побежала к спящей матери. Это утро было особенно светлым ещё и из-за того, что отсутствующая пару лет мать, вернулась вчера ночью.

Эрис так сильно скучала по ней! Она, аккуратно и бесшумно подкравшись, присела у ложа и положила свою маленькую головку на мамину мягкую подушку.

Утренний свет заливал всё вокруг. Девочка не могла налюбоваться на неё. Эрис вдыхала аромат мамино теплого дыхания. Она гладила её красивые, гладкие волосы.

– Моя любимая мамочка. – говорила Эрис, нежно целуя её в щеку.

– Эрис, прекрати! Что за дурацкая привычка! Телячьи нежности... Дай поспать, я устала! – вытирая рукой лицо от поцелуя дочери, мать бессердечно нагрубилась, и, не открыв глаз, указала пальцем на выход. Эрис вскочила, напугавшись ее реакции. Её сердце больно дрогнуло. К горлу подкатил комок обиженных чувств. Эрис побежала вон из комнаты, не видя перед собой ничего из-за накатывающих слез.

На пороге она столкнулась со входившим к матери братом. Он разозлился на Эрис и толкнул её в ответ, отчего та упала, больно стукнувшись головой о косяк.

– Ты что слепая?! Иди глаза вымой, тупица! – крикнул он со злостью.

Эрис протерла слезы и увидела его высокомерное выражение на пухлом белом лице.

– Смотри, мама выгнала тебя как собаку, потому что не любит. Ты – подкидыш! – он по привычке начал дразнить Эрис, тыкая в ее сторону своим нежным пальцем. – Я сейчас пойду к маме. Мы с ней всегда будем вместе. Она заберёт меня с собой. А ты – лишняя. Ха – ха! – он говорил это так спокойно и язвительно, чем и вызвал ярость Эрис. Она встала, и он снова толкнул её. Эрис в ответ пнула его. Но сил, конечно же, не хватило и за дерзость Евгениус ударил её в нос, а после, как трус, проскочил в открытую дверь.

Эрис не сразу почувствовала боль. Она вообще никогда её не чувствовала, когда злилась. Но что-то горячее быстро закапало на ее верхнюю губу. Потом это «что-то» полилось ручейком, и Эрис инстинктивно подставила маленькую ладошку. Она быстро наполнилась, как оказалось – кровью. Через пару мгновений уже и деревянный пол испачкался красной жижей.

Эрис побежала обратно к маме, которая в это время с блаженным ликом ласкала своего сына.

Её выражение сменилось при виде дочери. Эрис думала, что сейчас отбившийся от рук брат получит по заслугам. Не сдержав обиды, она разрыдалась.

– Замолчи! – крикнула сидевшая мать. От её голоса по всей комнате разлился гулкий звон.

Евгениус был рядом, в её объятиях.

– Что случилось? – спросила мать, со снисхождением обратившись к сыну.

– Эта дрянь толкнула меня. Я нечаянно задел её, чуть не упав! – с невинным видом ответил Евгениус, уткнувшись носом в мать. Он зло косился на Эрис.

– Неправда! Он лжёт! Подлый вун! – закричала Эрис, заливаясь кровью. Её одежда, руки, лицо и даже зубы – всё было в крови.

– Следи за языком. Получила по заслугам. Учись уважать старшего брата. – строго научила мать, даже не встав с места.

На крики пришла всегда занятая делом бабушка. Она боялась входить, соблюдая дистанцию с неуютной дочерью и начала говорить издали:

– Какие же вы толстокожие! Сколько можно издеваться над ребенком?! – вскрикнула она, вытащив из передника тряпицу. – Иди сюда, Ляля. – она так ласково называла внучку.

Эрис, всхлипывая, с горечью в сердце, медленно поплелась к бабушке, оглядываясь на эту парочку.

Бабушка вытерла ее лицо и, взяв за руку, повела с собой на кухню умыться, по пути ругая и уча Эрис не доверять им обоим.

Эрис вспомнила, как в далеком городе из-за того, что она была предоставлена сама себе, за ней увязалась одна умалишенная. Она гналась за девочкой с длинной плёткой, и Эрис, убегающая, попала в глубокий овраг, раскроив об острый камень череп. Как она выбралась – не помнит. Помнит жуткую боль в теле и очень много крови. Её нашла одна старуха, когда Эрис пыталась добрести до дома тети. Она отвела девочку к себе, где с одним дедушкой тщетно пыталась остановить кровотечение.

Но потом пришла тетя Татиан и, перевязав рану, даже не поблагодарила соседку, тихо сказав Эрис, что тряпки были грязные. Потом ей еще долго пришлось ходить с перемотанной головой. С тех пор у Эрис был шрам на лбу, который не был замечен под волосами.

Однажды девочку чуть было не затоптал табун мчащихся лошадей. Эрис не могла забежать в ближайший открытый двор и скрыться – оттуда кидалась огромная озверевшая собака. Она помнила, как благодаря своей худобе скрылась за узким стволом дерева – столбом, стоявшим посреди улицы. Эрис до сих пор, если хотела, закрывала глаза и представляла те минуты. Она могла живо ощутить ветер и пыль, поднятые телами коней. Она могла почувствовать гул и тряску земли под их копытами.

В жизни Эрис присутствовал непонятно за что ненавидящий Эрис брат, который много раз умышленно буквально калечил Эрис: то опустив на её руки огромный валун, отчего ногти на ее руках почернели и слезли; то проявив «заботу», прокатил на тележке. Зная, что ноги сестренки попали в щели между досками, он всё же продолжил с бешеной скоростью гнать обоз, отчего её голеностопы, намертво застряв, повисли и стерлись дорогой в ужасное месиво.

Бабушке Эрис долго пришлось вытаскивать камни и грязь из ран внучки. Эрис на протяжении месяца не могла просто встать на ноги, не говоря уже о ходьбе.

Бабушка, при всей её преданности, была чересчур строга. Иногда даже слишком. Сначала Эрис не ощущала этого. Но потом, когда дом опустел и Эрис выросла в одиночестве, она почувствовала гнёт властного характера и нарастающего недовольства со стороны бабушки.

...Мать и брат уходили, даже не позавтракав.

– Вы куда собрались? – спросила бабушка.

– Мы – в часть. Там, слышала, принимают детей на военную подготовку. Может хоть так мой сын сможет выбиться в люди. – поспешно обуваясь, ответила Элин.

– Ты что, с ума сошла! Теперь всем руководят эти хриstopродавцы! – возмущалась бабушка, позабыв налить воды для внучки.

– Ну и что? Какая разница, кто у власти? Один, другой, третий. Люди будут продолжать жить в любом случае. – продолжила Элин.

– Предатели! – рассерчив, крикнула бабушка им вслед.

– Мама! Возьми меня с собой! – Эрис крикнула, Элин обернулась. По её виду было понятно, что она не хотела идти с "хвостом".

– Я хочу с вами. Пожалуйста! – взволнованно взмолилась дочь.

– Сиди дома! – буркнул Евгениус.

На глазах и без того выглядевшей жалко Эрис, – с размазанной кровью на лице и засохшими бордовыми пятнами на клетчатой широкой рубаше, – выступили крупные слёзы.

– Хорошо, только умойся. – дала добро мать. – Да побыстрей!

Эрис начала носиться как на крыльях, поспешно сполоснув лицо и надев сандалии. Бабушка была вне себя от злости. Она, бросив кувшин, направилась на свой небогатый, но красочный участок.

И вот, весело подпрыгивая, Эрис направляется в скромный гарнизон Ситии, где одним глазком посмотрит на героев из своей мечты!

Дорога туда лежала довольно длинная. Мать Эрис знала все места по-памяти. В том месте когда-то служил её отец. Она была ровесница Эрис, когда потеряла его. Но пару раз всё-же успела побывать там с папой.

Было ещё рановато. Выйдя на улицу они встретили только Персиуса, который в окружении своих бодрых дружков помахал Эрис. В ответ она указательным пальцем руки провела по своей тонкой шее, дав ему понять, что "отрежет голову".

Мальчики в шутку сделали испуганные лица. Евгениус начал дразнить Эрис из-за Персиуса. Он сказал ей колкую гадость и зоркому Персиусу это не понравилось.

– Его следует проучить! – тихо приказал Персиус ватаге, на что они начали поддакивать.

Элин продолжала торопиться, дети еле за ней поспевали. Они прошли мимо ворот рынка, бурлящего уже с зари. Мимо улиц и улочек, забегаловок и торговых лавок, мимо просыпающегося и спешащего города с его интересным содержанием.

Здесь пахло жареной рыбой и лепешками. Отовсюду слышались разноголосые возгласы, разговоры, крики.

Евгениус шел, глядя по сторонам, а Эрис смотрела вперед и была сосредоточена лишь на одном слове – "рыцари".

Наконец, пройдя с одного конца города на другой, впитав в себя его ароматы, ощущения, виды и впечатления, они дошли до поста.

Здесь стояли часовые. Каменные смотровые вышки сочетались со скромным деревянным забором.

– Вы куда? – спросил дежурный солдат. На нём были одеты толстая форма венецианского пехотинца и кольчуга, закрывающая всю голову, кроме лица. В ножнах висел меч, а в руке было острое, не очень длинное копье. Эрис с восхищением разглядывала его.

– Я к Яннису. – ответила мать Эрис неуверенным голосом.

– К какому? К старому учителю Яннису? Тогда Вам надо обойти, вход с задней стороны.

– Спасибо! – выпалила Эрис, на что солдат сдержанно улыбнулся.

Эрис быстро направилась туда, куда им подсказал этот служивый. Мать и Евгениус шли следом.

– Когда эта стена кончится? – нудел брат, – Я устал, пить хочу.

– Потерпи, дорогой, сейчас. – отвечала их мама.

Здесь, около стены, тягостно пахло навозом и слышалось ржание лошадей где-то поблизости.

– Вот, мама! – возбужденно вскрикнула Эрис и влетела в открытые двери. Здесь не было такой высокой ограды, лишь железный ржавый кованый плетень, открывающий виды тренировочных площадок.

– Эй! – крикнул Евгениус сестренке. Он всегда так обращался к ней. В последнее время причудливый брат нарёк её Себастьяном и запрещал говорить о себе, как о девочке. Может в этом и скрывалась его нелюбовь к ней? Кто знает...

Но Эрис уже не слышала их. Она, поглощенная зрелищем, наблюдала за тренировочным поединком на конях пары юниоров.

– Ты кто? – спросил у Эрис седовласый, преклонных лет, мужчина.
– Я – будущий воин! – торжественно ответила она, даже не взглянув на него.
– Дядя Яннис! – позвала Элин. Он направился к ней.
– Здравствуйте. Я – Элин Микаилус Лефкас. Может, Вы помните? – спросила она.
– Ты – дочь того самого Микаилуса Лефкаса? – он удивленно спросил, и обрадовавшись, и расстроившись одновременно.

– Да. Я знаю, что Вы являлись его лучшим другом.

– Да. Как же ты выросла! Какие были времена! – он задумался. Это был пожилой человек с белыми волосами, вернее, с тем, что от них осталось. Он не был грузным – скорее, атлетичным, и в свои годы удивительно легким на подъем. Он был облачен в обычные невзрачные туники, одетыми одна на другую и туго подпоясан.

– Твои дети? – спросил он своим дребезжаще-крикливым голосом, придя в себя.

– Да. Я хочу попросить Вас тренировать моего сына.

– В нашем деле главное – закалка. Твой сын силен духом? – строго спросил он.

– Научите его. – убежденно сказала Элин.

– Я могу научить его биться, но дух его научить не смогу. – ответил ей Яннис.

– Дед Яннис, можно я буду учиться у Вас? Я хочу скакать на лошади с мечом. – их перебила Эрис, прибежав на разговор.

– Надо же! Какая бойкая девочка. – удивился учитель, разглядывая ее.

– Да уж... Замолчи, не позорь маму. – гневно приструнил Евгениус сестрѐнку.

На глаза Эрис навернулись слезы обиды. Она бы хотела быть, как эти воины – доблестные и красивые.

– Мамочка, отдай меня, пожалуйста. Я вырасту, буду воином. – слѐзно умоляла девочка.

– Прекрати сейчас же, Эрис! – прикрикнула мать, желая поскорее договориться.

– Ты сначала писать стоя научись! – подливал ядовитый братец.

– Элин. Я приму твоего сына. За бесплатно. – Элин обрадовалась, учитель продолжал. –

Если ты и дочу отдашь к нам на подготовку.

– Что? – ее лицо застыло в недоумении. – Я должна посоветоваться. – ответила она.

– Тогда не приходите вовсе. – решительно, как и подобает военному, пусть и отставному, отрезал учитель.

– Хорошо. – Элин ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Занятия завтра, в 5.30 утра. – сказав это, дед Яннис резко отошёл, и они, недолго простояв, пошли обратно.

Мать и дети брели домой, каждый думая о своем: Элин – в предвкушении скандала с матерью, брат – в ожидании плохого завтра; а Эрис шла вприпрыжку, счастливая от того, что теперь станет настоящим солдатом.

Признаться, бабушка была более чем недовольна. Она кричала, кричала, затем наконец замолчала, и, обидевшись, ушла в свой сад, откуда вернулась не так давно.

Наступило утро завтрашнего дня.

Эрис провела полночи в мечтах – вот она едет в седле, на ней сияющие доспехи, в руках меч, а на плече висит лук и колчан со стрелами...

Эрис проснулась совсем рано. Чуть светало. Соскочив и умывшись, она побежала будить мать.

– Мама, мы опоздаем. Вставай!

– Сейчас... – ответила она спросонья.

Элин встала и принялась будить Евгениуса. Он, привыкший к нежностям и лентяйству, наотрез отказался вставать. Мать, долго теребя, но попутно жалея сына, всё же добила своего.

– Вы что же это, даже не позавтракаете? – спросила бабушка, уже давно бодрствующая и выпекающая последнюю лепешку.

– Мы опаздываем! – ответила Элин.

– Да ну вас! – махнула Эйгл на дочь и её отпрысков, продолжив работу.

Они бежали быстро, стремясь успеть. А Персиус выводил своих баранов навстречу стаду деда Икаруса. Он заметил их, и смешав своих животных с направляющимися на пастбища, подгоняемый любопытством, незаметно увязался за соседями.

Элин довела детей и ушла, пообещав скоро вернуться.

Яннис был вне себя – они опоздали на двадцать минут. Он кричал, что для воина главное – дисциплина.

– Простите, я встала рано, учитель. Мой брат ещё час не хотел вылезать из постели. – непосредственно ответила Эрис.

Яннис и без оправданий девочки разглядел в её брате избалованного отпрыска. Евгениус, стоявший в начале строя, ненавистно посмотрел на сестренку, которая стояла последней, поклявшись себе отомстить за её слова.

Персиус стоял вдалеке и наблюдал. И вдруг Яннис увидел его.

– Эй, кто там ещё! Поди-ка сюда! – он подозвал жестом руки. Персиус, не колеблясь, подбежал. У него был дар – нравиться людям с первого взгляда. Его появление совсем не устроило Эрис.

– Тебя как зовут? – спросил Яннис.

– Персиус. – четко ответил тот, по-солдатски положив руки по швам.

– Что делает Персиус там, когда его место в строю? – спросил учитель.

– Вы мне не приказывали. – ответил он.

– Встать в строй! – приказал учитель.

– Есть встать в строй! – ответил Персиус.

Он встал в ряд детей и встретился глазами с маленькой недовольной Эрис, пошевелив бровями в приветственном жесте.

– Фу, дурак. – буркнула она.

– Разговоры! – крикнул Яннис.

Её первый в жизни урок начался!

Они бегали, делали упражнения на укрепление тела и духа. Эрис была самая маленькая, она терпеливо сносила всё, боясь громко вздохнуть, а брат её все время ныл и старался улизнуть. Яннис поначалу терпел, но потом дал Евгениусу розгой по спине за непослушание. Евгениус разрыдался.

Эрис видела всё, и ей было стыдно за малодушного братца. Тут еще и ненормальный Персиус будет сплетни распускать... В общем, тяжелый выдался день.

Эрис всё ждала, когда же их будут учить верховой езде. Но стеснялась спросить. Яннис опередил её, сказав, что сначала закалит их тело, обучит базовому владению оружием и стрельбе, а уж потом, подготовленных, посадит в седло.

Тренировка кончилась после обеда, матери всё не было. Эрис казалось, что её печень разорвется от нагрузки, но она была стойка. Малышка боялась выглядеть слабачкой среди мальчишек. Яннису понравилось это упрямство.

Все расходились по домам, Персиус подошел к Евгениусу и Эрис.

– Привет, Никак!

Эрис сделала вид, что не замечает соседа.

– Что, мамочку ждёте? А самим дойти слабо? – засмеялся он.

– Заткнись, не слабо. – ответила Эрис. Убитый непривычным трудом Евгениус молчал, тем более он боялся авторитетного Персиуса.

– Да ладно, мы ж соседи, пошли вместе! – предложил им Персиус.

– Сами дойдем! – крикнула Эрис возмущенно. – Отвали!

– Да ладно, я подожду с вами тетю Элин. – к негодованию Эрис, он сел на скамью возле строений.

– Вот скот! – поразила его нахальству Эрис.

Они прождали маму около часа, Яннис всё видел, но решил не вмешиваться.

Устав ждать, Персиус прошел к выходу, но вдруг помахал им, позвав за собой. Евгениус одобрительно покачал головой, и они пошли домой вместе.

Они брели по оживленным улицам города молча. Персиус знал дорогу и шел уверенно. Эрис, пройдя мимо рынка, схватила брата за рубаху на руке и сказала Персиусу:

– Дальше мы сами!

Персиус не стал сопротивляться упертой малявке, сделав издевательский реверанс.

– Вот гад! – бросила ему Эрис на прощание. Персиус улыбнулся.

Евгениус и Эрис подходили к улице. Зайдя в узкий поворот, Евгениус вдруг ни с того, ни с сего начал ругать Эрис некрасивыми словами. Эрис ответила, что он сам такой.

Этого Евгениус и ждал. Он вцепился в её волосы, собранные в хвост и начал мотать сестренку, затем швырнув на землю. Эрис опешила от такого поведения.

– Ты – мерзкая гадина, я тебе покажу, как ябедничать! – он схватил лежавшую на обочине толстую палку и принялся со всей мощи лупить хилую сестренку. Она не успела встать, лишь закрыла лицо, боясь, что Евгениус попадет ей в глаза. Эрис молча сносила это, так и не сумев подняться. В конце концов от обилия ударов и жгучей боли она вскрикнула, больше не в силах терпеть.

Лицо её брата было омерзительно перекошено неудержимой злобой, и он, уже не в силах остановиться, бил её с остервенением. В глазах Эрис потемнело.

– Ах ты урод! – крикнул кто-то. Это был голос Персиуса. Удары прекратились. И вот уже Евгениус получал от старшего на три года крепкого мальчугана по заслугам.

– Ты почему бьёшь сестренку?! – он тащил его за воротник, приближая к напуганной Эрис.

– Ну-ка быстро проси прощения! – рычал на него Персиус. Евгениус плюнул на Эрис, попав в лицо.

– Ты мне не сестра, понятно тебе! Оборванка, цыганенок! – крикнул он, но тут вмешалась их мать.

– Отпусти! – взревела она, всучив Персиусу оплеуху. Ее глаза были полны бешенства.

– Он избил сестренку! – оправдывался Персиус.

– Значит, она сама нарвалась! – выпалила Элин, бросив Персиуса и принявшись дубасить ни в чём не виновную Эрис.

– Дрянь, я тебе сколько могу повторять: не перечь брату, не перечь брату! – она била её, потеряв над собой контроль.

Персиус, видя, что дело совсем плохо, побежал за помощью домой к Эрис. Он кричал и ломился в ворота, боясь упустить время. Вышла бабушка, испугавшись поведения соседа.

– Ну чего тебе надо?! – бросила ему она.

– Там вашу внучку Эрис бьют, быстрее, помогите, ну что же Вы стоите! – кричал он, задыхаясь.

– Господи Боже мой! – причитая, бабушка побежала, как могла.

Её взгляду представилась ужасная картина – мать Эрис всё ещё наносила ей побои, пытая, принуждая просить прощения у инфантильного братца, который стоял и наслаждался долгожданным зрелищем. Упрямая Эрис не сдавалась. Она с закрытыми глазами, немо и стойко переносила боль.

– Ну что вы творите, какие бессовестные! – ужаснулась бабушка, оттолкнув свою ненормальную дочь, срывавшую все проблемы жизни и испытания судьбы на беззащитном ребенке.

– Эта дура не моя сестренка! – весело сказал осмелевший при мамаше Евгениус, на которого гневно смотрел Персиус.

– Я еще тебя найду. – пригрозил он, уходя. Персиус почувствовал себя лишним в этом обществе.

– Бабушка. – прошептала Эрис и в её глазах позеленело. Уши перестали слышать голоса. Но бабушка успела подхватить её.

Она отнесла внучку домой. Сильная женщина не проронила ни слезинки, в душе коря свою безумную дочь.

...Эрис очнулась. Она первым делом принялась разглядывать себя. Всё тело болело. И шея, и голова. Она с трудом собрала лохматые волосы. Так больно было связать их – они тянули кожу.

Да... Её худое тельце, ноги, лицо – все сплошь было покрыто полосами и фиолетовыми подтёками. Вот теперь она заплачет! Непременно, пока никто не видит. Ей было бесконечно обидно. Зачем она родилась?

Зашла мама. Эрис принялась кричать на неё.

– Зачем ты родила меня, мама, если не любишь?! – она вспотела от переживания.

– Вот сама тебя родила, сама и убью. Поняла? – ответила её мать голосом, пока не переросшим в крик. И почему-то она смеялась. Наверное, над глупостью своего ответа.

– Я не просила тебя рожать меня. – Эрис повернулась лицом к стене, тихо плача.

– Мы уезжаем. Я заберу Евгениуса. Не ной. – попросила мать.

– Я знала, что вы бросите меня. – равнодушно ответила Эрис.

Мать подошла и села рядом. Ее сердце, конечно, любило собственное дитя, но горести жизни, которая была беспощадна, сделали её черствой к чужой боли. К боли своего ребенка.

Девочка на прощание обняла мать, вдохнув родной запах. Ее ручки не хотели отпускать маму, но та, торопясь, выскользнула из объятий дочери.

– А ты ходи каждый день к учителю Яннису и стань солдатом, поняла? – сказала она серьезно.

– Поняла. А вдруг бабушка будет ругать меня? – тревожно спросила Эрис.

– Не будет. А если и будет, делай по своему. Поругается и перестанет. – мама улыбнулась и встала. – Ну всё, нам пора. Корабль ждать не будет.

– А где Евгениус? – спросила Эрис, и глаза её вновь наполнились слезами. Она уже простила непутевого братца.

– Он на улице. Пошли, попрощаешься.

Мама помогла ей встать. Она старалась не замечать её синяки. Может, потому-что совесть могла постучаться в её мятежную душу.

Они вышли во двор. Эрис с трудом шла, она была голодна и измучена. Бабушка ахнула, увидев следы от побоев. Но промолчала. Эрис увидела сияющего Евгениуса и обрадовалась, что его мечта о матери осуществится.

Она подошла к нему и протянула руку для рукопожатия. Евгениус смущенно принял её. Эрис крепко сжала руку брата, другой гулко похлопала по его спине.

– Давай, братан. – это всё, что она смогла из себя выдавить. Её грудь разрывалась от боли, но она была стойкая по нраву.

Евгениус, скупой на благие чувства, лишь через силу улыбнулся и кивнул головой. Мать поторопила их.

Евгениус и мама Эрис вышли из ворот старого дома, подхватив небольшой багаж и провиант, приготовленный заботливой бабушкой.

Эрис еще раз обняла маму, сдерживая слёзы.

Мама лишь улыбнулась, и они с сыном в спешке отправились вдоль по улице.

Эрис долго смотрела и махала вслед удаляющимся, пока они не завернули за угол. Она почувствовала себя совершенно разбитой и одинокой. Ее сердечко больно билось, наполненное обидой и чувством собственной ненужности...

– Пойдем домой. – позвала бабушка как ни в чём не бывало. Эрис послушалась.

Персиус наблюдал за всем происходящим с высокого дуба. Ему стало жаль соседскую девчонку. Он решил стать ее названным братом.

Наступило утро следующего дня. Вчера Эрис, не обращая внимания на ругань бабушки, так и не поела, проплакав в подушку почти всю ночь.

Ужасное холодное утро. Её тело и душа болели вместе. Она отвратительно себя чувствовала. По холодным ногам и рукам пробегал нервный ток – это от переживаний. Но она нашла в себе сил встать и собраться в часть. Это стало её целью. Целью, которая поможет Эрис продолжать жить при любых испытаниях...

Эрис вышла на крыльцо. Рассветало. Пели петухи. Опустившаяся роса блестела на восходящем солнышке. Теплый кот терся об её ноги. Пахло свежим утром. И вроде не так тяжело, но мысли опять окружали её, принося страдания.

– Куда это ты? – спросила бабушка.

– Ты же знаешь. – спокойно ответила она.

– Ты что это, серьезно что-ли? – вопрошала в недоумении бабушка.

– Да. И эта тема закрыта.

– Да иди ты. – гневно бросила бабушка Эрис, продолжив заниматься своими делами. Её бабушка выращивала в огороде всё, что могла. И разводила кур. Потом, обычно по воскресеньям, отправлялась на рынок, продавая то, что было произведено своими руками. Она была очень трудолюбивой.

– Соседка! Бабушка Эйгл! – кто-то прокричал на улице. Бабушка не любила людей. Она не доверяла им.

Они прошли к воротам. Оказывается, это был Персиус. Он попросил бабушку разрешения отвести Эрис, так как он тоже теперь вступил в ряды юниоров. Но бабушка грубо отказала ему и прогнала, предупредив Эрис не водиться с мальчишками. И с девчонками. Вообще, ей не нравилось, когда люди тесно общаются. Это выводило Эрис из себя, но она не перечила бабушке.

Эрис, попрощавшись, вышла. Персиус уже ушёл. Она добрела до части, и, стесняясь своего боевого раскраса, вошла внутрь. Никого не было. Эрис не став ждать, принялась бегать вокруг площадки, описывая круги.

– Вот молодец! – похвалил ее Янис, смотря из пыльного окна, заляпанного известью.

Постепенно подтянулись остальные ребята. Пришёл и Персиус, приведя с собой пятерку мальчишек с их улицы.

– А ты сегодня действительно похожа на воина! – воскликнул учитель Яннис, глядя на раны Эрис. – Кто это тебя так?

– Не важно. – буркнула Эрис, нахмурившись.

Начался новый тяжелый день.

... После тренировки Эрис направилась напрямик домой. Но Персиус в окружении мальчишек догнал её. Эрис старалась оторваться от них, не разговаривая и ускорив шаг.

– Эй, Никак, мы будем твоими братьями! Мы не предаем! – крикнул Персиус вслед Эрис. И так изо дня в день. Он ходил за ней, добиваясь дружбы маленькой одинокой грубиянки.

Прошло время и Эрис приняла их дружбу. Они делились всем – секретами, мечтами и кусками хлеба. Так и прошло её детство – в окружении старших мальчишек. Она была оберегаемая ими до той поры, пока сама не научилась драться.

Не обходилось, конечно, и без хулиганств. Эрис была пацанистой девчонкой, хоть и на вид – ангелочком.

Они вместе с Аннасом и Аргосом иногда творили милые безумства – по дороге домой успевали нашкодить: то коня чужого отпустят, то белье грязью закидают. Под ругательства хозяев поедались фрукты в садах. Своих было – хоть отбавляй, но чужие-то вкуснее! Совесть, конечно, мучала, только недолго.

Одна из самых запоминающихся была благородная шалость. Жил у них на улице паренек – сын ремесленника. И жила прекрасная девушка. Этот паренек был влюблен в девчонку. И, как узнала Эрис, девчонка тоже любила скромнягу. И однажды, возвращаясь домой, по задумке Эрис, парни должны были начать доставать девушку. Пару дней они цеплялись к ней, доводя до слёз. Артистичная Эрис, принесла какую-то ерунду на чинку мастеру, невзначай и невинно проболталась сыну ремесленника о приставаниях к его пассии. Но этот парнишка был трусливым. Эрис, подкараулив парнишку, выудила девушку из дома. Спросив будничную утварь, подала знак Персиусу, Аннасу, Атрею и Аргосу. Те, прыгая из кустов, начали доставать девчонок. Эрис состроила из себя слабачку. Влюбленная девушка испугалась, а Эрис начала зазывать сына мастера. Тот, дрожа и трясая коленками, все же подошел к крепким парням. Пару фраз перепалки между парнишкой и Персиусом, и несостоявшийся влюбленный отступил.

Трус несчастный, все на смарку!

Второй заход – тут же, сразу после спора, Эрис и Атрей переругались. Делали они это рьяно. Сцепились. Девушка помогает Эрис. К девушке лезет Персиус. К Персиусу летит сынуля ремесленника и на этот раз бьет. Всей тройкой они несильно молотят парнишку – так, для вида, попутно шепча, чтобы тот строил из себя Геракла. Что он и сделал. Капля крови на лице и валяющиеся на дороге Персиус, Атрей, Аннас, Аргос, ораторствующая о смельчаке Эрис – новая пара соединена. Спасибо шпанятам.

Им было весело вместе. Пока не закончилось босоное детство. Вместе с детством закончились хулиганства. К сожалению, и дружба с Персиусом.

Персиус был потомком персов – наемников, которые приплыли сюда, на Крит, вместе с арабскими завоевателями из Испании, где-то в 900 годах, во время их правления. Большинство потом было разбито византийцами. Но малое количество всё же обосновалось тут, растерявшись в гуще населения.

Персиус и его семья почему-то не соблюдали диковинную сарацинскую религию. Они вообще ни во что не верили, полагаясь только на себя.

А Эрис – верила. Она верила, что на небесах есть её Создатель, хранивший всех. И на этом область её познаний заканчивалась, кроме тех, что она читала или ей рассказывала бабушка.

Несмотря на свои разные нации, взгляды на жизнь Персиус и Эрис раньше были хорошими друзьями. Персиус научил Эрис их богатому языку. Способная девочка освоила его в совершенстве. Персиус считал её первой своей сестренкой. А уж потом двух своих родных...

Глава четвертая

Годы шли, а Эрис не получала ни весточки от мамы и брата. Она часто вспоминала их. Плакала. Бабушка всё видела, но не могла ничем помочь.

Эрис росла доброй девушкой. Однажды у них дома вылупился слепой цыпленок. Эрис было невыносимо видеть, как его топчут собратья. Она посадила его отдельно. Но он мерз и пищал. Он не мог уснуть. Эрис брала его к себе на руки и грела. Она его кормила, опуская клюв в зерна. И поила – всё тем же способом. Постепенно из маленького цыпленка вырос большой петух.

Также и коты, и собаки. Она подбирала щенков, которые становились верными охранниками их престарелого дома.

В Каструме (*Каструм – военная часть римлян.*), – так ребята в шутку называли свою часть, – у Эрис был конь. Конечно, не собственный – казенный. Это был прекрасный вороной жеребец, доверяющий только ей. Эрис вырастила его практически сама, ухаживая, объезжая, кормя, моя и убирая за ним. Эрис назвала его Буцефалом, в честь любимого коня Александра Великого, македонского грека.

Теперь Эрис всё своё время проводила в Олимпии – это было официальное название их части. Ей скоро должно было исполниться шестнадцать лет. Дома она во всём помогала бабушке. Только бабушка не разрешала ей ходить на рынок – уж слишком опасно там стало. А Эрис была очень красивой девушкой.

Дружеские отношения с Персиусом испортились тогда, когда она стала показывать блестящие результаты, чем вызвала в нем, спесивом, страшную зависть. Они не были заклятыми врагами – скорее, злостными соперниками. Что пошло на пользу обоим – не давало расслабляться и уступать.

В их юном крыле появилось много других ребят, ставших для девушки хорошими друзьями. Теперь учитель Яннис ставил Эрис в пример всем, частенько позволяя проводить уроки ей, что не позволялось больше никому. Сам же Яннис регулярно отсутствовал, как он выражался «у авторитетных личностей.» И ребята, кроме тренировок, постоянно испытывали на себе тяжкие работы у этих самых уважаемых людей. Яннис говорил им, что такое воспитание увеличит их физическую силу. А Эрис считала, что обслуживание высокомерной пьяни, кроме воспитания выдержки, пользы не принесет.

Постепенно она стала лидером. И юноши, даже старше нее, принимали это. На зло Персиусу.

Никто не мог держаться в седле лучше Эрис. Она выполняла умопомрачительные трюки на бешено скачущей лошади – всей этой небывалой техникой Эрис овладела, читая литературу деда и дневавши в Олимпии, несмотря на протесты бабушки. В последнее время характер той стал невыносимым. Но Эрис терпела скачки настроения бабули.

Уже лет пять с Эрис занимался Георгиус – её кузен, сын Татиан. Татиан сама привела его к ним домой, умоляя Эрис взяться за его воспитание. Нехотя, пришлось согласиться – бабушка надавила. Георгиус был младше Эрис на два года. Кузина удивлялась – как из маленького несерьезного малыша он вырос в огромного статного парня? С его-то силой он мог бы многого добиться. Но, к сожалению, подводил характер. Мягкий, не очень трусливый, скажем – слишком благопристойный. Неконфликтный. В отличие от Эрис. Она пресекала любую несправедливость, лишь только заметив её. Парни боялись этой хрупкой на вид, тонкой и гибкой, как тростинка, бесподобной красоты, девушки. Некоторые новички не воспринимали ее всерьез, но, получив как следует, меняли свое мнение на прямо противоположное.

Также среди парней появился один подлый юнец – Ахиллес Бобзис. Он вращался среди плохишей. Придя впервые, Ахиллес оскорбил Эрис, сделав комплимент ее, пардон, пятой точке.

Но был прилюдно и жестоко наказан ею на месте. Теперь он старался всячески обходить Эрис стороной, лишь украдкой поглядывая на буйную лихачку.

Эрис немного уступала в кулачном бою лишь Персиусу. В остальном никто не мог угнаться за ней. Ни во владении мечом, ни в зоркости глаза стрелка. Даже борьба – она с хлестом кидала противников на землю. Не мог обойти эту участь и Персиус, несмотря на свою силу. Все удивлялись – откуда в такой сухой девушке столько мощи? Но ответ, наверное, заключался в её внутреннем стержне. И, конечно, в дисциплине. Какова отсутствовала у большинства парней.

В общем, первый взгляд был обманчив. Узнав Эрис поближе, юнцы принимали ее не только за своего человека, но и сами хотели видеть в ней своего требовательного, умеющего легко наладить контакт с любым, даже с самым тяжелым характером, наставника.

– Вы слышали?! Эрис, в Кандии будут игры для юниоров! – воодушевленно делились мыслями ребята.

– Откуда знаешь? – твердо спросила Эрис, смотря прямо в глаза своим пронзительным взглядом, отчего парень по имени Агафон отвел взор, испугавшись её гнева. – Что им там, своих венецианцев не хватает? – скептически заметила она.

– Построились! – скомандовал еще более постаревший за десять лет учитель Яннис. – Так. Слушайте внимательно. Вы знаете, что наш остров Крит-Королевство Кандия разделён на шесть областей. Я получил письмо от командира сестер и крепости Кандии – Тарроса Каллерджи Армандо. Это очень уважаемый человек, много воевавший и заслуживший свое положение по праву. Он пишет, что по его инициативе, ради популяризации армии, по одобрению его Величества Дожа, из каждой области вызвано по отряду на юниорские игры. Фактически, это является смотринами в войска. В каждом отряде будет по двенадцать активных человек и три – в резерве.

Сейчас мы – лучшие среди всего округа Ситии. Мы поедem и непременно выиграем эти игры!

– А что, сам Дожд будет смотреть на нас? – спросила Эрис.

– Да. Игры продлятся три дня. Дожд приедет на последний.

– А каков будет наш приз? – спросил Персиус, строя из себя мужественного воина.

– Награда – отряд будет зачислен как юношеский элитный в пехоту, на службу к Дожду.

Ну не знаю, что еще они там скажут... – спокойно продолжал Яннис. – Вы готовы?

– Да!!! – хором ответили юниоры.

– Нам осталось только выбрать командира. Я сам выберу дюжину лучших, а они проголосуют за своего лидера. – сказал учитель.

Юноши заволновались. Все, кроме Персиуса. Он полагал, что в капитаны запуганные друзья выберут именно его. А насчёт поездки вообще не сомневался.

– Я назову имена, выходите ко мне. – сказал Яннис, смотря на полсотни молодых людей.

– Георгиус, Аргос, Эллиут... – парни, улыбаясь, подходили к нему. – ...Филон, Ахиллес, Тичон... – он вглядывался в каждого, удлинняя томительное ожидание. – ...Софос, Никон, Исос, Аннас.

Яннис замолчал.

"Неужели меня не возьмут, потому что я – не парень?" – думала Эрис, и её сердце замирало.

– Персиус! – он самодовольно вышел к остальным.

– Ну, и конечно же, как нам без тебя, наш талисман – Эрис! – она облегченно вздохнула и, чуть не споткнувшись, прошла к избранным.

Оставшиеся юноши грустно вздохнули.

– На замену нам нужны еще три человека. Атрей! Андроник! Азариус!

Вышли и они. Все юноши были прекрасно сложенные на вид. Они были лучшие. Яннис не зря старался, взрастив их, подобно росткам. И теперь ожидал плодов. Самым старшим среди них был Персиус. Ему было почти 22 года.

Он уже не вполне вписывался под слово «юниор», шел его последний год среди них. Потом он либо поступал на службу, либо начинал жить своей жизнью. Жизни на Крите, как таковой, не было. Если ты причислялся к аристократам – вел семейные дела, прикрепленные к роду. Дорога в высший свет была перекрыта венецианцами – критяне не имели права занимать постов, тем более высокопоставленных. Если же ты не голубых кровей, но бравый и сильный – тебе либо в наёмники, либо в разбойники. А если ты не одарен физически, но талантлив – иди в подмастерья к ремесленникам или в торговлю. Но в последней нужны деньги на раскрутку. А если ты вообще никакой – то батрачить у земледельцев; либо стать рыбаком.

У девушек все было еще хуже. Вырастят, обучат домоводству и мастерить, да отдадут замуж. И поскорее, под крыло мужа, время было такое – беспокойное.

Эрис совсем не устраивала такая судьба – без любви, по стовору старших, выскочить замуж. Жуть!

Ей в душе всегда хотелось встретить человека её мечты – сильного духом и телом, благородного сердцем, умного и, конечно, красивого. Но где ж такого отыскать-то? Да она и не стремилась. Любовь была запретным словом в её родном доме. Как и всё остальное.

Эрис пока еще не принимала своей женской сути. Все, что напоминало ей о том, что она девушка, уничтожалось ею же самой подсознательно. Но это не значит, что она говорила и ходила, как неотесанный мужик. Нет, она была крайне сдержана и собрана, не открывая ни перед кем своей нежной души. Её походка была четкой и быстрой, она ходила с достоинством, широко и стремительно шагая, без суеты и женского вихляния телом. Взгляд был преисполнен строгости и серьезности. Эрис, идя по улице, не смотрела на прохожих, а глядела сквозь человека, не подпуская его к себе. Хоть и этого взгляда «сквозь» ей хватало, чтобы изучить кого-либо.

Она никогда не проявляла слабости и беспомощности, наоборот, была крайне отзывчивой и желала помочь товарищам.

Эрис никогда не разговаривала чувственным девичьим голосом, не желая, чтобы парни флиртовали с ней, но и не говорила басом, как базарная торговка. Она разговаривала прекрасным тоном, преисполненным воспитания.

Учитель Яннис особо уважал за это свою подопечную.

– Выбираем командира! – скомандовал учитель.

– Я хочу быть капитаном. – сказал Персиус, косясь на своих друзей, которых когда-то он частенько побивал.

Среди вызванных Яннисом были те трое с пшеничного поля, издевавшиеся над Эрис в детстве – кривозубый суровый Аргос, шутник Атрей, и остроносый Аннас.

– Я предложу двух людей из вас. – перебил Персиуса Яннис. – За кого проголосуют больше товарищей, тот и станет капитаном. Вы согласны?

– Да! – ответили парни.

– Персиус и Эрис. Кто за Персиуса? Поднимите руки! – скомандовал Яннис.

Аннас хотел было проголосовать, но Аргос схватил его руку, чем вызвал в Персиусе страшную злость.

– Я повторяюсь. Кто за Персиуса? – Яннис ждал. Персиус вскипел. Сердце Эрис холодело от волнения.

– Всё. Ясно. Кто за Эрис? – юниоры дружно подняли руки.

– Молодцы. Эрис! – учитель посмотрел на неё. – Оправдай наши надежды.

– Есть оправдать надежды. Спасибо вам, ребята. – сказала она воодушевленно и благодарно.

– Я не поеду. – отрезал оскорбленный Персиус.

– Как это так, не поедешь?! – воскликнул Яннис, разозлившись.

– Не хочу быть под девчонкой. Ясно? Место женщины – под мужчиной, а не наоборот. И вообще, кто сказал, что ее пропустят на игры? Этот командир окажется полным дураком, если захочет впустить в армию бабу. – его рассуждения оборвала Эрис, пнувшая Персиуса длинной ногой в челюсть. Он упал.

– Вот, смотри! Кто теперь сверху? – сказала спокойная Эрис, стоя над ним.

Парни засмеялись. Не сказать, чтобы они не любили Персиуса, нет. Он был хорош в их рядах, но как командир – не годился. Самоуверенность и неумение слушать других подводили его. И вот – первый результат.

Персиус встал, окинув всех гневным взглядом. Потом он посмотрел на Эрис. К её ужасу, в его взгляде она прочитала нечто большее, чем просто возмущение и обида. Что-то дикое и загадочное, которое появилось только тогда, когда его чёрные глаза настигли глаз Эрис. Она поспешно отвернулась. Ее лицо и уши загорелись. Персиус, не слушая угроз деда Янниса, гордо ушёл.

В душе у девушки появился противный осадок. Ей было омерзительно даже представить, что этот парень, которого она в детстве считала своим братом, испортил с ней отношение не только из-за зависти. Тут было нечто другое. Но она с отвращением отогнала эти мысли.

– У нас нет времени. Выходим завтра. Дорогу в сто километров по суше преодолеем за день. Эрис, у тебя есть опыт в командовании. Поэтому я доверяю тебе. Скажи им пару слов и – по домам, набираться сил.

– Построились! – скомандовала она, – Братья! – обратилась девушка, стремясь наладить зрительный контакт с каждым юношей, – Вы долго шли к своей цели, терпя боль и лишения. Пока другие бегали без дела и тратили свое бесценно упущенное время на развлечения, вы – как истинные воины, как настоящие мужчины с большой буквы, как наши воинственные предки, оттачивали свое мастерство искусства ведения войны каждый день на протяжении долгих лет. Я знаю каждого – как хорошо он умеет владеть оружием и конем. Теперь мы вместе пойдём и покажем столичной элите и Дожу всё, на что способны, ибо такой шанс дается один раз и нужно будет выложиться по-максимуму! Вы согласны?! – закончила капитанша свою бурную, вдохновляющую речь.

– Да! Да! Да! – поддержала её дюжина юниоров и остальное крыло, остающееся молиться за них дома.

Они, воодушевленные, отправились по домам. Эрис пошла в конюшню и попрощалась с Буцефалом.

Придя домой, Эрис хотела обрадовать бабушку, но вместо ожидаемого восторга ее строгая опекунша сказала, что если та поедет, может больше не приходить обратно. Эрис, не поуживав, легла спать. А наутро, попрощавшись, к разочарованию бабушки, всё-же ушла.

Собравшись, юниоры по приказу Эрис принялись в первую очередь чистить, кормить, осматривать на недостатки и запрягать скакунов.

В разгар сборов дед Яннис вручил Эрис стальной шлем, закрывающий всё лицо, кроме глаз. У неё уже был свой – тоже скромный. А этот был слишком строгий. Эрис недоуменно посмотрела на него.

– Эрис. Обещай, что не будешь снимать его ни при каких обстоятельствах.

Ребята взглянули на них.

– Вот так. – он надел шлем ей на голову. – Замечательно. Солдаты! Это наголовье должно оставаться на ней при любых условиях. Ясно?

– Да! – хором ответили они.

Закончив, юниоры, принарядившись и начистив свои небогатые доспехи, оседлали коней и, под руководством Эрис, отправились в путь вместе с учителем Яннисом.

Глава пятая

Это было самое замечательное путешествие для всех ребят.

Прекрасная природа, юность и мечты о светлом будущем. Цвели их молодые пыльные души, еще не омраченные обязанностями, сердечными привязанностями и трудностями.

Коллектив, основанный на равенстве, справедливости и братстве – каждому было комфортно и каждый чувствовал себя нужным, подобно частью общего организма. Никто и не горевал о самовлюбленном Персиусе.

Они ехали на лошадях строем, путь должен был занять около шести часов – с привалом. Их скромный, но благородный вид говорил о чистоте порывов молодых сердец. Чтобы не обжечься на солнце, Эрис замотала голову в льняную ткань так, что были видны только глаза. Она делала это почти всегда – ей не хотелось стать смуглой, как Персиус или Аргос.

Юнцы рассматривали невероятно красивые окрестности – лагуны, горы, холмы, деревья; также время от времени встречающихся на пути животных.

Горячий ветер навевал им запах неповторимых трав и критские мотивы. Они даже не раз спели народную песню – «Соловей». *(Критская народная песня из раннего средневековья. Перевод авт. Здесь – приведено в сокращении).*

*Ένα, ένα `ναι το αηδόνη
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνη στο κλουβί
Δύο, δύο πέρδικες αντάμα
Ένα, ένα `ναι το αηδόνη.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνη στο κλουβί...*

.....
*... Τρία η Αγιά Τριάδα
Δύο πέρδικες αντάμα
Ένα, ένα `ναι το αηδόνη.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνη στο κλουβί
Δώδεκα, δώδεκα οι Αποστόλοι
Που να μας εβλεπουν όλοι
Έντεκα τα σορδινά μας
Δέκα είν' οι Άγιοι δέκα
Εννιά μήνες η γυναίκα
Οχταπλόκαμο χταπόδι
Εφτά μέρες η βδομάδα
Έξι είν' οι Αρχαγγέλοι
Πέντε δάχτυλα στο χέρι
Τέσσερα πόδια η αγελάδα
Τρία η Αγιά Τριάδα
Δύο πέρδικες αντάμα
Ένα, ένα `ναι το αηδόνη.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνη στο κλουβί
Δεκατρία η ατυχία
Δώδεκα οι Αποστόλοι
Που να μας εβλεπουν όλοι
Έντεκα τα σορδινά μας
Δέκα είν' οι Άγιοι δέκα
Εννιά μήνες η γυναίκα
Οχταπλόκαμο χταπόδι*

*Εφτά μέρες η βδομάδα
Έξι είν' οι Αρχαγγέλοι
Πέντε δάχτυλα στο χέρι
Τέσσερα πόδια η αγελάδα
Τρία η Αγιά Τριάδα
Δύο πέρδικες αντάμα
Ένα, ένα `ναι το αηδόνι.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνι στο κλουβί
Ένα `ναι το αηδόνι.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνι στο κλουβί
Από τα τέσσερα τα δυο
Κι από τα δυο το ένα
Από τα τέσσερα τα δυο
Κι από τα δυο το ένα
Κι από το ένα το μισό
Κι από το ένα το μισό
Ήμουν εγώ για σένα
Ήμουν εγώ για σένα
Ένα, ένα `ναι το αηδόνι.
Λαλεί, μωρέ, λαλεί, τ' αηδόνι στο κλουβί.
Один, один да соловей —
Он плачет, мам, он плачет, одинокий в клетке.
Два – две куропатки,
Один, один да, соловей.
Он плачет, мам, он плачет, одинокий в клетке ...
... И так поется по кругу!!! ...
... Двенадцать – двенадцать апостолов
В них каждый может нас узнать.
Одиннадцать наших штанов.
Десять – святых десять
Женщина дитя своё
Девять месяцев несет.
Осьминог – восемь ног.
Семь – семь дней в неделе.
Есть шесть Архангелов,
Пять пальцев на руке,
У коровы четыре ноги,
Святая Троица – три.
Две куропатки перед ней
Один – один наш соловей.
Он плачет, мам, он плачет, одинокий в клетке.
Тринадцать несчастий.
Дюжина апостолов —
В них каждый может нас узнать.
Одиннадцать наших штанов.
Десять – десять святых.
Женщина дитя своё
Девять месяцев несет.
Осьминог – восемь ног.*

*Семь – семь дней в неделе.
Есть шесть Архангелов,
Пять пальцев на руке,
У коровы четыре ноги,
Святая Троица – три.
Две куропатки перед ней
Один – один наш соловей.
Он плачет, мам, он плачет, одинокий в клетке.
Один, один да соловей.
Он плачет, мам, он плачет, соловей наш в клетке.
Из четырех два,
Оба из одного,
Из четырех два,
Оба из одного,
И твою половиной,
И твою половиной,
Я был для тебя,
Я был для тебя.
Один, один да, соловей.
Он плачет, мам, он плачет, одинокий в клетке...*

Их юные голоса звучали воинственно и радостно. Ребята смеялись, это они – двенадцать Апостолов из песни.

От Эрис получил подзатыльник Исос, когда рассмеялся про одиннадцать штанов во время пения, посмотрев на девчонку. Она не терпела насмешек с детства. И она тоже носила штаны под юбкой. А Ахиллес боялся на нее даже смотреть – в его груди давно таилось недвусмысленное чувство. Но неприступный характер девушки рубил на корню все мечты этого юноши. Поэтому никто и не замечал его состояния. Так даже лучше...

Да! Старик Яннис помолодел сегодня лет на тридцать. А может, и на все на сорок.

Это был лучший из дней в их пока еще недолгой жизни. Учитель наблюдал, как дети общаются между собой. Он про себя отмечал, с каким уважением мальчишки относятся к строгой, но умеющей быть душой компании, Эрис.

Во время привала под сенью огромного платана она ловко подстрелила из лука пару кекликов. Быстро соорудив полевую кухню под руководством девушки, юноши приготовили походную похлебку из пернатых трофеев командирши. Никто здесь не был изгоем. Каждому была отведена своя роль. Учитель Яннис уже почти десять лет воспитывал и делился секретами школы выживания и военной подготовки с Эрис. Её среди ребят он знал наиболее долгое время, ибо даже во время болезни она оставалась в строю – чего не скажешь о других. Он остался доволен тем, как девушка справляется с возложенными на нее обязанностями.

При подступах к окрестностям Кандии Эрис сняла платок и надела свой шлем, в котором, кроме узких щелей для глаз, спускающихся по линии носа к губам, не было отверстий. Это был обтекаемый, гладкий доспех с Т-образным вырезом, за которым невозможно было разглядеть лицо солдата.

Знаменосец Никон водрузил флаг Ситии и Олимпии – их скромной части. На личной овальной геральдике был изображен белый Пегас на трезубце, окруженный геометрическим волнообразным узором.

На закате юниоры подошли к городу. Лошади подустали. Их встретил отряд пехоты Кандии.

Они прошли по дороге в гарнизон по широким зеленым улицам, и здесь их встречал приветливый народ, любивший зрелища и рыцарей в доспехах. Доспехи юношей были про-

стенки и легкие – они, всё-таки, из ополчения маленького города. К тому же венецианцы, да и все итальянцы, в отличие от других европейцев отличались любовью к легким, мобильным, не громоздким боевым обмундированиям. (*Данные о форме армии Венеции взяты мною с научно-образовательного сайта warriors.fandom.com (Воины и военная техника)*).

Ровный строй во главе с Эрис не мог не поражать взоры и сердца. Даже их кони изящно гарцевали в такт друг другу. А вокруг красивый город и та же самая суета, только в более крупных масштабах.

Наконец-то они добрались до места. Ребята перешептывались, разглядывая стены крепости. Ко входу вела дорога, словно вылезшая из глубин моря. Не зря венецианцы называют эту крепость *Rossa al mare* – Крепостью в море. (*Крепости Крита, их история и архитектура подробно описаны на сайте cretanbeaches.*) Морской прибой врезался в мощеную камнями пристань, поднимая и разбрызгивая воду. Но это было рукотворное чудо – вначале эту величественную громадину отстроили сарацины, выкопав ров. Это вам не Сития с её деревянными убогими строениями. Построенные наспех византийцами, они уже успели разрушиться. Жаль, с их-то тягой к красоте и рабской рабочей силой можно было бы и постараться. А может, виноваты люди, обитающие сейчас в Ситии.

А эта крепость – Кандия, называвшаяся во времена Византии Мегало-кастро, потрясала своим масштабом. Вот где была видна мощь человеческой руки!

Крепость была возведена на платформе, образованной природными скальными выступами и величаво стояла особняком среди синевы вод.

Они вошли в ворота Мола с западной – главной стороны. Внешние стены были украшены разными табличками, надписями и гербами. Входы украшали мраморные рельефы с изображением крылатого льва Святого Марка – символом Венецианской республики. Эрис сняла перчатку и прикоснулась к пока еще теплому от солнечного света, камню. Ей казалось, что вместе с ощущениями под подушечками ее пальцев в нее проникает энергетика этого грандиозного места. Юниоры вертели любопытными головами во все стороны.

Здесь чувствовалась настоящая дисциплина. Она буквально осязалась. У обстановки был сильный дух – всё вокруг было построено из камня и кирпича. Даже смотровые вышки. Самым высоким сооружением оказался маяк. Эрис про себя решила, что непременно заберется и посмотрит на вид острова прямо с его лоджии.

Ребята из простого города разглядывали это величие с открытыми ртами. Над каждым косяком, над каждой площадкой развивался на морском ветру бордовый флаг Венеции – с золотым крестом и львом.

В потоке новых эмоций никто не заметил, что совсем стемнело. Эрис, не подавая вида, осматривалась и вдыхала здешний запах – тут было удивительно чисто и пахло дымом костров.

Они спешили. Лошадей, взяв за вожжи, отвели в конюшни молчаливые солдаты гарнизона. Эрис даже не успела попрощаться с Буцефалом. Она краем глаза заметила путь к конюшне.

– Всем построиться! Идет командир! – прокричал караульный на вышке. Солдаты Кандии слаженно и четко образовали колонну.

Эрис построила ребят и встала сама. Янис показал пальцем на шлем.

"Кто же командир?" – напряженно думала Эрис, волнуясь, что её раскусят и не допустят к играм.

При свете факелов со ступенек верхнего этажа легкой и уверенной поступью приближался человек среднего роста, одетый в венецианскую форму и великолепные доспехи, каких ребята ещё не видели. Сталь блестела от огней. Он был без шлема. Черт его лица особо внимательно в сумраке было не разглядеть. Бросалась в глаза только массивная надбровная дуга, отбрасывающая тень на глаза. Он подходил всё ближе. Поражала его необычная походка – как будто бы ноги командира шли отдельно от туловища. Его плечи не двигались. Голова была

выставлена вперед тела на гармоничной шее, опережая всего хозяина, словно он находился верхом на коне и рыскал жертву.

На нём была белая мантия, голубая с изнанки. Когда он подошел поближе, юниоры разглядели его красный бархатный воротник с золотым узором. На левой стороне накидки был изображен Орден – голубой крест, в центре которого помещался золотой крылатый лев, держащий в одной лапе обнаженный меч, а в другой – книгу.

Эрис украдкой посмотрела на командира. Он о чем-то быстро переговорил с кавалером на венецианском, потом подошел к сержанту, стоящему в почетном карауле и, грубо ткнув в его лицо пальцем, отчего тот потерял равновесие, обругал его отвратительными словами. Ребята поняли, что всё это из-за невыбритого лица. Всем можно было иметь короткую растительность на лице, кроме почётного караула.

Затем он резко подошел к ним, сказав:

– Pax tibi, Marce Evangelista meus! – (*Мир тебе, Марк, мой евангелист!* – *Приветствие Ордена Святого Марко и их девиз на латинском языке. Итал. – Associazione Cavalieri di San Marco*), – Добро пожаловать! Я рад видеть вас, юные друзья, здесь – в гарнизоне нашей столицы Кандии, на острове Кандия Республики Венеция! Слава Великому Дожу! – он вытащил свой меч и вознес его острие к небу.

Эрис сделала то же самое. Ребята последовали за ней. Командир улыбнулся.

– Молодцы! – воскликнул он, вдев оружие в ножны со стальным звуком. Юниоры последовали его примеру. – Я собрал вас здесь, чтобы провести между юными запасными ополченцами bagordo. (*Юношеские, да и вообще состязания смельчаков на венецианском средневековом диалекте.*) – командир медленно прошелся перед строем, в полумраке пристально разглядывая каждого своими хищными глазами. – Что же такое «bagordo»? – он посмотрел на Янниса и продолжил рассказывать. – В Великой Римской Империи было правилом проводить Гиппика Гимназия – смотрины юных воинов. Сейчас армия Венеции нуждается в новых талантливых людях. Генуя, Латинская империя, сарацины и материковые повстанцы – наши основные враги!

Его греческий язык был замечательный, но все же венецианский акцент резко бил слух. Учитель млел перед ним.

– Как Вас зовут, почтенный? – спросил командир у учителя.

– Яннис. Учитель Яннис, командир Таррос. – голос учителя прозвучал заискивающе и главнокомандующий, почувствовав это, проигнорировал старика и отвел глаза.

Эрис отвратила эта картина. Она косилась на командира, который отчего-то показался ей знаком, особенно бархатный глубокий голос, резко срывающийся в крике. Но своим демонстрирующим господство поведением он молниеносно вызвал в ней антипатию.

Таррос подошёл к шеренге вплотную. Начал он с обратного конца, а не с капитана.

– Имя?

– Ахиллес.

Он разглядел его с ног до головы, отчего Ахиллесу явно стало нехорошо. Ничего, кроме превосходства и интереса, лицо командира не показывало. Никакой эмоции.

– Исос. – дрожащим голосом сказал парень, когда тот приблизился к нему.

– Я тебя ещё не спросил. – ухмыльнулся Таррос. Казалось, ему доставляет удовольствие чувство страха этих юнцов. Эрис начала злиться.

– В нашем деле главное – дисциплина! Пока ты мой гость, – обратился он к Исосу, – Я не буду тебя наказывать. – его голос играл, переходя от мягкости к резкости, уподобляясь игре его хозяина.

Командир подошел к Аргосу. Аргос был выше него на голову. Критянин был смелым парнем.

– Имя?

– Аргос! – громко и чётко сказал он. Тарросу не понравилась эта смелость, обращенная к нему, и он умело скрыл это. Командир смотрел на него снизу вверх, но с чувством собственного преобладания. Он прошел к следующему юноше.

– Имя?

– Софос. – голос юноши звучал неуверенно. Таррос словно питался робостью паренька. Он прошел и спросил следующего юниора.

– Атрей. – Таррос, медленно шагая и сверля взором, спрашивал имена и получал ответы напуганных юнцов.

– Андроник.

– Георгиус.

– Азариус.

– Эллиут.

– Аннас...

– ...Никон.

– Бравый знаменосец Никон! – сказал Таррос, приближаясь к Эрис. Она украдкой заметила в тусклом свете его коротко остриженные темные волосы, гладко выбритое лицо и блестящие сине-голубые глаза. От него исходила ощутимая сила, стремящаяся раздавить оппонента. Эрис почувствовала это и нахмурила брови, устремив свой взгляд сквозь Тарроса.

– Имя?

– Атромитос. – спокойно сказала Эрис, стараясь сделать свой голос как можно более грубым.

– Атромитос... Это что – прозвище? – недовольно спросил Командир.

– Так точно.

– Я спросил имя, ты что, туго соображаешь? – он язвительно сделал замечание.

– На поле боя у меня нет имени. Есть мой флаг и святая цель. – решительно ответила Эрис не глядя на него, что буквально раздирал на куски своим взглядом.

– Хорошо. Сними шлем. Покажи лицо, солдат. – приказал Таррос.

– Не подобает мне показывать лицо, пока не отличусь в бою, командир. – холодно сказала Эрис. Парни в душе возгордились за свою наставницу.

Командир, так и не установив зрительного контакта, прекратил баталию.

– Остроумный. Молодец! – воскликнул он, потрепав Эрис за плечо. – Но что-то хиловат, водящий. Хиловат... – он качал головой и развернулся, обращаясь к собравшимся. – Кстати, идите ужинать, не буду вас задерживать. Старшина, распредели гостей в казарме! – приказал он.

– Есть распределить. – ответил ведущий солдат в строю гарнизонных.

– После я навещу вас. Вольно! – сказал командир, отходя от ребят как ни в чём не бывало.

Юниоры вздохнули, расслабившись. От волнения они даже вспотели. Воины Тарроса приказали им идти за ними. От страха парни не смели обсуждать командира. Кроме Эрис. И её не смутило присутствие его людей.

– Нет, вот неприятный тип! – воскликнула она, поправляя на талии свой меч. Некоторые солдаты услышали эти слова и посмотрели на неё. Яннис вздрогнул.

– Его глаза – глаза зверя. – продолжала она возмущаться, шагая за сержантами.

– Тихо. – попросил Янис.

Эрис смиренно кивнула головой.

Старшина завел их вниз по лестнице, они прошли по широкому коридору, войдя в просторную залу. Везде горели факелы, прикрепленные к стенам. Их шаги гулко разносились, вызывая эхо.

– Уютненько. – сказала Эрис. Старшина покосился на неё. Но она делала вид, что совсем не замечает его.

Здесь участников соревнований ждал человек со свитком. Под его комментирование их распределили по спискам в отдельную казарму; а Яннису, как наставнику, выделили обособленную комнату. Всем очень понравилось такое гостеприимство.

Помещения были большие и прохладные. Георгиус ежился – видно было, что ему не по себе.

– Сооружение имеет два этажа с двадцатью шестью помещениями и занимает площадь в три тысячи шестьсот квадратных метров. Толщина внешних стен почти девять метров, внутренние стены в некоторых местах достигают трех метров. Существует три входа в крепость – с запада, северной и юго-западной сторон. Три льва у входа покровительствуют Ордену Сан Марко, Венеции и Кандии. – интересно рассказывал сержант, и Эрис внимала ему. – Крепость была построена в соответствии с бастионной оборонительной системой с бастионами, соединенными прямолинейными участками мощной навесной стены, весьма высокой для более успешного отражения как вражеских метательных снарядов – с минимизацией ущерба для самой крепости, так и штурма с помощью лестниц. Были использованы чертежи военных инженеров, в которые были внесены необходимые изменения и улучшения для полного завершения сооружения, находившегося здесь когда-то. – продолжал он размеренным голосом. – На первом этаже находятся тюрьма и помещения, где хранятся продовольственные запасы и оружие. Есть также отдельные помещения для солдат, офицеров и сеньоров. Крепость имеет мельницу, печи и часовню, что обеспечивает ей автономность. На северной стороне верхнего этажа находится маяк. Так что мы – непобедимы! – заключил служивый.

– А туда можно попасть? На этот самый маяк? – спросила дотошливая девушка мальчишечьим голосом, чем рассмешила своих.

– Нет, солдат. Ну, если не получишь особого разрешения командира.

– А как его спросить? Он слишком строгий.

– Это ошибочное мнение. Армандо-Каллерджи – отличный командир. Он бесподобно заботится о солдатах, несмотря на свою любовь к дисциплине.

– У него есть сильная тяга к деспотизму. – заметила Эрис. Сержант удивился наглости, но промолчал. Они как раз дошли до своих покоев.

– Это ваше место пребывания. В столовую пойдёте строем. Через час я зайду за вами.

"Интересно, как я буду ужинать в шлеме?" – подумала Эрис.

Ребята вошли и огляделись. От одного края огромной, длинной комнаты к другому тянулись деревянные кровати для ночевки, застеленные плетеными циновками, из-под которых торчала солома. Они были похожи, скорее, на построенные полки, прикрепленные к стенам. На них полагалось спать, уложившись в ряды.

Яннису, как учителю, полагалось отдельное помещение. Но он уступил его Эрис, по понятным причинам поменявшись местами с девушкой.

Эрис ушла к себе.

Как только уставшие ребята передохнули и умылись с дороги, за ними зашел старшина. Эрис и не подумала присоединиться. Тем более её предупредил учитель, которого забрали на ужин раньше юношей. Все отправились питаться. Эрис легла и быстро уснула под навалившиеся впечатлениями.

Олимпийцы вошли в огромную шумную залу. Как оказалось, здесь они отнюдь не одни. По всей комнате были расставлены длинные столы и деревянные скамьи, за которыми уже сидели юноши с других городов. Когда команда Эрис вошла, все презрительно огляделись. В воздухе, кроме приятного запаха еды, витал отягощающий дух соперничества.

Ребята присели за отведенные места и принялись за кашу, подаваемую дежурными солдатами. Быстро закончив и убрав после себя, они отправились в покои, не забыв прихватить хлеб для капитанши.

Путь на выходе им преградил Таррос. Он криво оскалился своими ровными белыми конскими зубами – такова была его улыбка, когда делалась через силу. Софос спешно сунул хлеб в карман, насмешив командира.

– Почему не попросишь добавки? – спросил он.

– Я сыт. Спасибо. – Софос покраснел. С ближайшего к ним стола послышался смех.

– Отставить, Антонио. – Таррос посмотрел на самодовольного сидящего парня, отчего тот, замолчав, опустил голову.

– Не вижу парня в шлеме. Или он снял его? Его нет. – понял Таррос, оглядев олимпийцев.

– Он спит. – сгупил Георгиус.

– Он не ужинал?

– Он уже ушёл, командир. – сказал Никон.

– Какой у вас, должно быть, хороший лидер. Врёте для его благополучия. Замечательно.

Таррос, на удивление ребят, отдал приказ наполнить миску с едой. Дежурный принес.

Командир сказал:

– Отдайте своему капитану. Вы – мои гости. Я не буду обижать вас. – сказал он своим глубоким голосом.

Юниоры поблагодарили его и поспешили ускользнуть от строгого, поедающего всё, взгляда как можно быстрее.

Пока их не было, Эрис видела сон. Это был не сон. Скорее, воспоминание из её раннего детства.

Вот они с матерью и братом идут по причалу. Людно и шумно. Жарко. Мать оставила их. Едут солдаты на прекрасных скакунах. Эрис в восторге!..

Удар в спину и Эрис больно. Она поднимает голову и огромный черный конь чуть не давит её своими копытами...

Вдруг, откуда ни возьмись, возле нее появился рыцарь. Он сел и что-то сказал. Она не помнит слов, только приятный голос, его лазурные глаза, образ, доброе выражение лица и его тепло... Дальше воин поднял её и отнес к кричащей матери. Мать обидела Эрис. Солдат уходит, помахав ей рукой, улыбаясь...

Эрис проснулась от стука в дверь. Она вся промокла от пота, тяжело и прерывисто дышала. Девушка прикоснулась рукой к своей щеке. Теперь эти забытые события всплыли поновой.

– Эрис!.. – послышался голос Софоса. – Открывай быстрее, ты что – спишь?!

– Иду. – она соскочила с места и открыла тяжелую деревянную дверь.

– Что с тобой, сестра? – спросил юнец. В его руках была миска.

– Я не голодна, брат. – ответила она. На нее нахлынули детские воспоминания и её сердцу стало обидно. Эрис не понимала свою лишенную любви к дочери мать и жестокого брата.

– Поешь. Сам командир прислал.

– Что? Этот тип? – удивилась она.

– Да. Твой глупый кузен проболтался. Таррос увидел, как я запихал хлеб, предназначенный для тебя, в карман. – он смущенно улыбнулся. Эрис рассмеялась.

– Теперь он думает, что мы – голодные сельские дикари! – сказала она.

– Короче, ты не глупи и ешь. А мы – спать. – Эрис посмотрела в дверную щель, через которую виднелся коридор. Юниоры помахали ей.

– Давайте, братья. Не разговаривайте, не сходите с ума. Завтра – тяжелый день.

Ребята направились к себе, попрощавшись с ней.

Она заперла дверь на засов, и сев прямо на пол, начала медленно и задумчиво принимать свою пищу.

Глава шестая

Наступило раннее утро. Эрис проснулась и омылась раньше всех.

Из комнаты мальчишек слышалось громкое храпение.

Девушка прошла из уборной в свои покои.

Не обтеревшись от свежести ледяной воды, она подставила юное лицо пока еще сумеречному сквозняку. Запах моря и предрассветные приветствия чаек настраивали её дух на победу. Она непременно должна привести команду к ней – это была ее единственная цель. Её внутреннюю силу подбадривал вид тёмного безграничного горизонта.

Размявшись, Эрис направилась к парням. Она принялась тарабанить в дверь, отчего по каменному коридору пошло звонкое эхо. Юнцы по одному принялись подниматься. Некоторые предпочитали еще похрапеть но, растолканные товарищами, осознали, какой тяжелый день наступил уже сейчас.

Умытые парни дрожали от прохлады морского утра в каменных стенах.

– На разминку становись! – дала команду Эрис, построив юношей прямо в коридоре. Она уже была в шлеме. Девушка заставила своих подопечных проснуться и согреться. Уже рассвело. Звук горна донесся до их слуха. За ними пришел старшина. Они, свежие и бодрые, направились на плац.

Выйдя, юноши обнаружили, что их отряд пришёл первым. Им указали место построения. Холодный ветер дул непрерывно, отчего их носы озябли и заломили. Но восходящее солнце обещало вскоре прогреть кости ребят.

Ровная и блестящая от росы каменная шлифованная площадка блестела в первых лучах. Постепенно подходили остальные легионы. Под звуки горна и декламирования названия областей Наконец-то сбор закончился.

– Каннареджо! – назвали их сестеру, Эрис встала по стойке смирно, подав всем пример.

– Сан Марко! – из всех присутствовавших эти вели себя, как ей показалось, вальяжно и вызывающе.

– Санта Кроче!

– Каstellо!

– Сан Поло!

– Дорсодурро! – выкрикивал глашатай и солдаты приветствовали друг друга кивком головы и поднятием правой руки к уровню бровей, развернутой ладонью вперед. Вероятно, появившийся в древности миролюбивый жест, обозначающий отсутствие оружия в руке.

Эрис увидела идущего к ним Тарроса. Наконец его можно разглядеть при мягких, но ярких рассветных лучах.

Он вышел к ним из арки первого этажа прямо и уверенно. Его стать демонстрировала мужество и господство. На голове у командира был шлем: серебряный, бросающий блики на лица собравшихся; отлитый тонко, отменно – его формы точно предназначались для того, чтобы запугивать врага. Ничего лишнего – строгость и аккуратность. Наголовье походило на римское. По краям единого выреза для глаз, носа и рта присутствовала искусная резьба в виде лавров. И это было единственное его украшение. Одет он был в дорогие негромоздкие доспехи в виде нагрудника, плечевых лат и нарукавников, под которыми красовался плотный, тяжелый бордовый камзол, длиной достигающий до низа колена. Края его расширились и были разделены книзу. Это великолепие приправлялось орденской накидкой. На ногах можно было заметить черные, не очень узкие калыционы, а голенища были защищены стальными поножами. Он был обут в ботты из коричневой толстой кожи, имеющие круглый носок.

Командир остановился перед ними на площадке, где были слышны кроме рокота прибоя и чаек только его четкие уверенные шаги.

Впечатлительные юнцы испытывали в этот момент особое волнение. Эрис тоже немного смутилась, но заставляла себя не поддаваться панике. Она оставалась крайне хладнокровна. Единственное, чего она боялась – это то, что командир поймет, кто она на самом деле. Учителя, наставники и запасные были построены отдельно от участников соревнований.

– *Rax tibi, Marce Evangelista meus!* – его голос звучал четко и громко.

Он снял шлем. Воины Тарроса опустили правое колено на землю, склонив головы перед ним. Эрис первая сделала то же самое, почти одновременно с солдieraми. За ней последовали её ребята и крыло Сан Марко, после которых в общем порыве присоединились остальные.

– Да здравствует *Regnum (Королевство (лат.))* Венеция, да здравствует *Regnum* Кандия! Слава великому Дожу. – с этими словами он, по обыкновению, вытащил свой острый меч и вознес его к голубому небу. Солдаты встали и сделали то же самое. И Эрис вместе с ними, ставшей примером для своих.

Она разглядела его лицо – черные брови были расположены на костистом наросте. Они не срастались, но если посмотреть на него снизу вверх, соединенная форма их создавала резкие очертания стрелкового лука. Глаза прямо под ними, не глубоко, что создавало пронзительный волевой взгляд. Верхние веки были слегка опущены с рождения. Издалека на солнце казалось, что глаза его зеленые с оттенком бирюзы. Но подойдя поближе, можно было увидеть яркую лазурь. Жареный светилом и обветренный, было заметно, что он от природы не смугляк. Нос Тарроса был необычный, довольно-таки большой, но аккуратный, с высокой, крупной переносицей. Губы не были пухлыми – верхняя губа была чуть тоньше нижней. Высокий лоб с поперечной бороздой, костистые скулы, расположенные почти у висков и выдающиеся из-под кожи верхние и нижние челюсти дополняли агрессивный образ, который начал необъяснимо провоцировать почувствовавшую стеснение душу Эрис.

– Сегодня особенный день в истории. Уже двадцать девять лет Крит является Кандией. За это время ни разу не проводились смотрины юношей со всех концов острова. И вот – сегодня, в этот светлый день, с позволения его величества Дожа я объявляю *bagordo* открытым! Да прибудет с вами Господь и Святой Марк! Аминь!

– Аминь! – послышалось отовсюду.

– Правила: в первый день турнира бой будет состоять из трёх заездов в копейных поединках. Сломавший копьё, – я предупреждаю сразу, что оружие будет в боевой готовности, не притупленное, – выиграл. Ваша задача выбить наибольшее число участников из седел и нанести большее количество ударов мечом на коне.

Завтра команды победителей сразятся в пешем бою. А сегодня вы будете построены своими капитанами в две шеренги, где важно не отстать и не нарушать строя. Вам можно будет атаковать с щита. Я сниму с соревнований, если проигнорируете мои "нельзя":

- нельзя атаковать лошадь;
- атаковать лицо без шлема;
- наносить удары ниже пояса;
- толчки и удушающие, блокирующие захваты, бить можно;
- наносить удары сзади или потерявшему копьё.

После вы должны будете символически пленить друг друга.

Кроме того – очки. За попадание в барьер один раз – минус два копьё; два раза – минус три копьё; три – лишение награды.

Идите подкрепиться и соберитесь. Через час мы выезжаем из крепости в специально отведенное место – ристалище, где уже собираются знать и горожане! – его голос перестал срываться. Странно: когда командир говорил спокойно – тембр был бархатный и глубокий, но стоило ему его повысить, как всё портило на пару тонов высокое, срывающееся бурление.

На этом Таррос закончил. Еще раз окинув взглядом всех, он задержался на Эрис, но все же развернулся и удалился.

Все собрались в столовой. Только Эрис не пришла. Она сидела у себя:

– Господи! Прошу тебя, Создатель мой, помоги мне и ребятам! Не опозорь меня. Все, чему я училась – помоги мне показать это, прошу. – из ее глаз покатались слезы. Это был решающий день.

– Эрис! – голос учителя прервал ее.

– Иду. – девушка поспешно вытерлась.

Она открыла дверь. Учитель раздобыл завтрак. Он увидел волнение своей подопечной.

– Эрис, можно?

– Конечно, входите. – она посторонилась. – Слушаю Вас. – Эрис жестом попросила Янниса присесть, а сама села поодаль от учителя.

– Эрис. Я помню тебя еще маленькой, ничего не умеющей делать, девочкой. Ты смотрела на себя в зеркало? Ты выросла.

Эрис молчала, опустив голову.

– В детстве ты не владела ни боевым искусством, ни ездой. Но у тебя были стремления, цель. Желание победить. Упрямство... Иду напролом! – он засмеялся, вытянув ладонь правой руки вперед. Эрис улыбнулась.

– А теперь ты умеешь всё. Всё. Я надеюсь, твое желание никуда не делось?

– Нет, что Вы! – она вспылила, выпрямившись в плечах.

– Ну вот, теперь узнаю тебя – лихачка и задира. Всегда доказывающая свою правоту – иди и докажи им всем, кто тут прав! Хорошо?

– Да, учитель! – Эрис улыбнулась. Её боевой дух воспрял. – Горн!

– Ешь давай и иди.

– Так точно.

Учитель вышел, а Эрис, наглухо закрыв дверь, поспешно перехватила пару кусков еды и заново накрепко перебинтовала своё женское тело. Она облачилась в свои солдатские одежды, затем надела кольчугу и нагрудник. Напялив в спешке шлем и привязав ножны, девушка выскочила из комнаты. Капитанша собрала ребят.

– Парни, братья! У нас нет их роскоши, нет их условий – но не это ли помогает нам стать сильнее? Мы максимально приближены к боевым действиям в своём же городе – городе нищих и трудяг. Я сейчас пойду и покажу, каковы мы в деле. Но мне нужна команда. Кто хочет со мной отстоять честь Ситии? Как там, Каннареджо – по-ихнему?

Все рассмеялись.

– Мы все хотим, пошли! – ответили ей дружным хором.

– Быстрее, быстрее! – она подгоняла юнцов по длинным глухим коридорам.

Они вновь вышли к плацдарму. Солнце ярко светило на огромную, умытую росой, площадку. Солдаты крепости вывели их лошадей. Каждый воин встретил любимого товарища.

– Буцефал, милый мой. – Эрис, забывшись, кинулась на шею своему вороному коню. Он был более, чем рад. Довольно фыркая, верный щипал губами шлем и руки хозяйки, одетые в толстые бычьи перчатки. Она прижалась к щеке Буцефала лицом, теребя его блестящую гриву.

– Смотри, щуплый, чтоб тебя ветром не сдуло. – этот голос командира прозвучал совсем рядом, в самый затылок Эрис. Она обернулась и увидела Тарроса с каким-то высоким загорелым офицером, видимо, только прибывшим. Спустившись со ступеней, они уже прошли мимо.

– Вот гад! – воскликнула она себе под нос, закипая от злости.

Отдали приказ "По коням!".

Быстро вскочив на лошадь и построив юниоров по двое в колонну, Эрис отправилась в столицу по широкой каменной мостовой. Ими управляли командир и офицер, за которыми держались глашатаи с горнами и сигнальные с походными друмами и свистками. После них тянулись пару сержантов, ведя за собой остальные области и крепостных солдат.

Их взору открылась замечательная картина – бесконечная водная гладь, разниженная мелкой золотой рябью, над которой возвышался грандиозный небосвод. Две лазури: небесная, украшенная белым серебром скучковавшихся в плотные плеяды облаков и морская, расщепленная солнечными золотыми бликами.

Свежий бриз, пригоняемый для их бодрости даже через закрытый шлем доносился до лица и обоняния Эрис. Приморские птицы зазывали друг друга на своем пронзительном языке. Буцефал бесконечно радовался – он шёл с цоконьем, высоко поднимая голени, что свидетельствовало о хорошем расположении духа умного животного. Еще пару метров и начнется земля.

Копыта коня Эрис наступили на влажный прибрежный песок. Огромные валуны создавали преграду для стремящихся волн, пресекая их с фонтанирующим брызгом. Плеск и шепот моря доносился до их слуха. Появлялась стелющаяся трава – низкая, она заносилась желтыми песчинками. Тяжелый топот коней, их пыхтение, звон железных сбруй и орудий, покашливание солдат – все смешивалось воедино.

Они проезжали мимо желтых домиков с наглухо закрытыми ставнями – скоро начнется жара, и местные спасутся от неё внутри, деля рабочий день на две части, между которыми находится дневной сон мизмери, являющийся традиционным послеобеденным отдыхом трудяг.

Но пока еще не было и полудня – тощие рыбаки возились с сетями у лодок и косились на строй рыцарей боязливым взглядом. Темно-зеленые кипарисы, выстроенные вдоль дороги, сливались в сплошную стену.

На поворотах, когда Таррос притормаживал, в просветах между деревьями виднелись уступы террас скромных, огороженных камнями, домишек и ровные ряды оливковых добротных деревьев.

Эрис заметила лошадь Тарроса – ей показалось, что за годы своей короткой жизни она не видела существа более прекрасного. Слепительно-белый благородный, легкий и поджарый скакун – такой породы она еще не видела. На фоне остальных коней он выглядел меньше. Более сухой, но сильный и проворный. И пусть испанец Буцефал не обижается, но Эрис пообещала себе при удобном случае непременно познакомиться с конём.

Пройдя через узкие улочки, они вышли на более широкую. Эрис повернула голову – здесь была гончарная мастерская. Ее взгляд заорожила работа. Она не успела увидеть, как до этого курчавый мальчишка-подмастерье шлепнул на гончарный круг большой ком темно-красной глины. Мастер нажимал на педаль, ускоряя обороты круга, затем очень буднично накладывал на глину руки, обжимая упругий эластичный комок, и Эрис наблюдала уже то, как перед ним вырастал классической формы сосуд метровой высоты. Рядом, на солнце, подсушивались готовые к обжигу амфоры. Мальчуган поднял голову на шум, и его взгляд загорелся при виде их строя. Он стал умолять мастера улизнуть следом за ними, но тот оставался неумолим, бросив пару грубых ругательств в адрес пацана, отчего смуглёныш раскраснелся и опустил голову.

Место действий все увидели издали. Лучшего расположения и не придумаешь. Огромный огороженный участок в людном месте – то, что было нужно. Окруженный со всех сторон дубами и платанами, залезшие на которые городская молодежь и мальчишки уподобились стаям щебечущих воробьев. Здесь не было ни шатров, ни обилия флагов – все будущие кавалеры и их наставники поместились в крепости Кандии. Большинство из них не было знатного рода – они вообще были критяне, что в это время выглядело, как нечто из рук вон выходящее. Только команда Сан Марко имела в своем составе детей богатых венецианских аристократов, которым было не чуждо и благородство – раз они решили отдать своих отроков на суровое рыцарское воспитание на чужбине вместо того, чтобы знакомить своих будущих наследников с искусством торговли и прививать им азы ростовщичества у себя дома, в Венеции. Это и было причиной высокомерия парней, которое успели заметить не только трапезничавшие с ними юнцы из Ситии, но и их капитанша Эрис, видевшая юное крыло Крепости впервые. Ей

пришлись не по нраву их холеные лица и излишняя самовлюбленность, граничащая с избалованностью. К этому подмешалось осознание того, что, как оказалось, их наставником являлся сам командир Таррос. Эрис, в силу своей проницательности позволила себе полагать, что эти юноши и их предводитель не остановятся ни перед чем, лишь бы вырвать победу – уж слишком самонадеянно и гордо они выглядели. Младшие дети берут пример со старших, старшие – с отроков. Отроки – с молодых; молодые – со зрелых. И так далее... Вот и получается – замкнутый круг общепринятых принципов поведения.

Таррос остановил строй. Он спрыгнул с коня. Словно издеваясь над сержантом, командир дал распоряжение подержать жеребца за уздечку, но скакун оказался крайне строптивым. Эрис расслышала, как Таррос горделиво хвалился воспитанием, которым он наградил своего питомца.

Таррос приказал им идти вперед, а сам остался у начала свежоотстроенных трибун.

Приближаясь, ребята увидели высокий барьер, состоящих из заостренных кольев, соединенных между собой двойными перекладинами, за которым, на расстоянии в четыре шага был расположен второй полутораметровый барьер, чуть ниже внешнего. Внутренний барьер представлял из себя изгородь, с горизонтальной перекладиной наверху, образующей перила. Между этими барьерами на равном расстоянии в три шага находились солдаты, задача которых заключалась в том, чтобы не допускать толпу на ристалище и помогать сраженным юниорам.

Размер ристалища был, по подсчетам Эрис, семьдесят на сто двадцать метров. Подойдя еще ближе, её зоркий глаз подмечал каждую мелочь – тщательно выровненная земля была покрыта песком и обильно усыпана соломой. Стоял вкусный запах мокрого покрова – площадку умышленно полили водой для избежания излишней пыльности.

Эрис быстрым взглядом рассчитала, глядя на солнце и кроны деревьев стороны света – границы поля боя и трибуны располагались по их сторонам. С южной стороны трибуна являлась центральной, как выяснилось, предназначенная для судей. Расположенные слева и справа от неё такие же южные, только чуть подлиннее – для знати. Здесь были расставлены кресла и скамьи, наподобие таких, какие парни увидели в столовой. Остальной люд, стекающийся со всей округи буквально на глазах, был вынужден смотреть стоя – под палящим Критским зноем и народной давке.

Под звуки горнов будущее одной из гарнизонов армии Венеции въехало из боковых, отгороженных ровом подготовительных стойбищ меж живого коридора на площадку и выстроилось в строй под знаменами – среди суеты и шума это было чрезвычайно непросто уметь приструнить волнующегося коня, но Эрис и ребята справились, как и их противники.

Горны – и, под улюлюканье, хлопанье и восторженный свист толпы зрелище должно было начаться прямо сейчас.

Горн стих. Трибуны были заполнены. Эрис сквозь щели шлема переглядывалась с командой вдохновляющими мужественными взглядами. Она посмотрела на сидящих на скамье людей: венецианские купцы были наряженными и пестрыми, в богатых одеяниях, навеянных разными культуросмешениями; знатные аристократы же были облачены в нелепые, по мнению Эрис, слишком модные и пафосные, даже граничащие с глупостью, костюмы – они явно проигрывали деловым торгашам во внешнем виде. Простой народ, столпившийся вокруг и ребячество на деревьях представляли из себя невзрачные серо-коричневые пятна. Эрис заметила присутствие прекрасных сеньорит – они сидели отдельно. Их было намного меньше, и наряды их показались для скромной и сдержанной Эрис чересчур открытыми. То ли дело, греческие рубахи и приталенные туники, под которые надевались штаны. Шикарные черные безрукавки, украшенные золотыми узорами народных мастериц – такие удобные, надевались и для работы, и для отдыха. Местные любили украшаться по праздникам. Но даже эти скромные сельские отличительные знаки греков нагло вытеснялись колонизаторами, на моду которых, соответственно, ранее подействовали кочевники – завоеватели. Теперь девушки начали носить одну

легкую льняную тунику с длинными рукавами, поверх которой надевалась вторая, без рукавов или с рассеченными концами – мода латинян. Были у людей побогаче и камзолы – соттовесте, без и с рукавами. Под них надевались рубахи – камичи, причем их выпускали через разрезы на соединительных швах в плечах (для удобства движения). В холода надевали giubberello – теплый кафтан со стоячим воротником, с полами со сборками, с поясом или без него. Под низ надевали более узкие, чем у греков штаны – кальцони. У эллинов штаны были широкими на бедрах, и суженными в голених. Женская мода обычной девушки была похожа на мужскую, только всё было удлиненное. Но известно, что штаны гречанки носили всегда. Это пришло от арабов-захватчиков. Платки молодые с приходом Византии и Венеции больше носить не хотели. Но Эрис не чуждо было знакомство с новым, и она тоже наряжалась, как большинство, не пренебрегая ни тем, ни другим. Вопрос был только в финансах – иногда больше года ей приходилось носить затрепанные платья, а она вела энергичный образ жизни. Девушка виртуозно штопала, зашивала, вышивала и всячески маскировала подпорченную одежду. Но это всё же лучше, чем облачаться в лохмотья брата. Помнится, как в детстве она ждала, когда его штаны или рубаха станут ему маленькие, чтобы приглянувшаяся Эрис не девчачья повседневка по праву унаследовалась ею. Теперь она сама копила на свои расходы, делая дома и тяжелую земельную работу, увеличивая скромный товар, за которую получала вознаграждение от бабушки, и более кропотливую – сушка яблок, изготовление сыра, колка орехов, забивание кур, даже красивые рекламные каллиграфические надписи, каких не было не у одной торговли. Все это по копейке-другой собиралось девушкой и тратилось с умом. Такой подход не позволял легкомысленно полагать, что гроши можно тратить бездумно. Ей с детства было привито понятие – чтоб заработать, нужно честно трудиться. Чтоб потратить – нужно терпеть и копить. К сожалению, не у всех в семьях так относились к детям – по праздникам бедняки-батраки чтобы одеть и обуть неблагодарных отпрысков из кожи вон лезли, погрязая в долгах. Эрис не нравилось подобное поведение сверстников. Когда она занималась тренировками, одевала одежду тринадцати-четырнадцатилетнего мальчика, и сейчас её сухое, жилистое, ловкое тело невозможно было отличить от тела поджарого парня, благо и ростом она была метр семьдесят. Ее, замаскированную, могла выдать разве что излишняя грациозность и изящно тонкие вытянутые кости как у лани, но это было от природы – с этим уже ничего не поделать.

Командир Таррос сидел в самом центре южной трибуны. Он провел пламенную речь на венецианском – заумь, из которой Эрис и мальчишки поняли лишь одну треть. Только Софос стоял, внимая. Зато Сан Марко загорелись, воспряли и запыхали от его слов, смотря на своего учителя благоговейно. На самом крае последней трибуны рядом сидели наставники остальных систиер. Там же находился и Яннис – глядя на них, он всем видом подавал сопереживающий вид. Но по правилам жезл правления был в руках самих ребят. К всеобщему удивлению, Таррос провёл речь и на греческом.

– *Rax tibi, Marce Evangelista meus!* Слава Венеции! Слава Кандии! Слава Великому Дожу! Мы собрались сегодня здесь, чтобы юниоры Кандии померились силами друг с другом! В честных поединках мы с Алессандро, который только ночью прибыл из Венеции, – он указал на сидящего рядом с ним похоже одетого и статного, с честью кивнувшего головой, мужчину. Он был примерно одинакового с Тарросом возраста: на вид около тридцати пяти лет, с черными прямыми короткими волосами, такими же угольно-огненными глазами и правильными, аккуратными чертами лица, на которых рисовалась образованность и благородство. Это был тот человек из крепости, с которым Таррос прошел мимо Эрис, – И помощниками выясним, какая из сестер достойна того, чтобы пополнить костяк нашей могущественной, непревзойденной армии! Надеюсь, такие зрелища впредь будут происходить регулярно, ведь их целью является популяризация армейской подготовки молодежи Кандии, развитие в них чувства патриотизма и верности Родине – доблестной Венеции!

– Вот брехня. – тихо сказал Никон, стоящий рядом с Эрис, на что та лишь улыбнулась. Ей нравились ораторские, красивые, пылкие речи про армию, мощь, силу. Но как бы отнеслись её предки к патриотизму, который им прививали колонизаторы? Католики изгоняли православных, а молодежь вступает в ряды изгоняющих. Неизвестно, что бы сказала ее бабушка. Впрочем, известно...

Но всё ж, торжественная речь, приправленная церемониальностью, вошла в сердце бравой девушки и с энтузиазмом подстрекала её боевой дух. К тому же, удалой вид сурового Тарроса таинственно вдохновлял ее.

– Алессандро, подбодри ребят. – попросил Таррос на венецианском. И тот начал. Он говорил не так впечатляюще, как командир. У него получалось убеждающе и уверенно. Сан Марко лопались от удовольствия. Затем он снизошел повторить то же на эллинском:

– Слава Венеции и Дожу. Когда мы только прибыли сюда, здесь царил хаос и разруха. Я наблюдал, как наши доблестные войны не только защищают, но и благоустраивают эти земли.

– Срубив и переправив через море четверть лесов за дюжину лет. – тихо промолвил Никон. – Да-да...

– Да дай послушать ты! – раздраженно сказала Эрис.

– Воюя с генуэзцами, латинянами, сарацинами, материковыми повстанцами мы никогда не отдадим победу врагу! Наш флот – хозяин морей! Я хочу, чтоб вы показали себя сегодня только с лучшей стороны.

Алессандро закончил речь и повернулся вправо. Он улыбнулся манерной улыбкой Тарросу, кивнув важной администрации Кандии; затем, повернувшись влево, склонил голову перед женским рядом.

Таррос дружелюбно похлопав по спине Алессандро и улыбаясь, объявил:

– Да будет турнир открытым!

Грохот огромных походных барабанов гудел в ушах. Толпа ликовала. Эрис, вслед за указанием сержанта, взяв знамя из рук знаменосца, как капитан провела лошадь вперед к трибуне, установив его в унисон с остальной пятеркой предводителей. Все вернулись в строй некрасиво и врозь. Ее это не устроило и, развернув коня, она не смогла удержаться и подняла его на дыбы, затем заставила пройти Буцефала спиной вперед. Потом, опустившись, ловко развернула скакуна и вынудила его грациозно подпрыгивать по возвращению в строй. Демонстрируя безукоризненное мастерство верховой езды, девушка раззадорила и повеселила собравшихся.

– Смотри, что творит. – отметил Алессандро, потирая руки и готовя свитки к письму.

– Бравый малый. Я его сразу заметил. Поставлю его против Антонио в третьем круге. – делился устраивавшийся за столом командир, с интересом глядя на Эрис.

– А почему ты уверен, что эти оборванцы пробьются? – удивился Алессандро.

Таррос ухмыльнулся.

– Я заметил, что у них при всей убогости отменная дисциплина. Лучшая из всех бывших. Они похожи на настоящих, возвращенных в лишения, воинов. К тому же, другая атмосфера царит в их рядах.

– И какая же?

– Лидер. Они любят и уважают его.

– С чего ты взял?

– Приметил. По поведению.

– И что это им дает?

– Сплоченность. Хороший лидер не гнобит. Он замечает качества каждого и развивает их, работая сообща. Посмотрим, каковы они в деле.

– Быстрее бы. – Алессандро нетерпеливо поерзал на месте. – Моя Каллиста самая красивая, согласись! – они покосились на дам.

– Да. Моя сестренка подобна Солнцу среди тусклых звёзд.

– Смотри, как на тебя как пялится Лючия, дочь казначея.

– *Abronzio, libera nos Domine! *отрекаюсь! Боже упаси!** Уволь, брат. Она не в моем вкусе. Можно конечно, скоротать время, но не более того. – Таррос цинично рассмеялся. Его смех поддержал друг.

– Когда ж ты изменишься, брат. Пора бы обзавестись семьей. – заметил Алессандро.

– Что я – неприкаянный скиталец, могу дать женщине? Ни роскоши, ни романтики. Я скуп на красивые слова. Не понимаю я этих глупых кур, у которых в голове одни тряпки. – с отвращением поделился командир.

– Да брось. Уж слишком ты о себе низкого мнения. А может, наоборот – высокомерен.

– Я ценю свободу. – сказал Таррос.

– Да. Это лучшее чувство. Его ничем не заменить. – Алессандро вздохнул с томным звуком, от грустного эха которого Таррос взглянул на него с подозрением.

– Дайте приказ выйти на ристалище Дорсодурро и Сан Поло. – сказал командир помощнику.

– Есть. Глашатай!!!

Глава седьмая

Команда Дорсодурро и Сан Поло выстроилась в две шеренги вдоль длинного барьера посреди ристалища (*Подробное описание мест, соревнований, правил и геральдики взяты из книги Носова "Рыцарские турниры"*), построенного из досок и обтянутого полотном.

Барьер тянулся от восточного входа зачинщиков до западного защитников.

Проверяющие в последний раз окинули взглядом копьа – все ли равны по размеру; оглядели и коней нет ли среди них особо крупных или какой-либо дополнительной экипировки.

Зазвучал горн и команда зачинщиков ровным строем под дробь барабанов принялась нападать на команду защитников. Дорсодурро желал сокрушить Сан Поло, но они были крепкими орешками. Не дав разорвать свой ряд, те ринулись в ответ, протягивая через барьер свои копьа на врага, нанося разящие удары, стараясь не задевать натянутое полотно – ведь при попадании в него из общего счета отнимут количество сломанных копий. Замечательное зрелище! Удар за ударом и копьа с треском ломались о щиты противника. Некоторые не удерживались в седлах и падали на землю. Их хватили за плечи солдаты охраны и спешно оттаскивали, спасая из под копыт разгоряченных животных. Некоторым не повезло – копье ранило нескольких юношей, раскроив лица сквозь шлем с кольчужным капюшоном. Не обходилось и без штрафных – за удары без щита, в спину и в незащищенные лица.

Поединок окончен, звучал горн. Остались три юноши из Сан Поло, у двоих из которых были в руках копьа, у одного – меч.

– Победу одержали Сан Поло! – громко объявил Таррос, и, под довольные возгласы толпы, сержанты вывели обе команды, победители которых спешившись, символично держали пленников.

– Дорсодурро не теряет шанс выступить завтра, по очкам мы решим, какие две из шести команд сегодня покинут соревновательный круг. – продолжил он.

Ристалище выровняли, настала очередь Санта Кроче и Кастелло. Все прошло почти также, но немного более вяло, чем бой первой пары. Видно было, что те ребята немного растерялись.

Эрис и юноши Ситии наблюдали за ними и она комментировала движения каждого.

– Ошибку можно было бы предотвратить, если бы не страх. Смотрите на того, в квадратном шлеме. – говорила она, быстро показывая, чтоб не упустить момент. – Он повернул коня, оставив тыл незащищенным. Это здесь есть барьер. А на поле боя его не будет. – заключила капитанша. – Ахиллес, ты силен обеими руками, стой в середине. Софос ты – левша, встанешь крайним справа, так как мы выйдем с востока. Атрей – ты идешь после Ахиллеса, за тобой – Азариус, Эллиут, Георгиус.

– Да будет так.

– Георгиус, что ты посинел весь? Струсил что ли? С твоей-то силой тебе не подобает бояться. – сказала Эрис, сильно похлопав по его спине рукой, от чего нутро парня больно задрожало.

– Нет. Я не боюсь. – отвечал он, а дыхание спирало.

– Братья Никон и Исос, помогайте Аннасу, его старая травма не должна помешать ему.

– Хорошо. – кивали они, и их боевой настрой был виден на решительных лицах.

– Помните, как вести коня назад? Как только дела пойдут плохо, вместе, по моей команде идем задом наперед и внезапно обрушиваемся, порвав их сцепление. Ищите бреши, бейте по слабым. Добивайте сильных, не нарушайте правил. Победа за нами. Мы – Олимпия!

– Аминь! – хором ответили ей.

Горн раззадорил их. Еще пару формальных моментов, двое из Каstellо остались в седлах с мечами. Ни одного копья. Очков они получили меньше, чем первый победитель. Каstellо были на втором месте – двое с двенадцатью пленными.

– Вызывается Сан Марко и Каннареджо! – волнение пронзило Георгиуса от слов Тарроса.

– Не вздумай бояться. Ты пять лет рядом с нами – я надеюсь на тебя. – сказала Эрис, затягивая потуже свой пояс и поправляя ремешки шлема.

– Горн, Эрис. – Олимпия оседлала коней.

Эрис шла впереди – выйдя на ристалище её и ребят обхватила энергетика всеобщих взглядов. Их овеяло свежим ветром. Голоса толпы подбадривали их, вселяя уверенность в себе. Они задорно переглянулись. Соперники подходили всё ближе. Горн! Барабаны!

– Ровный строй! Не рвать ряд! – они ринулись по команде Эрис на врагов. Сан Марко опешили, но успели отбиться. От накатившей волны азарта Таррос соскочил с места и встал, прогнувшись вперед, над столом.

– Что стоишь? Idiota! (*идиот, тупоголовый(итал.)*) – он крикнул на Антонио – капитана воспитанников так пронзительно, что тот вздрогнул и бросился на них с новой силой.

– Атакуем! Не прерываем шеренги! – кричала Эрис, её слушались, и вот – трое сбитых и семь сломанных копий.

– Никон, Атрей, не отставай! – они рвали Сан Марко. Пока никто из Олимпии не упал. Сломанные копья достали мечи и за каждый удар им засчитывались очки.

– Георгиус, не мешкайся! – капитанша не успела. Георгиус упал вместе с конем. Всё обошлось.

– Сцепить строй. Все вместе! – круг, треск, и еще четверо соперников падают наземь.

– Болваны!!! – кричал разъяренный Таррос. Он возненавидел и зауважал Эрис одновременно.

– Таррос, да не нервничай ты так. – успокаивал его Алессандро, не скрывая восхищения пред созерцанием команды Каннареджо. Учитель радовался и крестился стоя. Он тряс сморщенными руками и благодарно глядел выцветшими глазами в небеса.

– Молодцы. Еще чуть-чуть. – сказала Эрис. – Сейчас задом и с разгону добьем. На счет раз! – они прекрасно и легко, вместо круговых движений, повели коней хвостами назад, под одобрительные вопли толпы.

– В атаку!!! – Эрис с командой врзалась в поредевший строй Сан Марко, отчего получилось еще три поверженных и обезоруживание одного. Теперь его нельзя добить. Но глупый Ахиллес ударил того в запрете.

– Глупец, ты что творишь! – закричала Эрис. Она увидела, что он сделал все нарочно, чтобы получить удовольствие.

– Стоп! – крикнул Таррос под свист сержанта. – Боец из Каннареджо, покинуть ристалище! – к нему подбежали смотрящие и отвели его коня за узду.

– Горн!

– Давайте! Еще двое! – они ринулись на оставшихся. Остался только Антонио. Он ударил Эрис мечом по незащищенной щитом руке, но Эрис успела увернуться. Всё же, он немного задел её, порвав нарукавник и одежду, неглубоко полоснув кожу её руки от плечелучевой мышцы до бицепса.

– Подлый пес! – вскрикнула она. Ярость накрыла Эрис.

– Таррос, Антонио нарушил правила! – воскликнул Алессандро.

– Они тоже нарушили. – зло улыбаясь, ответил командир.

– Таррос, малышу не нужна помощь?

– Если он будет ранен, это сыграет нам на руку. Антонио молодец. – Алессандро лишь неодобрительно помотал головой и с открытым ртом продолжил впиваться взором в баталию.

– Эрис, мы добьем его! – крикнул Аргос, но она в состоянии аффекта уже не слышала его. Эрис, развернув коня, бросив копьё в руки Аргоса, резко пикировала на Антонио, подобно голодной орлице. Девушка, поджав ноги, скача полусидя, не касаясь седла, намотав поводья на раненую руку, нанесла сокрушающий удар мечом в деревянный щит Антонио, отчего тот буквально раскололся на две части. От разящей волны тот не удержался, и его конь, чуть не перевернувшись через спину, сбросил парня.

– Вот так, Эрис! – учитель ликовал. Он совсем забыл, что она по плану – юноша.

– Ты сделала его! – кричали Олимпийцы.

Из-за барьера за Эрис с восхищением наблюдал Ахиллес, а Георгиус жалел, что не смог оправдать надежды.

– Вот убудок. – прорычал Таррос, смотря в сторону Эрис.

– Ха-ха! – Его друг не скрывал смеха. – Радуйся, что в нашу армию придут такие. – с довольным от умопомрачительного зрелища видом Алессандро писал пером на пергаменте количество очков команды. – Таррос! – воскликнул он, листая результаты под гул толпы. – Дорсодурро обходит Сан Марко на двенадцать очков.

– Ерунда. Дорсодурро и Санта Кроче выбывают. Каннареджо, Сан Марко, Сан Поло и Каstellо проходят в завтрашний тур, в пеший групповой бой. – помощники переглянулись между собой с недоумением – Ясно?! – Таррос угрожающе перевел взгляд с одного на другого. Они молча кивнули головой.

– Плут ты. – Алессандро зацокал языком, ухмыляясь.

Настала очередь вывести пленных. Среди всех команд наибольшее количество оставшихся было у Каннареджо – десять человек. Они вывели недовольных Сан Марко, держа озлобленных ребят за предплечья. Эрис грубо тащила Антонио, который дергался и ругался на венецианском. Ругань понимают все, и они чуть было не сцепились. Не позволили стражники, вооруженные длинными палками. Эрис на этот раз нарочно больно скрутила его руки и вывела на поле под ликующие звуки.

– Молодцы! – церемониально, с фальшью в голосе произнес командир. – Каннареджо, Сан Марко, Сан Поло и Каstellо проходят в завтрашний тур, в пеший групповой бой. Дорсодурро и Санта Кроче выбывают. – отрезал он просто и вслед за этим послышались недовольные возгласы. Наставник Дорсодурро с трудом протиснулся к столу Тарроса. Они недолго спорили, и бесчестный хам беспардонно приказал стражникам посадить мастера обратно на трибуну. Эрис видела его обиженный вид. Безысходность и подавленность читалась на его опущенном в землю лице.

– Какой подонок! – проговорила Эрис сквозь зубы, еще крепче сдавливая руки Антонио, отчего они вновь перекинулись ненавистными взглядами.

– Первый турнирный день окончен! – самодовольно объявил Таррос. Толпа благодарных приветствовала ребят. Они поклонились и удалились с ристалища.

– Эрис, моя умница! – воскликнул учитель, подошедший к ним. Он не хлопал ее по спине как мальчишку, потому что знал характер Эрис – ей достаточно было сказать хорошего слова. Телесный контакт, обращенный к ней, не приветствовался ею.

Эрис стало неловко. Она опустила голову, смотря на землю. Носком обуви чертила на песке фигуры.

– Я благодарю всех ребят. И Вас, учитель. Наша слаженная работа принесла сегодня успех! Слава Господу! – сказала она, вытащив меч и поставив пред собой. Затем парни, смеясь и ликуя, поддержали её, скрестив с ней своё оружие.

Они на радостях не заметили, как к ним подошел командир Таррос.

– Поздравляю! – с притворной улыбкой обратился он к учителю, отчего тот смутился. – Вы вырастили блестящих воинов, умеющих работать сообща.

– Спасибо, командир. – он почтено кивнул головой, пряча взгляд.

– Ваш капитан – выдающаяся личность. – он похлопал насквозь промокшую от пота и еще не отдышавшуюся Эрис по плечу, отчего её нутро до кончиков пальцев посетила противная тягость. К тому же, царапина интенсивно кровоточила и щипала.

– Не хотел бы ты представиться? Может, откроешь лицо? – он с любопытством всматривался в щели ее шлема. – Ведь ты уже отличился на ристалище? – Таррос продолжал настаивать, его ледяные глаза пронизывали Эрис.

– Не в моих правилах щеголять и рисоваться. Настанет момент, и я сниму шлем. – бесстрастно и флегматично ответила капитанша.

– В чём заключается твоё упрямство? – его мощная загорелая рука сдавила плечо Эрис так, что мышцы и сухожилия ее загло ядом. Ребята испугались.

– Командир. Я почитаю Вас, как замечательного полководца. Я дал клятву до победы не снимать шлем и не могу нарушить обет, дабы не вызвать гнев Господа. – с достоинством сказала Эрис грубым грудным голосом. – Надеюсь на Ваше рыцарское благородство. Вам покровительствует Святой Марк и наблюдает Господь. – Эрис борзо смотрела ему в глаза.

– Аллилуйя! – иронично воскликнул он, не поверив. Но все же разжал руку. – Молодец. А ты хороший лидер. Вам повезло. – обратился Таррос к ребятам.

– Мы знаем. – грубо сказал Аргос, смотря на Тарроса сверху вниз. Глаза командира горели нехорошим пламенем.

– Как рыцарь Ордена Святого Марка обещаю, что твой обет будет исполнен, юный друг. – нехотя, выдавил Таррос.

– Благодарю за Ваше снисхождение. – ответила Эрис с приукрашенным благоговением. Рыжий Никон не стерпел и с всплеском выплюнул сдерживаемый смех, но тут же сделал серьезный вид. Эрис больно наступила ему на ногу. Тарроса выбешивали эти глупые юнцы. Он чувствовал, что капитан в шлеме просто издевается над ним, но ничего поделать не мог.

Как храмовник, он должен был перед людьми держать клятву, закрепленную именами свя-

– Выходим в путь! – воскликнул он. Стройтесь, мы отправляемся в крепость.

– Есть отправиться в крепость. – серьезно ответила Эрис, не отрывая взора. Таррос отошёл, косясь на нее и притворно улыбаясь. Алессандро по-приятельски повис на его плечах, отводя от Каннареджо.

– Ты что делаешь, брат? – шипел он.

– Поздравляю. – сухо ответил командир.

– Что-то мне не верится, мой добрый друг.

– Сан Марко непременно должен одержать победу. – твердо сказал он. – Послезавтра сюда прибудет Дож. Он мог бы появиться раньше, но дела заставили его Высочество не прийти. Это сыграет нам на руку. Он своими глазами увидит в последний день истинных воинов.

– И как ты собираешься приструнить выскочек, если даже шлем не смог снять с этого жалкого раба? – они шли стремительно, и в каждом их шаге угадывалась животная агрессия и лукавство.

– Есть разные уловки. Завтра я посмотрю, на что они способны. Если пройдут в третий тур – может быть, натравлю друг на друга Риккардо и мальчишку в шлеме. За пылкость сниму с игр. Мальчишку.

– Вот ты какой! – рассмеялся Алессандро.

– Пока раздобудь мне яду. Ты, как ищейка, знаешь всё и вся.

– Ты что, собрался травить его в прямом смысле? – взволновался он.

– Нет. Ты что. Марать руки об эту малолетнюю деревенщину – не слишком ли жирно будет? Ты добудь, потом увидишь.

– Хорошо, друг мой. – улыбнулся Алессандро. Они разговаривали так, будто бы обсуждают погоду или завтрак – жеманно и без особых чувств.

Учитель хотел оказать помощь Эрис, но она отказалась, кое-как перетянув руку до крепости.

– Как попадём в крепость, я сама всё сделаю.

– Эрис, ты – молодец. Так держать. – сказал осмелевший Ахиллес.

– А ты – нет! Ты подвёл нас. – строго ответила она. – Завтра не повтори ошибки.

– Ладно-ладно. – он с нахальным выражением лица поднял руки вверх. Эрис чуть было не сцепилась с Ахиллесом.

– Тебя заразил Персиус?! – сверкая глазами рявкнула Эрис, но ребята успели их растащить.

Ахиллес ухмыльнулся и отошел к своей лошади.

– А ты что стоишь? – обратилась она к Георгиусу. – завтра не тормози, а то я задам тебе, как следует. Не подведи нас! – воскликнула она, подбадривая его.

Команда Дорсодурро во главе с учителем была настолько подавлена, что не дожидаясь окончания игр, выпросила у Тарроса отправления домой. Тот безразлично согласился.

Они вернулись в крепость. Погода испортилась. Над морем повисли глухие тучи. Волны с остервенением бились о прибрежные скалы и помост. Слышались крики буревестника. Ветер играл его длинными крыльями, переворачивая птицу в воздухе. Но Эрис всегда любила ветер. Только чтобы без солнца. Лучше – в пасмурную погоду. Ей казалось, что он питает её, сливается с душой, задувает внутрь и проходит сквозь, оставляя свою силу ей и унося тревоги. Его аромат каждый раз был новый. Если дуло с гор – пахло цветами и дикими травами. Если с юга – сухой землей и песком. Но самый неповторимый запах – запах дождя, который так редок на Крите. Сейчас же в его благоухании Эрис чувствовала целый букет – амбре моря и ненастья.

Юниоры зашли к себе, а Эрис осталась на мраморной панели между арками у входов в коридоры. Командир Таррос пока не явился, и можно было подышать этим прекрасным ненапряженным воздухом. Не было видно никого. Только часовые несли службу на вышках. И

на входе в крепость тоже. Скорее всего, солдаты были заняты делами – готовили для гостей пищу, ухаживали за лошадьми в конюшнях. При всей неприязни к командиру, она призналась себе, что это внушающий уважение поступок – принять критских нищих юниоров у себя дома, накормив их и дав ночлег. Убедить Дожа растрачиться на них – для такого дела нужен характер. Пусть это даже в их интересах, всё же, он не обделил никого. Ну, разве только Дорсоурро...

Эрис стояла и подставляла себя первым каплям дождя. Он моросил по каменной кладке, поднимая пыль и разнося волшебный аромат... Шелест капель, переходящий в стук, плеск, нарастающий, будоражил её. Жизненные силы напрягались в жилах Эрис. Спрятавшись за одной из стен, девушка раскинула руки и запрокинула голову. Она чувствовала прикосновение капель, их вибрации... Если бы не этот дурацкий шлем, все было бы еще лучше. Было предзакатное время, но вокруг царил серость и мгла. Эрис озябла, и из-за ноющей руки ей пришлось закончить свидание с природой. Тем более, что часовые увидели командира на мостовой. Она еле расслышала это, но пришлось дать дёру как можно скорее.

Юнцы на радостях сходили с ума. Они шумели, галдели, боролись. Таррос пришёл и по его приказу число стражников увеличили. Это понятно, ведь соперничество нарастало, и могли случиться конфликты.

Эрис зашла к себе и сняла шлем. Наконец-то! Теперь она дожидается ночи и непременно смоеет с себя соль пота и пыль, так как парни уже успели это сделать в специальном помещении с водой около уборных. Эрис обеззаразила уксусом и перевязала рану. Ей повезло, царапина была неглубокой. Она переделалась в сухую одежду. Голод после такого тяжелого дня дал о себе знать. Учитель принёс ей толстый шерстяной плащ, чтоб согреться. Скрытое тучами солнце недавно село и всех вызвали на ужин.

Принятие пищи обошлось без казусов и скандалов. Азариус и Эллиут принесли ей ужин в комнату.

– Эрис, этим Сан Марко подсобили. – сказал Азариус.

– Да. Хорошо, когда твой наставник – главный судья. – ответила она.

– Нечестные они. А вдруг, мы одержим победу и нам не засчитают? – взволнованно спросил кареглазый плотный Эллиут.

– Главное, мы всем покажем, чего стоим. За остальное – не переживай. – ответила Эрис, не пробуя еды. Она всегда стеснялась есть при людях. Эта проблема присутствовала у нее еще с раннего детства.

– Ты видела, как он взбесился, когда мы вырвали победу? – вдохновенный Никон зашёл в открытую комнату. Это был крепкий, высокий, простодушный паренек. У него уже была не густая, молодая, пшеничного цвета короткая бородка и прямые желто-сивые волосы, подстриженные шапкой до мочек ушей.

– Ну, не говори! У меня до сих пор плечо болит. – буркнула в ответ она.

– Если бы он не был главный, клянусь, огрел бы его, сестра! – вспыхнул он.

– Да ладно тебе. Не поддавайтесь на провокации. – сказала Эрис.

– *Rax cimbi, Marse Evangelista maus!* – пошутил он, смеясь.

– Уу... Не богохульствуй! – с деланным испугом воскликнула она. – Ну и память у тебя.

В дверях столпились остальные.

Эрис, в длинном плаще, изобразив храмовника Тарроса, с таким же выражением лица, нервными жестами рук, широко и уверенно шагая, вскочила на кровать, схватив вместо меча свой повешенный на гвоздь лук. Она, выдержав артистическую паузу, откинув плащ, мастерски копировала Тарроса, и таким похожим тембром голоса торжественно воскликнула, смотря возвышенно вдаль, вознеся лук к потолку:

– *Rax tibi, Marce Evangelista meus!*

Парни схватились за животы. Невозможно было не лопнуть со смеха – так это было похоже. Хохот разлился по длинному коридору. Они не могли остановиться. Но Эрис этого

было мало – она прыгнула с кровати так, как Таррос прыгал с лошади, и принялась ходить между юношами, пристально разглядывая их, копируя Тарроса так, что Андроник просто не выдержал, боязливо воскликнув:

– У меня мурашки по коже, ей-Богу, предо мной Таррос!

– Ну Эрис, ну сестра! – хохотал Никон.

– Что?! – она направлялась к Аннасу, но остановилась, и в командирском порыве развернулась.

– Я не Эрис. – она вплотную подошла и тыкнула пальцем в бороду Никона. – Что это за безобразие? – сказала она, тараща глаза, как Таррос. – Никакой растительности на лице, солдат! – после этих слов разразился гром смеха. – Я запрещаю смеяться не венецианцам. – заключила девушка, ободряюще похлопав по его спине – точь в точь, как это делал Таррос.

– Эрис! – крикнул учитель. Она встала, как вкопанная.

– Что это ты делаешь?! – учитель явно был разозлен.

– Славу Великому Дожу... Делаю... – спешно и с невинным выражением произнесла она уже своим голосом, отчего юноши вновь еле сдержали хихиканье.

– Выйдите! – скомандовал он парням.

Они, виновато опустив головы, вышли.

– Что теперь будет? – испуганно спросил у Софоса Георгиус.

– Я думаю, деду Яннису самому понравилась игра Эрис. – смеялся он.

Но Яннису был не до смеха, хотя в душе он одобрял это представление.

– Эрис. Ты хоть понимаешь, к чему может привести твоё разоблачение?

– Да. – она опустила голову, осознав серьезность проступка.

– Поэтому постарайся не привлекать внимание.

– Хорошо.

Он направился к двери, но перед выходом притормозил. Затем, обернувшись, лукаво произнес:

– Слава Венеции забыла. – Эрис подняла взор на старого учителя. – Слава Кандии! – сказал он улыбнувшись и вышел.

Эрис смеялась. Она была в хорошем настроении, и, заперев дверь, поужинала.

В это время команде Сан Марко изрядно досталось. Командир в казарме, с кожаным поясом в руках загнал своих подопечных в угол, не скупясь на ругательства и обхлестывание юнцов. Затем, выплеснув свою злость, вышел, забрав с собой Антонио.

– Завтра всё должно пройти гладко. Не подведи меня до приезда Дожа, не то я устрою тебе сладкую жизнь. Ясно? – сказал он с надменной строгостью.

– Так точно. – говорил молодой человек, опустив голову и не смея взглянуть на своего учителя.

Таррос направился к ситийцам. Он хотел посмотреть, как Каннареджо проводят свободное время.

Командир зашел в их часть крепости и прошелся по гулкому коридору.

Он зашел в казарму без стука. Парни собирались отойти ко сну. Они оцепенели.

– Я не помешал, мои дорогие гости? – спросил Таррос, быстро ища глазами человека, с которым не был знаком до этого. Но обнаружил всего тринадцать человек, что на двое меньше.

– Кто отсутствует? – полюбопытствовал он не без строгости, давя на Аргоса. Но тот не растерялся.

Аргос ответил:

– Нас меньше на одного. Мы взяли двух запасных вместо трёх, один человек отказался ехать сюда.

– Разве можно отказаться ехать сюда? – удивился командир.

– Он хотел быть капитаном. – проинформировал Эллиут.

- И что, кто-то ему помешал?
- Мы не захотели. – ответил Никон.
- Интересно. А где еще один?
- Наш капитан в уборной. – схитрил Аргос.
- Да. Видимо отравился чем-то. – мел языком Аннас.
- Я подожду. – спокойно ответил Таррос, зная, что ему нагло впаривают отговорку.
- Это безнадежно. Он весь вечер провёл там. – Ахиллес несколько не краснел, надувая командира. Если бы не серьезность происходящего, они бы покатались со смеху от собственной брехни.
- Хорошо. Хорошо... Если вы покрываете своего капитана так рьяно, значит он многого стоит. – рассудил он. – Но знайте, если здесь есть подвох, вы все дорого заплатите за это. Спокойной ночи. – С этими словами Таррос вышел, скривив рот в ехидной улыбке.
- Уф. Наконец-то. – вздохнули они с облегчением.
- Кто чувствует то же, что и я? – спросил Никон. – Мне кажется, где бы этот Таррос не появлялся, везде нагнетается обстановка. Даже в прекрасный солнечный день он похож на нечто, всем портящее настроение.
- Я прям осязаю. – Аннас потряс плечами. – Б-р-р!..
- Есть что-то давящее в нем. Он ушел, а атмосфера осталась. – продолжил Никон.
- Неприятный человек. – поделился Софос.
- Да, как нечто, источающее вонь – нечто выбросили, вонь осталась. – прошептал Атрей, укладываясь на бок. Юнцы расхохотались.

Глава восьмая

Наступил второй день испытаний. Эрис опять встала ни свет, ни заря, несмотря на то, что полночи не спала и занималась своей чистотой и стиркой своих вещей. Пока все спали, девушка починила разрезанные перчатки, кольчугу и рубаху. Она застучала в двери ребят.

Нехотя, им пришлось подняться, иначе бы на грохот пришел стражник. Юноши собрались с мыслями, умылись, и, по обыкновению, размялись перед завтраком. Сегодня построения не было, разминка была довольно долгой, но щадящей.

– Сегодня мы должны порвать соперников. Будет пешее состязание – команда на команду. Берегите себя, не позволяйте противникам покалечить, ранить вас. Сами тоже, – Эрис, нахмурив брови, глянула на Ахиллеса. – Не переусердствуйте. Это наши соперники, а не враги. Но помните – победа должна остаться за нами. Если они взбесятся, не подпускайте близко, бейте руками и ногами, боритесь и кидайте на лопатки. Выбивайте мечи из рук противников – это главное. И побеждайте.

– Завтрак! – крикнул старшина.

– Идите. Старайтесь не вестись на провокации. Я думаю, Сан Марко и их хозяин заточили на нас зуб. – сказала Эрис.

– Да, он вчера искал тебя. – сказал уходящий Филон, прихрамывая.

– Неужели? И что вы ответили? – спросила она.

– Мы ответили, что у тебя проблемы с животом. – сказал Аргос, разразившись смехом.

Эрис захихикала, прикрыв рот рукой:

– А что, ничего другого придумать не смогли?

– Ну подумай сама – что бы мы могли сочинить лучше этого? – ответил Софос.

– Не пошел же бы он искать тебя в уборную? Хотя от этого типа всего можно ожидать. Честно говоря, я думал, что он до утра тут просидит или всё-таки пойдёт за тобой. – продолжал сидящий Исос, натягивая щитки.

– Да. Он вчера пощекотал нам нервы. – высказался Георгиус.

– То ли ещё будет! Сегодня мы обязательно выиграем и разгромим соперника назло командиру. Вот потом нам точно придется несладко. Но это стоит того! – заключила капитанша, заложив руки за поясницу.

– Всё, пошли побыстрее позавтракаем и – по коням! – сказал Атрей, выходя. Ребята последовали за ним, а Эрис пошла к себе.

Она встала на колени и с закрытыми глазами принялась молиться Богу о победе. Учитель прервал ее монолог.

– Эрис. Можно?

– Конечно, учитель Яннис. – она встала.

– Эрис. Как твоя рука? – спросил он, зайдя с миской еды в руках.

– Слава Творцу. – ответила девушка, хотя боль еще была. Она непрерывно ныла и от возни в холодной воде, похоже, стало хуже.

– Ты позволишь мне взглянуть? – спросил он.

– Нет, все нормально. – уверила Эрис, стесненно улыбаясь.

Учитель сказал:

– Эрис, ты необыкновенная девушка. Если бы ты была моей внучкой. – он задумался. – Я бы был бесконечно рад.

– Я не видела своего деда. – с грустью в голосе сказала она.

– Ты очень похожа на него характером. Всё то, что я вижу в последние дни очень оживило мою память. – его глаза прослезились. Он теребил сухими костлявыми пальцами край своего шнура на рукаве.

– Всё хорошо, учитель Яннис. – сочувствующе произнесла Эрис.

– Нет, Эрис. Не хорошо.

Она насторожилась.

– Я столько лет жил, и меня мучала совесть. – Эрис заметила волнение на его лице. – Я смотрю на то, как ребята стоят за тебя. А я? В своё время я предал своего лучшего друга – твоего деда.

Эрис переменилась в лице.

– Каким образом? – нахмурившись, произнесла Эрис.

– Понимаешь, когда кого-то завоевывают, всё это не происходит внезапно, на ровном месте.

– К чему Вы клоните?

– Во времена нашей молодости среди нас были нехорошие люди, так сказать, продажные лазутчики, приведшие Крит к тому, что ты сейчас видишь...

– И как это связано с моим дедом? – ее глаза раскрылись в ожидании ответа.

– Он распознал их. Он был чрезвычайно умным. И таким проницательным! Ты такая же... Он вышел на их след. Об этом знал только я... Микаилус сам рассказал мне, как лучшему другу. Но я, ради...

Он замолчал.

– Что? Не томите, отвечайте уже! – Эрис вспыхнула.

– Прости меня, Эрис. Я сдал его этим опасным людям. Вернее – продал. Он заплатился жизнью. Но я не только предал, я примкнул к ним. И вот уже столько лет Бог наказывает меня – завишу от нехороших людей.

– Зачем Вы рассказали мне это сегодня? – возмутилась она.

– Я не смог вытерпеть... Я вижу другие команды, вижу как плоды моего предательства влияют на Олимпию и по сей день. Наша школа нищенствует по моей вине. Все разворовывается.

– Нам хорошо и без богатых достижений. – отрезала она.

– Моё старое сердце привязалось к тебе. Ты выросла на моих глазах. Стала тем, кем стала.

– Это благодаря тем знаниям, что остались от деда.

– Я старался восполнить то, что ваша семья потеряла. Делился с тобой теми секретами, которыми обладал. Теперь смотрю на тебя и других и признаю, что справился с задачей.

– Вы никогда не сможете сгладить своей вины. – грубо выговорила Эрис. – Вы хоть понимаете, чего лишили нас? – она вскипела. – Слезы молодой вдовы Вам о чем-нибудь говорят? Она всю жизнь хранит ему верность. – Эрис тяжело дышала. – А моя мать? Не получив отцовского воспитания, она так и не смогла построить собственную семью, избаловала сына и бросила меня на произвол судьбы. – её слезы градом посыпались из глаз. Безмолвно.

– Прости Эрис. Я научил тебя всему, что знаю... – оправдывался старый учитель.

– Если бы мой дед был жив, он бы сделал это лучше Вас!

Эрис выскочила. Она направилась вперед по коридору.

– Глупый старик, нашел время для откровений. – шептала она, не прекращая всхлипывать. За поворотом послышался голос Тарроса. Шаги приближались.

– Господи, мой шлем! – девушка спряталась за каменной отделкой вертикального косяка юношеской казармы. Дыханье сперло. Естественно, ее бы застучали.

– Эрис. – сморщенная рука, усеянная старческой рябью на коже, протянула ей шлем. Эрис вздрогнула. Делать было нечего, и она еле успела выхватить и натянуть его на кольчужный капюшон.

– Яннис! – воскликнул Таррос. Отправьте детей строиться. – А, капитан в шлеме! – Таррос сделал приветственный вид. – Как твое здоровье? Ничего не болит? – колко, с усмешкой спросил командир.

– Нет, рука почти прошла. – вызываяще произнесла она, отчего лицо Тарроса переменялось.

– Иди на плац строить ребят! – рявкнул он.

– Есть. – ответила Эрис и ушла.

– Всеум Вы научили своих подопечных. Кроме почтительности. – с укором заключил Таррос, пристально смотря на Янниса своими синими глазами. Здесь, в тени стен их цвет казался еще насыщеннее.

– Простите, юность, сами знаете. – ответил он, кашлянув.

– Не знакомо. – строго сказал Таррос своим грудным баритоном и удалился.

Эрис оседлала Буцефала и встала в строй крайне раздраженной. Солнце слепило ее заплаканные глаза. Некоторые заметили это.

– Сестра, ты позавтракала? – Георгиус ткнул в ее спину рукояткой от меча.

– Я не голодна. – проговорила она. Послышалась команда старших сержантов и колонна двинулась. Воспоминания нахлынули на неё. Она вспоминала, как Яннис впервые посадил ее на лошадь. Это он говорил, что нужно подойти к левому боку коня, поставить левую ногу в стремя и перекинуть правую через спину животного. Как держать вожжи и управлять им. Эрис из-за того, что была совсем маленькая, вначале залазила на строительные козлы, предварительно привязав лошадь к ним. Потом влезала на нее. Но, постепенно, еще будучи малявкой, на зависть мальчишкам, научилась и обошла всех.

Больше ни с кем не разговаривая и ни на что не обращая внимания, она доехала до ристалища, где уже было полно народу.

– Сегодня больше людей. – заметил Эллиут. Парни покачали головой. Жара и сырой горячий воздух – результат вчерашних гроз.

– Запомните – для нас существует только лидирующее положение. Не отступать и не сдаваться! Пришел, увидел, победил!!! Больше ничего не буду говорить. Этого хватит. – выкрикнула Эрис команде.

Подъехал Таррос и Алессандро. Сегодня они прибыли позднее. Алессандро дурачился и залез на коня Тарроса. Тот скинул его под хохот командира.

– Вот глупец. – презренно буркнула Эрис, глядя на них.

– В их-то возрасте и дурачиться... – покачал головой Никон.

Через некоторое время все разошлись и заняли свои места. Ребята четырех команд строем, под восторг зрителей вышли на ристалища, спешившись. Таррос произнес речь, как обычно начав с приветствия храмовников Ордена Святого Марка:

– Pax tibi, Marce Evangelista meus! Слава Венеции! Слава Кандии! Слава великому Дожу! Сегодня мы продолжаем мерить силы юных дарований, собранных со всех концов Кандии. Им предстоит общий пеший бой – команда на команду. Две победивших сойдутся завтра в скачках с препятствиями, с элементами стрельбы из лука, поднятием предметов с ристалища на полном ходу, нанизыванием колец на копье и рубкой предметов мечами. Сейчас я вызову две первые команды – Кастелло и Каннареджо! По правилам игры две команды в условиях, максимально приближенных к боевым, сражаются друг с другом, захватывая воинов в плен. Поверженным и плененным считается тот, кто упал на землю. Если упали оба – пленят те, кто одержал верх в борьбе. Бить безоружного мечом или щитом – сниму с соревнований. Бить ниже пояса, бить оружием со спины или с незащищенной стороны, в лицо без шлема – сниму с соревнований. Ну, с Богом!

Команды вышли с ристалища и, под звук горна, Каннареджо прошли на поле боя. Сегодня с запада. А Кастелло, обойдя трибуны сзади – с востока.

– Бравые боевые братья, поправляем шлемы, обнажаем оружия и – в атаку! – крикнула Эрис.

Горн стих, и, под гром огромных барабанов команды ринулись друг на друга. Песок и солома летели во все стороны. Лязганье, глас и грохот дополняли картину.

Казалось, земля вибрирует под ногами присутствующих. Люд в массовой истерии ревел, болея за любимцев или просто показывая довольство зрелищем. Каннареджо одерживали преимущество – они наступали, а Каstellло защищались. Эрис била мечом по оружию противников, стараясь выбить их. Двоих смогла. Но теперь нужно было идти с ними в рукопашный. Ноги у нее были длинные и гибкие, ей легко было ими достать противника, даже в лицо. Никон тоже выбил двух. Георгиус обезоружил одного. Ахиллес тоже. Вставив мечи в ножны, ребята бились руками и ногами, стараясь сбить противника на лопатки. Эрис приёмом броска через плечо ловко уронила оппонента. Таррос соскочил со скамьи, оскалив зубы. Алессандро смеялся, как одержимый, смотря на то, как они дерутся.

– зуб даю, их не одолеть! – говорил он.

– Ерунда! – со злостью кричал командир.

– Ну, посмотрим-посмотрим... – ухмылялся венецианец.

– Ты что, предатель, поддерживаешь их? – гневался Таррос.

– Я поддерживаю сильнейшего. – невозмутимо ответил тот.

Таррос взбесился и пнул ногой стол, отчего чернила перевернулись и пролились на землю. Алессандро с жалобной иронией посмотрел на него.

Яннис сидел с болью в глазах. Он не кричал и не выражал эмоций. Просто наблюдал, переживая за своих ребят.

– Давай, Эллиут, держись! – кричала Эрис, видя, что дела его плохи – двое парней зажали его, выбив меч и пытаясь свалить на землю. От зашкаливающего испуга она кинула ногой в лицо кастелловца, отчего тот полетел на землю, перелетев через себя. Народ взревел в одобрении.

– Боже правый, ты видел это?! У него ж ноги без сухожилий! – воскликнул Алессандро.

– Я лично вырву их. Сломаю... – прошипел Таррос, не глядя на друга.

Эрис прыжком оказалась рядом с Эллиутом, и перебросила одного юнца через себя, предварительно заблокировав для этого его руку. Эллиут свалил другого ударом колена в живот. Никон уронил одного. Георгиус тоже. Исос, Аннас, Аргос вместе повергли четверых. Осталось четверо – против двенадцати.

– Волки! Они дерутся, как опасные разбойники. Им даже мечи не понадобились! – восхищался Алессандро.

– Посмотрим, что будет дальше. – сказал Таррос.

Эрис командовала, и они окружили противников кольцом; затем, поведя за собой Андроника, она дала знать, что будет нападать. Андроник, ударив мечом по мечу супостата, выбил его. Эрис вышибла одному меч; свалила ударом ноги, крученным вокруг своей оси, другого. От отдачи его меч взлетел в небеса. Всё это случилось в считанный момент. Азариус добил обезоруженного, Софос наступил и обезвредил другого. Остался последний. Они, под командованием Эрис, отступили.

Эрис глазами спрашивала своих, кто хочет пойти один на один. Все, кроме Ахиллеса, указали обратно на неё. Лишь Ахиллес хотел было напасть, но Никон больно оттянул его на место. Ахиллес ударил его. Эрис повернулась и толкнула Ахиллеса. В это время кастелловец замахнулся на Эрис, но та, ловко прогнувшись в спине назад, проскользнула под мечом.

Эрис вытащила свой меч из ножен. Юноши горели в предвкушении победы. Парень из Каstellло стоял в боевой стойке, подняв меч вверх у левого плеча. Он нервно сжимал рукоять, явно испытывая страх. Эрис смотрела ему прямо в глаза. Она демонстративно бросила свой гладиус Георгиусу. Люди на трибунах встали. Народ ревел. Противник начал махать мечом, атакуя Эрис. Но она была легче него, и поэтому двигалась быстрее, уворачиваясь. Парни криками и жестами поддерживали своего лидера. Из их азартных глаз, казалось, летят раскален-

ные угли. После очередной неудачной попытки её противник просчитался и неправильно развернулся, и в это время Эрис ударом ноги травмировала его мениск. Тот, с воплем, рухнул на колени. Эрис быстро выхватила меч кастелловца и поставила остриё на его шею.

Ребята возликовали! Трибуны ревели и народ обрел новых кумиров.

– Чёрт бы их побрал! – крикнул Таррос, сев и принявшись за заполнение пергамента результатами.

– Вот это зрелище. Прямо гладиаторы Древнего Рима! – радовался довольный Алессандро, хлопая вместе со всеми. Яннис был бесконечно рад такому невероятному исходу.

Эрис подняла противника и похлопала его по спине. Ребята вывели плененных кастелловцев. Таррос смотрел на них с завистью и злобой. Он нервно крутил в руках перо, его глаза выкатились от недовольства. Но ничего не поделаешь. Он встал и объявил победителей. Собравшиеся поддержали решение одобрительными возгласами. Алессандро аплодировал стоя. Таррос с ненавистью покосился на него. Тот лишь смеялся над его лютым видом.

Ребята ушли с ристалища. Их встретили Филон и Тичон, не участвующие сегодня по причине травм. Ситийцы земли под собой не чуя, обнимались и торжествовали. Они забыли выходку Ахиллеса. Сан Марко, плеваясь ядом, косились на них. Настал выход птенцов Тарроса.

Горны и барабаны. Эрис, Никон, Георгиус, Аргос, Исос, Андроник, Атрей, Эллиут, Филон, Азариус, Тичон, Софос, Аннас, Андроник и Ахиллес наблюдали за боем – с кем же им придется сразиться в гонке за первенство завтра?

К их разочарованию, битва была грязной. И никто не остановил безобразия. Народ недовольно кричал, но Тарросу было наплевать. Он просто не воспринимал их, не слышал. Мало того, что они били обезоруженных мечами, так еще подскальзываясь, вновь вставали в строй. В итоге шесть сан марковцев остались на поле.

Сан Марко победил. Это значит, завтра будет горячо.

– Глупый Персиус, пропустить такое из-за высокомерия! – воскликнул Филон.

– Да. Сидит дома и бьет баклуши. А ведь мог бы сейчас радоваться вместе с нами! – высказался Аргос, залезая на лошадь. Эрис стало жаль упрямого олимпийца. Все-таки он был ее другом детства.

– Сам виноват. Команда – это одно. Одиночка-высочка – совсем другое. – сказала она холодно.

– Сестра права. Кто знает, если бы мы выбрали его, то на каком месте оказались? – спросил Никон.

– Заслуга сестры очевидна. Она сплотила нас. Нам весело вместе! – улыбнулся курчавый Исос.

Эрис не любила всяческих похвал и лести. Конечно, в душе было приятно, но она не подавала вида. Никогда. И, если уж слышала хорошие слова в свой адрес – становилась крайне серьезной. Или старалась улизнуть.

Зрелище на сегодня подошло к концу. Все общей колонной вернулись в крепость. Ребята поужинали и умудрились не сцепиться с Сан Марко. Конечно, у колонизаторов были и хорошие ребята: Джулиано, Марселло, Маурисио, Джанкарло – парни даже шутили с ними пару раз. Но этот высочка Антонио всё портил. Он был их главарем, и всегда давил на них. А сегодня они молчали. И аппетит у сан марковцев почти отсутствовал.

Яннис даже не поздравил юниоров. Парни в веселой болтовне забыли о нём. Только не Эрис. Ей было мучительно больно за своего деда – и так же сильно жалко деда Янниса.

Сегодня все устали, и без лишних слов и действий, пораньше легли спать. К тому же к вечеру погода стала пасмурной. Ко всеобщей радости, ворчливый Таррос как сквозь землю провалился. Эрис поужинала у себя пищей, что принес Тичон. Она тоже просто валилась с ног, и глаза сами слипались.

...Эрис проснулась глубокой ночью. Все уже давно спали. Она вышла в коридор к уборным комнатам, омылась холодной водой, наконец окончательно стряхнув с себя усталость.

Спать ей уже не хотелось. Пульсом ныла рука. Чтобы отвлечься, Эрис решила пройтись. Надев плащ с капюшоном, она вышла из залов. Караульные на постах дремали. Вырвавшись из входной арки, Эрис осторожно заскользила вдоль стен под смотровыми вышками, боясь быть замеченной внимательными дежурными.

Тучи рассеялись. Было прохладно, пар шел изо рта, что не было типично для Мая месяца. Луна светила так ярко, что в округе можно было разглядеть каждую мелочь. Эрис решила посетить конюшни. Но не ради Буцефала, а ради белой звезды командира.

Таррос сегодня в переживаниях заснул прямо за писчим столом на верхнем этаже в своём кабинете. Причиной тому был завтрашний визит Дожа. Алессандро раздобыл яд. Таррос принудил Антонио дать отраву утром Буцефалу. Тот поначалу отнекивался, но, запуганный, всё же уступил авторитетному, старшему почти в два раза него самого, командиру. Этим козни не ограничивались.

Он приказал сан марковцам в разгар выступления Каннареджо обманом вытолкнуть на ристалище беспризорного ребенка. Поэтому за ужином юноши и были подавлены – своей совестью.

Но на этом дьявольский план Тарроса не закончился. Он пытался запугать Янниса – сказал, что сломает сильные длинные ноги капитана в шлеме, если они не уступят его подопечным. Яннис промолчал и решил не встречаться со своими ребятами, чтоб лишний раз не гневить командира.

Яркий лунный свет пробился в окно, и, попав на лицо Тарроса, разбудил его. Он протянул руку к сосуду с вином, налил немного и выпил. Затем встал, пройдя к тазу с холодной водой, окунул в него голову, желая снять дурное напряжение. Вода струилась по его лицу, стекала на жилистые, широкие плечи. Он снял мокрый камзол и подошел к окну. Далеко на море стелился серый туман. Свежий мокрый воздух ударял по лицу, унося плохие мысли прочь. Таррос протиснул голову в горло сухой туники – его коротко остриженные, но очень густые кудрявые волосы не хотели пролезать без приключений. Наконец, закончив борьбу, его лицо освободилось от льняного плена.

Открытым глазам представилась удивительно-прекрасная картина: белоликая девушка в свете луны аккуратно крадется, прильнув спиной к стене нижнего уровня, недалеко от плаца. Его взор загорелся – так прекрасна она показалась ему. Лицо её сияло. Со стороны она выглядела озорной авантюристкой. Он молниеносно просунул руки, не отрывая возбужденного взора. Его глаза запылали, подобно глазам кота, уловившего мышь. Не отводя взгляда, Таррос схватил свой пояс и застегнул его.

"Кто она? Привидение или прекрасный ангел?" – закрутилось у него на уме. Между тем, девушка бесшумно и ловко ускользнула в сторону конюшен.

– В любом случае, надо проверить. – прошептал он. Командир загорелся желанием увидеть это прелестное создание вблизи.

Таррос молниеносно спустился на плац. Он так же как и Эрис старался подкрадываться как можно тише. Он заглядывал в каждую арку, в каждый коридор по пути к лошадиным стойбищам.

Эрис зашла в конюшни.

– Ну и где же этот ослепительный строптивец? – рассуждала она вслух. – Темно, чёрт ногу сломит. – с этими словами она споткнулась о железные вилы, валявшиеся на полу, но не упала – только грохот прокатился по помещению. Послышалось фыркание лошадей. Эрис прошлась, заглядывая в стойла. В самом конце, где луна проглядывалась сквозь длинную решетку, белела голова коня.

– Вот ты где! Нашла! – воскликнула Эрис, ища глазами факела. Наконец, сняв один со стены, она, достав огниво из кармана, зажгла его. Подойдя ближе к коню, Эрис разглядела его великолепие.

– Ах, какой же ты красивый! – восхищалась она. – Сейчас, миленький. – конь не спал, в его огромных глазах под пушистыми ресницами поблескивал огонь, зажженный Эрис. Она повесила факел в специальную подвесную нишу рядом со стойлом командирского рысака.

Таррос услышал звук и тихо направился к конюшням.

Эрис осторожно подошла к скакуну. Он, вроде, не испугался. Пошарив в своём кармане, она обнаружила угощение Буцефала – собственноручно высушенную белую свеклу. Эрис тактично протянула её. Конь своими проворными губами схватил кусочек, принявшись с чавканьем и сопением смаковать его. А Эрис нежно погладила его ладонью.

– Какой ты хороший, добрый конь. Малыш. – она сюсюкалась с ним, как с ребенком. Видимо, жеребцу пришлось по душе простенькое лакомство, и Эрис дала ещё.

– Милый, молодец... Кушай-кушай. Только у меня больше нет. Будь умницей, и я принесу тебе еще. Завтра. – она хлопала его по шее, теребя длинную шелковую гриву. Эрис понравилась коню, он старался уткнуться мордой в её лицо, слюнявя ниспадающие волосы, да и Эрис тоже весело смеялась, общаясь с новым другом.

Таррос вошел внутрь. Стойла были расположены вдоль в несколько рядов, и он, осторожно продвигаясь, искал источник нежного голоса.

Командир крался в ту сторону, где горел факел.

– Хороший. Хороший... Малыш. – слышал он на греческом. Женский голос показался ему таким приятным и притягательным, что его сердце ёкнуло. Он дышал взволнованно, и капли пота проступили на загоревшем суровом лбу.

Эрис забылась. Она смеялась и терлась лицом о белый нежный пушок на морде лошади. Конь довольно фыркал и играл копытами.

– Сириус. Вот интересно. – шептал Таррос, обойдя ряд и прокравшись к ним с противоположной стороны. Он не знал, как поступить – подать голос или не выдавать себя, рассмотрев девушку поближе. Командир решил понаблюдать в тылу. Он прокрался на опасное близкое расстояние и изучал её черты сквозь щели изгороди – такая высокая и стройная; тонкие белые запястья; невероятно длинная шея; блестящие, чуть волнистые тёмные волосы. Таррос не мог оторвать взгляд. Фарфоровое милое лицо – очень доброе, тонкие черные брови – аккуратные, открывающие невообразимо красивые, выразительные, горящие глаза. Улыбчиво-невинные точеные губы – командир невольно улыбнулся, ослепленный этим очаровательным чудом.

Эрис продолжала общение. Таррос неслышно вышел из темноты. Вдруг конь взволновался, почувствовав хозяина. Эрис утешила его ласковыми словами и прикосновениями, и он успокоился. Но ее чутьё говорило ей, что кто-то за ней наблюдает. Эрис посмотрела вправо и увидела командира – совсем близко, на расстоянии меньше полутора метров. Ее лицо озарилось испугом.

– Я не обижу тебя. – сказал Таррос искренне, но Эрис побежала так быстро, как только могла.

– Стой, я не трону тебя, кто ты?! – прокричал он ей вслед, а затем, в ту же секунду, решил догнать загадочную незнакомку.

Эрис выскочила на плац и от страха быть пойманной совсем забыла про караульных.

– Стой! – крикнул солдат с вышки.

– Стой стреляю! – но Эрис не послушалась, она летела к своему входу с быстротой выпущенной стрелы.

Таррос выскочил и дал лучнику на вышке команду «отставить». Эрис влетела в коридор, топая и подскользываясь. Она бежала так, как не бегала никогда в жизни. Минуя двери и повороты, входы и колонны – казалось, это лабиринт никогда не закончится.

Вот и её покои. Уже близко... Навалившись на дверь, она с грохотом ворвалась к себе в комнату, заперев её. Сердце бешено колотилось и её облило потом.

– Господи, что теперь будет? Из-за меня нас снимут с соревнований. – сокрушалась она, ругая свою собственную глупость. – Пусть выгонят только меня, а ребят не тронут! – со скорбным выражением говорила Эрис.

Таррос не понял, в какую именно арку вбежала девушка. Но видел, что это был нижний этаж в конце плаца слева от него.

– Будто растворилась! – безутешно удручался он.

Таррос проверил все коридоры, громко шагая, заодно разбудив всех постовых и задав им нагоняй.

– Господи... Зачем ты показал мне эту нимфу, а теперь скрываешь от меня... – печально шептали его губы, в то время, как он рыскал по мрачным коридорам огромной крепости.

Эрис села на пол, боясь шелохнуться. Вскоре она услышала уверенные приближающиеся шаги.

– Мне конец!.. – она уткнулась лицом себе в бедра.

Человек, дойдя до её двери, остановился.

– Господи, помоги! – шептала она так тихо, что сама не слышала. Но ей казалось, что стук сердца выдаст её. Эрис зажмурила глаза...

Он покружил рядом с дверью, будто что-то чувствуя, но через пару мгновений шаги начали удаляться.

– Слава тебе, Боже. – облегченно выдохнула Эрис, вытерев пот и растянувшись прямо на голом полу.

Таррос снова вышел во двор. С досадой, он направился к себе, обдумывая случившееся. Командир не мог не вспоминать образ этой ловкой, как дикая кошка, девушки. Каждая ее черта впиталась в его душу.

Глава девятая

Эрис проснулась от грубых стуков в дверь. Толстая, она колебалась под чьими-то мощными ударами. Эрис огляделась – все было залито солнечным светом.

– Я что, проспала?! – с этими словами девушка соскочила с холодного пола. Её мышцы болели, застудившись.

– Эрис! Открывай! – это был Георгиус.

– Эрис! Ты жива?! Да открывай же ты! – она услышала Аргоса. – Мы уходим! Я ломаю дверь!

– Да иду я уже, иду! – громко проговорила она.

Эрис умылась и наспех переделалась, рука всё ещё болела. Девушка надела кольчугу, нагрудник, поножи, перчатки и шлем. Затем, подпоясавшись мечом, сняла свой лук со стены и вышла.

– Мы стучим уже час, что с тобой случилось? – взволнованно и возмущенно высказались братья.

– Ничего. Разморило. – ответила она.

– Молодец, ничего не скажешь. – съязвил Ахиллес, и Эрис с укором взглянула на него.

Они стремительно шагали к выходу всей ватагой, вздымая подле себя ветер. Внезапно ребята едва не столкнулись с Тарросом, вывернувшим навстречу из-за угла.

– Каннареджо! – он улыбнулся. – Замечательно. Знаете сегодняшнюю задачу?

– Вы объясните. – резко ответила Эрис мальчишечьим голосом.

– Конечно, мой юный загадочный друг. – он ухмыльнулся.

Всем показалось, что Таррос сегодня ведет себя странновато – он весь на иголках, но при этом от него исходит какая-то уравнивающая аура. Только парни не поняли, что же это может быть. Они с командиром разминулись.

Все вышли и построились за старшиной. Сан Марко тоже подошли. Вид у них был, прямо скажем, не очень впечатляющий. Это была либо усталость, как подумала Эрис, либо страх.

Солнце начинало палить. Морские птицы с гонором обгоняли друг друга, купаясь в его лучах. Ветер нёс с собой надежду на победу. Эрис ощущала природу даже сквозь свой стальной шлем.

Командир вырвался на площадку. Он начал вступительную речь. Без храмовых прелюдий. Видимо, торопился.

– Сегодня его светлейший лик Дождь изволит посетить ристалище. Вы должны продемонстрировать ему красочное зрелище. Покажите всё, на что способны. Он должен убедиться в боевой способности будущих новобранцев. Расскажу правила – групповой заезд в семь этапов, каждый этап выполняется на полном скаку лошади. Задача состоит в том, чтобы из лука попасть в расставленные мишени. Затем ристалище переоборудуют и вам дадут копья – вы должны будете собрать металлические кольца, подвешенные на конском волосе; после чего предстоит поднять с земли разбросанные клинки. Следующее задание – разрубить мечом чучела. Пятое задание – на арену выпустят зайца, которого вы должны будете подстрелить. Это выполняется среди собранных участников одной команды. На задание дается, – он вытащил из нагрудного кармана крохотный огарок – миниатюрную свечу, размером с мизинец трёхлетнего малыша. – Вот столько времени, пока не сгорит свеча. Шестое – скачки на скорость через барьер. Вызовут по два соперника с каждой команды. Вопросы есть?

– Нет, командир! – хором крикнули присутствующие.

Колонны воинов на боевых скакунах направились в город. Дождь пока не прибыл, люд наплывал... Сегодня на украшение трибун не поспешили – флаги Венеции, разноцветные ленты и цветы в изобилии колыхались на припекшемся воздухе.

Кавалерия построилась. Прибыл его Величество Дожд. Под народное ликование он, в кругу приближенных, вступил на почетное место напротив правой трибуны на площадке, где был выставлен его геральдический герб, на котором изображался лазурного цвета овальный щит с резными золотыми краями и фригийским колпаком в центре. На вид ему было не больше тридцати пяти лет. Одет был Дожд по последней Венецианской моде: голову правителя прикрывала двурогая, бордовая округлая шапочка из плотной парчи, из-под которой выглядывали белые наушники с завязками. Она была похожая на убор древних римских жрецов и являлась символом власти. Прекрасно сшитая из толстого пурпурного бархата монаршая туника спускалась вниз, окаймленная белым ниспадающим воротничком, поднимающимся от порывов ветра, украшенным по краям тонкими кружевными плетениями. Он был подпоясан выше уровня талии золотым мечом. На плече Дождя красовалось покрывало из пестрого шелка, мягкими переливами спадающее на правую сторону. На ногах виднелись красные, схожие по виду на византийские, башмаки. Белое лицо его было доброе и благородное – высокий лоб; широкая переносица без деспотичных борозд и морщин; удивленно приподнятые негустые брови; спокойные круглые глаза темного оттенка; прямой продолговатый нос аккуратной формы; маленький рот и низкие, не грубо выраженные скулы. Филигранного вида лик был окаймлен негустой подстриженной бородкой. Уши его были словно прилеплены; длинная шея, прикрытая стойкой, плавно переходила в округлой формы плечи.

– Его Величество Дожд! – речитативно продекламировал Таррос, кланяясь ему в почете. Колонизаторы последовали его примеру. Вышедшие на ристалище пешие юниоры двух оставшихся команд – тоже. Народ видя, как юные критяне уважили Якопо Тьеполо, одобрительно приветствовали приятного вида властелина. Горн и всё утихло.

– Слава Венеции! Слава Кандии! Я приветствую всех собравшихся здесь! Нам всем очень важно объединиться в такое беспокойное время затяжных войн и междоусобиц – никогда не знаешь, откуда нападет враг. Поэтому я высоко оценил проведение подобного мероприятия – молодые бесстрашные воины нужны Республике. Несмотря на то, что у меня совсем не было времени, я с комиссией всё же посетил остров Кандия и этот прекрасный, развивающийся город. Но, к сожалению, я вынужден сегодня покинуть его, так как должен прибыть в Венецию на Пасху – участвовать в *Corno Ducale* (*Ежегодное торжественное шествие, где Дождю вручался его неповторимый символ власти – шапочка.*), ежегодную процессию, где, пройдя от собора Святого Марка до женского монастыря Сан Закария, я получу из рук настоятельницы благочестивых богоугодниц сшитую их монашескими руками *Corno Ducale*. Корабль Бучинторо (*Итал. Visintoro – венецианская церемониальная галера. Второе название – Буцентавр, Букентавр. Длина судна – 30 метров, ширина – 6 метров*) отплывает на закате, и я надеюсь, что полученных сегодня впечатлений мне хватит до следующего визита. Командир, – он кивнул в сторону Тарроса. – Я объявляю финал турнира открытым! – он перерубил натянутый на ристалище канат своим золотым мечом.

– Команды, готовьтесь! – произнес Таррос.

С этими словами сержанты и юниоры покинули ристалище под барабанный бой, а солдаты принялись расставлять мишени.

Первой выступила команда Сан Марко. Таррос вероятно, ожидал от своих птенцов большего. Но, по подсчетам, из его двенадцати парней на столько же мишеней в точную цель попало мало – чуть больше половины.

Наступило испытание для Каннареджо. Эрис с ребятами искали Янниса, но – безуспешно. Тогда она решила, что Георгиус и Ахиллес стрелять не пойдут. Она спросила согласие команды, и они одобрили решение.

Горн! Эрис, Никон, Аргос, Исос, Андроник, Атрей, Эллиут, Филон, Азариус, Тичон, Софос, Аннас помчались на боевых конях с луками в руках. Каждому выдали по двенадцать меченых стрел. Эрис заметила, что они были немного бракованные, но это не помешало им

блестяще справиться. Только Аргос, в последний момент замешкавшись, уронил лук на землю. И вот, с внушительным отрывом лидируют Каннареджо.

Венецианской знати понравилось выступление. На почетной трибуне они, с монаршей сдержанностью, одобрительно улыбались и обсуждали между собой зрелище.

Был перерыв, ребята готовились. Они увидели пришедшего Тарроса. Он, крайне озлобленный, позвал своих:

– Адриано, Джулиано, Антонио, Алонзо, Маурисио, Марселло, Риккардо, Эрнесто, Франческо, Чезаре, Орландо, Массимилиано, Луиджи, Коломбано, Жанкарло! – ситийцы издали косились, а Таррос на венецианском бранил и наставлял каждого по отдельности.

– Он в ярости. – сказал Софос.

– Что он говорит? – спросила Эрис. Она бросала взгляды на этого человека, вспоминая вчерашнее. Девушка старалась отвлечься от непривычных тайных мыслей.

– Я не буду переводить такое! – он рассмеялся. Остальные поддержали. Отец Софоса служил у венецианских купцов на рынке уже много лет и выучил основные фразы. Сынишка научился от него. Да и частенько, в свободное от тренировок и работ время, парни подрабатывали на пристани. В основном, грузчиками. Чего только не слушаешься в порту!

Гневный взгляд Тарроса не обошёл и Каннареджо. Проскользнув по парням, он остановился на Эрис. Командир что-то медленно, сквозь оскаленные зубы говорил на ухо Антонио. Тот смотрел в землю своими горящими черными глазами. Эрис показалось это подозрительным. Таррос ушёл, а Антонио бросил запуганный взгляд на "капитана в шлеме". Эрис прочитала в нем безысходность.

Горн, барабаны. По свистку Сан Марко уходят нанизывать кольца. Результат вновь неутешительный. Выход Каннареджо.

Как же Эрис любит эти игры верхом! Она годами только этим и занималась. И парням привила любовь ко всяческим испытаниям на лошади. Двенадцать копий – одиннадцать колец. У Никона кольцо сорвалось и упало, Аннас раскачал своё и упустил. Эрис намеренно шла последней – ей досталось два.

Третье испытание с клинками Сан Марковцы продули по полной. И Каннареджо бы непременно продули тоже. Благо, у Эрис любимым упражнением было как раз это. Разве что после стрельбы. Буцефал летел на бешеной скорости, и Эрис в конце строя исправляла ошибки ребят. Девять клинков подобрала она, засовывая наспех за пояс. Так что в конце её стан выглядел довольно-таки комично.

– Таррос, этот мальчуган спасает свою команду. – заметил Алессандро.

– Он встал на моём пути. Я растопчу его совсем скоро. – он загадочно улыбнулся, провозжая Олимпию взглядом.

Рубка чучел далась Сан Марко легко и непринужденно. Каннареджо добился того же. Таррос продолжал напряженно ждать – когда же Буцефал свалится без духу. Но этого не случилось, хоть и прошла уже половина забега.

Таррос снова появился за барьерами. На этот раз он завёл Антонио за трибуны. Это заметил Атрей.

– Эрис! Чего он так взъелся на этих бедняг? – спросил он. – Это же всего лишь соревнования.

– Правильно делает. Ему не безразлична их честь. – глубоко в душе она оправдывала строгого наставника. – А Яннис? Его нет. Даже на трибунах. В толпе тоже не видать. – разочарованно молвила уставшая Эрис. От жары, нагрузки и нехватки воздуха ее начало подташнивать, но девушка была настроена решительно.

Горн, гром, ликование – и вот Сан Марко оравой гоняются по ристалищу за зашуганным зайцем. Они образовали давку, начали мешать друг другу. Их работа была разрозненной, не слаженной.

Эрис, наблюдая за этим, не уставала комментировать.

– Если бы они слушали своего лидера, смогли бы выглядеть лучше.

– Лидер у них не очень. На Персиуса похож – гордый и самовлюблённый. – заключил Исос.

– Он думает только о том, как бы покрасоваться перед публикой. – осудил Антонио Эллиут.

– Ребята. Если я спрошу вашего разрешения, вы позволите мне? – спросила Эрис.

– Говори, сестра, конечно. – разноголосые парни ответили в один лад.

– Они гонятся глупо. Смотрите – время на исходе, добыча не поймана. Мы команда. У каждого своя роль. Друг без друга мы – ничто. Каждый по отдельности – тоже.

– Ты права. – сказал Филон.

– Кто у нас стреляет метко? – спросила Эрис.

– Метче всех ты, Никон, Азариус и Софос.

– Мы должны сделать движущееся кольцо вокруг добычи. В это кольцо войдёт самый зоркий и принесёт нам общую победу. – с серьёзным видом резко и чётко продекламировала девушка.

– Я – нет. Я не пойду. Я лучше по краешку описывать круги буду. Не хочу опозориться перед Дожем. – отказался Софос.

– Никон. Я в тебя верю. – уверенно сказала Эрис. – Иди и стреляй.

– Хорошо, сестра. Я не подведу. – ответил он.

Каждому давалось по одной стреле. Заяц предварительно кормился какой-то возбуждающей нервы травой, и выпущенный, метался с ненормальной скоростью по невообразимой траектории. Сан Марко не смогли пройти это испытание. Они вышли, оскорбляя и толкая друг друга.

– Смотрите на них. Что бы не случилось, не уподобляйтесь им. – сказала Эрис, седлая Буцефала.

Алессандро зажёл свечу. Таррос и тут решил слукавить, дав мерило покороче.

Каннареджо вышли длинным строем. Трибуны и толпа стихла, наблюдая за этим почётным шествием. Таррос тоже не мог оторвать взгляд. Эрис вела их, затем каждому дала знак, где остановиться. Когда сама она, описав полный круг подошла обратно ко входу, Никон вышел в центр.

Командир просёк её план. Другой заяц выпущен. Животное метнулось в огромный круг и Эрис резко дала команду скакать галопом. Они бешено мчались друг за другом по замкнутому кругу, сужая его по наводке капитанши.

Заволновавшись, Никон поторопился и выстрелил не туда. Эрис была готова и молниеносно намотав вожжи на руку, зарядила лук. Таррос признавался самому себе, что их подготовка и тактика бесподобна. Он восхищался капитаном нищих. Но амбиции не давали ему проявить своё истинное мнение.

Алессандро соскочил, выпучив глаза. Было видно, что он хочет успеха Каннареджо:

– Неужели Шлем попадёт? Если да, Таррос, я дам тебе сто дукат! Клянусь Святым Марко! – вскрикнул он.

– Засунь ты их себе сам знаешь куда. – грубо прорычал Таррос, плясь на Алессандро.

Эрис выстрелила, натянув тетиву так крепко, что от ее трения образовался голубой дымок. Свист, не слышный от топота копыт и гула голосов. Заяц летит сраженный, кувыркаясь со стрелой в шее.

Эрис была водящей. Она сделала круг шире и постепенно замедлила ход. Отдав приказ на выход, сама оказалась последней и отстала от строя, задом наперед добравшись до трофея и пройдя через него. Буцефал осторожно поднимал копыта, чтобы не наступить на тушу. Это зрелище умилило зрителей и явно понравилось Дожу. Дойдя таким образом до восточного

края, Эрис хлестнула коня, резко погнав его. Затем, скинув обе ноги с бока Буцефала, легла поперек седла на спину. Чудеса гибкости, и Эрис сползла почти до земли, засунув ноги обратно в стремена. Это мгновение, когда заяц оказался в её руках, осталось почти незамеченным. Девушка под громогласный рокот толпы выехала с ристалища. Они так же красиво покинули поле, как и появились.

– Вы прощаете мне мою выходку? – спросила она с искренним виноватым видом, размахивая тушей над головой. – Я не смогла сдержаться – так хотелось утереть нос Тарросу и его лентяям. Простите пожалуйста, братья мои!

– Это ты прости меня, я подвёл всех. – сокрушился Никон.

– Да брось ты! На то мы и команда, чтоб прикрывать друг друга. – спешившись, они обнялись, хороводя и прыгая от радости.

Был объявлен перерыв. Это время прежде всего позаботиться о конях. Они принялись чесать их щетками, поить угощать сладким, чтоб животное не объелось и восстановило силы.

– Кушай, милый! – Эрис вычесывала морду Буцефала щеткой, подкармливая сухими овощами.

– Атромитос! – послышалось сзади.

Эрис обернулась и увидела Антонио. Он с сильным акцентом ломано произносил:

– Командир приказал нам сдружиться. Чем-нибудь помочь? – спросил он. Но на лице его было удрученное выражение, и Эрис смахнула это на неудачу. Она не любила просить помощи, но и отказать порыву не могла. Посмотрев на столпотворение ребят у колодца, она произнесла:

– Ценю твою помощь. Если хочешь, можешь принести ведро воды моему Буцефалу.

– Хорошо... друг. Мы же теперь друзья? – спросил он с такой грустной надеждой в перебивающихся смоляных глазах, что Эрис сама схватила его ладонь, крепко сжав рукопожатием.

– Конечно.

– Там очередь. Можно отдать тебе воду моего коня? Я уже дал ему ведро, и он осушил его. Вон чистая вода. Он даже не притронулся! – сказал Антонио, указывая пальцем на стоящую бадью возле морды своей лошади. Капитан сан марковцев не посмотрел на Эрис.

– Конечно, давай, тащи сюда. – весело произнесла она, чтобы разрядить обстановку.

Антонио принёс его и дал в руки Эрис. Она поставила питье своему Буцефалу. Утомившийся и загнанный в зной конь принялся жадно втягивать воду, чавкая и хлюпая. Его черные блестящие бока быстро раздувались. Напившись, он поднял мокрую морду и принялся толкать Эрис в плечо, требуя добавки. С длинных жестких волосков у его рта спадали сияющие капельки живительной жидкости. Пополнив резерв, он моментально вспотел.

– Всё, хватит. Как ты дальше будешь помогать мне, напившись до отвала? – она трепала его по гриве. Конь мотал своим иссиние-угольным хвостом, отгоняя мух.

– Нелегко вам с таким наставником? – Эрис спросила, увидев на ровной коже Антонио кровоподтеки. Похоже, били ремнём.

– Не то слово... – он опустил голову, чуть не расплакавшись.

– Не вешай нос. Что бы ни случилось, оставайся самим собой. – Эрис похлопала его по плечу. Они дружественно разминулись.

Пока все занимались своими делами, Маурисио рыскал в поисках беспризорника. Он искал, боявшись не успеть. Вспотев от жары и волнения, протискиваясь через стеноподобную толпу, наконец он увидел чумазого сопливого мальчугана за рвом, лет шести на вид, одиноко уткнувшегося лицом в барьер за спиной сержанта.

– Малой. Узнаешь меня? – спросил он.

– Не-а. – этот сирота оказался смельчаком. Он поднял свой взор, но был ослеплен солнцем.

– Я – из команды Каннареджо. Тот парень в шлеме. – сказал он.

– Ты врешь. – ответил пацан, безразлично ковырнув в носу.

– Ну тогда я тебя не пущу на поле. А я уж думал, найду самого дерзкого и одинокого да прокачу на своём черном коне. – он показательно отвернулся, но маленькая хваткая ручонка вцепилась в него.

– Хочу! Ты покатаешь меня?! – с надеждой в голосочке настоял он.

– Конечно. Но не сейчас. Я проведу тебя и спрячу под циновкой. А когда ты услышишь «Каннареджо» и барабаны смолкнут, увидь меня и беги навстречу топоту копыт. И я подхвачу тебя на лету, у всех на виду.

– И у красивого правителя тоже? – спросил малыш.

– Конечно.

Они быстренько пролезли сквозь барьер, но предупрежденные сержанты ничего не сказали. Маурисио накинул на голову беспризорника плотную темную ткань и провел к последней установленной преграде, прямо у барьера. Никто и не подумал бы, что этот крохотный серый комок – живое существо...

– И не вздумай показываться. На, подкрепись. – он вытащил из кармана желтое яблоко и сунул в его грязную худую ручонку.

Маурисио шёл, и его грызла совесть. Но так было надо командиру и Сан Марко, этим он себя оправдывал и успокаивал.

Глава десятая

Перерыв кончился.

– Алессандро. Сейчас будет зрелище! – сказал Таррос торжественно.

– Ну-ну. Подлянка? Я уж заждался. Главное, я для себя решил, за кого мне болеть. – без чувств отозвался Алессандро, садясь на свое место.

Таррос был доволен. Он горел от нетерпения. Янниса не было видно – это первая победа. Остальные надо было просто подождать.

Горн, барабан – пары заранее выстроившихся мчатся на подзарядившихся конях по ристалищу, перелетая через установленные деревянные стойки.

Раз – Исос первый, Риккардо второй; два – Адриано первый, Георгиус второй; на третьей паре сан марковец Джулиано зацепил свой барьер и рухнул наземь; Азариус улетел, аккуратно и последовательно перепрыгнув через все восемь преград. Четвертая пара – лидирует Никон, Марселло сзади. Пятая Ахиллес – второй, Маурисио лидирует. Пятая – Эллиут первый, Алонзо за ним. Шестая – Франческо первый, Аргос почему-то отстал. Седьмая – Софос лидер, Эрнесто не смог пройти все барьеры и провозившись, утомив себя да зрителей. Восьмая – Аннас ушел в значительный отрыв от Массимилиано; девятая – Атрей не смог угнаться за Чезаре. Десятая – Орlando чуть было не врезался в Андроника, но тот сумел славировать и оторвался; одиннадцатая – Филон прорвался вперед, Луиджи сзади; двенадцатая – Тичон обогнал Коломбано. Последняя пара: Эрис и Антонио – кто кого?

Эрис сосредоточенно и хладнокровно выскочила на ристалище. В ее взгляде не было никаких эмоций, кроме адреналина битвы. Девиз был: «Только вперед». Нахмуренные брови и едкий взор, направленный сквозь суету к победе.

Антонио хлестнул коня плетью. Эрис предпочла обойтись без неё. Вначале они скакали в унисон, первые барьеры перепрыгнув вместе. Вторые тоже. На третьих барьерах Эрис встала в свою фирменную стойку на лошади: прижалась к шее коня, нагнувшись, высоко подтянув ноги, полувстав – так создавалась очень большая нагрузка на тело, но ей казалось, что так она обтекается встречным ветром и летела, подобно быстрой стреле.

Она оторвалась. Пока Антонио возился с четвертым барьером, Эрис заканчивала седьмой. Перепрыгнув, она уже почувствовала вкус победы. Трибуны и толпа, люди на деревьях ликовали. Вдруг, откуда ни возьмись, на её путь выскочил...

...Ей тяжело было сообразить, что же это, но вот: мгновение, и в голове девушки возникает мысль – она или невинное существо должно пасть сейчас? Эрис натянула поводья так резко, что правая узда оторвалась от цепи. Буцефал, встав на дыбы, вздымая задними копытами песок, солому, землю, с диким храпом, не удержавшись, как Эрис не старалась, рухнул, перевернувшись вместе с ней. Народ ахнул. Дождь встал. Его свита тоже. Алессандро подскочил. Он поднялся, а Таррос расплылся в злобещей улыбке.

– Господи, только не говори, что это ты?! – спросил Алессандро растеряно.

– Не отрицаю, брат, не отрицаю... – самодовольно ответил он, не прекращая загадочно улыбаться.

Между тем Антонио прошёл путь первый.

Ребята возмущенно кидали проклятия и ругательства. Они кипели, бунтовали. Сержанты подбежали к несмышленищу и увели его. Эрис распласталась по земле. С Буцефалом что-то произошло, он не смог встать, придавив ей бедро. От боли она зарычала.

Солдаты подбежали к брыкающемуся коню, вытащили Эрис из под него. Она схватилась за лопающуюся от боли ногу. К тому же, голова раскалывалась. Удар был такой силы, что шлем на затылке прогнулся. Кровь из носа просачивалась на нагрудник. Сержанты подхватили Эрис и принялись поднимать, но она увидела, что Буцефал бьётся в исступлении. Изо рта его пошла

густая пена и он захрапел. Эрис вырвалась и кинулась к нему. Она упала возле его морды и, забыв о своей дикой боли, принялась взывать:

– Буцефал, друг, что с тобой! – она кричала своим обычным голосом, забыв, что на нее смотрит народ. Девушка склонилась над ним, тыкаясь в потную гриву. Ребята прорвались на ристалище. Эрис видела его предсмертные конвульсии, как закатываются его глаза, эти страшные хрипы. – Буцефал, нет!!! – она сокрушалась. Никон хотел было оттащить ее, но она ударила его.

– Эрис, успокойся, сестра, – убеждал он. – перестань, уходим, на выход... – умолял он, держа ее за локоть. Ребята обступили ее со всех сторон. Таррос подошёл, со скрытым удовольствием наблюдая эту картину.

– Капитан Каннареджо, отставить беспорядок. Выходи! – скомандовал он. Эрис гневно посмотрела на него, потом ее взгляд приковал гордый Дождь, и ей стало стыдно за неудачу и проявления чувств. Кивнув благородному правителю, Эрис развернулась и, на прощание, в последний раз погладив павшего Буцефала, прихрамывая, вышла вон. Сочувствующие юниоры бежали за ней. Таррос приказал убрать тушу, затем, поклонившись Дожу, последовал к выходу.

– Сдох твой скакун, да? – съязвил Риккардо, встретив ее.

– Сейчас ты тоже сдохнешь! – она вцепилась в него и сделала болевой прием, не рассчитав силу. Послышался хруст. Риккардо дико заорал, а Эрис не отпускала его:

– Проси прощения! – взбесилась она. Всю боль, весь шок Эрис срывала на этом глупце.

– Каннареджо! – крикнул Таррос грубо. Ребята расступились. Ни Сан Марко, ни Сития не посмели вмешаться, командир успел вовремя.

Сержанты оторвали взбешенную девушку от покалеченного Риккардо. Тот взвыл и заныл, держась за руку.

– Что ты позволяешь себе?! – яростно выкрикнул Таррос. Командам показалось, что он сейчас ударит капитана Ситии. Но он держал себя в руках. Таррос понял, что перед ним человек с непростым характером. Эрис молчала. Кровь из носа ярко раскрасила её стальной нагрудник.

– Сними шлем! – строго приказал командир, приблизившись к ней почти вплотную, лоб в лоб. Ростом Таррос был выше всего на один палец. Но казался внушительнее из-за телосложения. Она даже не шевельнулась. Эрис стояла уверенно и смиренно, что еще более выводило и без того привычно нервного Тарроса из себя.

– У него лицо в оспе, он стесняется. – начали было шутники из юниоров, но Таррос одарил их всеуничтожающим взглядом, вогнавшим в дрожь особо впечатлительных салаг.

– Я сказал, открой лицо, солдат! – уже криком потребовал он, смотря на Эрис в упор.

– Не надо, командир. – еле слышно пронудели ребята понаглее – Никон и Аргос. Таррос был похож на разозленного свирепого пса на привязи, готового сорваться в любой момент.

– Еще слово, все вместе получите плети за длинные языки! – он завертел головой и впился испепеляющим взглядом в каждого, отчего безусые юноши отпрянули назад и замолчали, понурив головы, признав неоспоримый авторитет командира Тарроса.

Таррос снова посмотрел в чьи-то серо-зеленые глаза, над которыми виднелись нахмуренные аккуратные брови. От злости его зубы скрежетали.

– Сними шлем и покажись, когда с тобой разговаривает командир Кандии и рыцарей Ираклиона Ордена Святого Марка! – его строгий и уверенный голос даже посреди этого людского шума гремел, подобно грому. Сам облик, его хорошее сложение, импонировал каждому, кто смотрел на него. И теперь он казался еще более грозным и пугающим.

Ребята почувствовали, что наступил неумолимый крах. Их скорбные выражения лиц приготовились к худшему. Все, чего они усердно добивались три дня под строгим руководством Эрис, пошло под откос. Сан Марко злорадно переглядывались между собой.

Понимая, что сопротивление бесполезно, Эрис резким уверенным движением сняла шлем. Она оттянула кольчужный капюшон назад. Длинные атласные волосы, строго собранные в высокий хвост, тяжело упали на плечо. Растрепавшаяся, мокрая от пота, удлиненная челка окаймляла высокие скулы красивого, привычно-бледного матового лица. Сейчас оно было разгоряченное и отливало румянцем. Девушка поразила Тарроса. Он обомлел. Кровь всё ещё не остановилась, и Эрис, сняв толстые перчатки, грубо растерла рукою нос.

Только что глаза командира метали молнии, как вдруг, в долю секунды, все сменилось удивлением и восхищением, которое читалось в его небесном взоре. С бровей, выражения лица, всего тела командира мгновенно спало напряжение.

– Простите, командир. Ваш подопечный позволил себе недостойные рыцарю выражения. Мне пришлось наказать его. – ничуть не робея, на диво Тарросу, равнодушно и без злости отчиталась она.

Но он уже не задумывался о значении слов Эрис. Лишь только её звонкий и глубокий голос обласкал его слух. Он смотрел то в умные глаза, то на аккуратные вишневые уста, между которыми перламутром переливались крупные жемчуга белоснежной улыбки.

Он сразу узнал эту девушку. Это та дикая ночная гостья Сириуса, так легко нашедшая общий язык с его строптивым конем, которого Таррос специально обучил не подчиняться никому, кроме него.

Он стоял и его глаза скользили, внимательно изучая черты удивительной девушки.

– Хороша оспа. – его голос прозвучал бархатно и мягко, и это было все, что слышали окружающие.

– Командир Таррос, горн!

– Горн? – задумчиво и негромко спросил Таррос, не отрывая непослушный, но достойный взгляд от невозмутимой Эрис. – Это хорошо. Иди готовься, юный боец, все хорошо. Готовься выйти и принять лавры первенства. – он словно забыл все слова, но остался блестяще владеющим собой. Эрис не проявляла эмоций. От его близкого присутствия ее дыхание перехватило. Но это не было страхом или антипатией. В сердце Эрис проникло нечто неведомое.

Таррос был обольщен и почувствовал прилив сил. Как будто он вмиг пропитался невидимой энергией.

– Хорошо-хорошо... Заладил. Что же это, мы прощены? – тихо и удивленно перешептывались ребята Эрис.

– До вас что не доходит, он же сказал – первенства. Мы победили! – заключил Атрей.

Таррос повернулся к своим ученикам и опять его взгляд переменился с милости на необузданный гнев.

– Как вы посмели уступить ей? Я не понимаю, как ты умудрился проиграть девушке? – выбросил он в сторону млеющего Антонио, что тоже впал в ступор от увиденного. Таррос же был невероятно зол на своих юниоров.

Подойдя к Риккардо, которому Эрис только что сломала руку, он нанес удар в живот, от которого тот, корчась, упал в грязную лужу.

– Неужели этому я вас учил? Свора слабаков и трусов. После игр поговорю с каждым по отдельности.

Парням стало стыдно и боязно. Поговорить – это значит, что каждому он безжалостно и поучительно нанесет удар в лицо так, что синяк останется, как минимум, на неделю.

Эрис с достоинством удалялась. Она слышала обрывки фраз скандального наставника. Девушка незаметно косилась в сторону этого взрослого командира, который запал в ее пока еще детскую душу. И он, такой грозный и вредный на первый взгляд, ей одной из всех присутствовавших здесь теперь казался совсем другим человеком. Почему-то вместо того, чтоб сосредоточенно прокручивать в голове уход Буцефала, победу, содержание далеко не женского прошедшего испытания; она, сама того не желая, на пару мгновений стала заложницей наущений невидимых сил, под действием которых рождались мысли, принять которые было для нее постыдным табу.

– Горн, Эрис! – ребята собрались вокруг нее. Они поздравляли её и друг друга, все это издали нарочно замечал пронизательный Таррос. Он видел, как глаза ребят горят азартом и то, с каким почетом они смотрят на эту мальчуганоподобную, но такую прелестную девушку.

Ему показалось, нет – он понял, что вся эта орава только вступивших на путь отрочества юнцов безоговорочно принимает эту девчонку за своего парня. За неоспоримого лидера. Для него, выдавшего в силу своей беспокойной жизни и ее разношерстных обитателей и обительниц, видеть такую картину было более, чем необычно.

Но одно он понял точно – эта девушка необыкновенная, та самая, которая представлялась в его мечтаниях еще с самого раннего времени, когда он только начал осознавать свою принадлежность к мужскому «Я». Он потерял свою душевную стабильность с той секунды, когда в полумраке разглядел такие идеальные для его сердца внешние черты ночной пришелицы. И теперь наблюдал, осчастливившись внезапным подарком судьбы, какова эта девушка внутри своей человеческой сущности. Все это будоражило душу и возбуждало в нем то притяжение,

которое он еще не испытывал никогда. Это были необычные чувства, нежданно и так приятно окутавшие его, как нежный эфир. Не гадкие, а наоборот, затрагивающие в его сердце самые светлые струны, которые давно были забыты своим хозяином в силу жизненных обстоятельств и пылились, потеряв надежду, что о них вспомнит уже не юный, однако, еще не старей, но успевший стать матерым, обладатель.

– Сестра, ты выйдешь и покажешь Дожу, кто тут настоящий хозяин. Мы выйдем за тобой, капитан!

– Идите. Алессандро всё сделал. Дож объявит победителей. – улыбнулся Таррос. Проходя мимо командира, Эрис захотела дать дань уважения. Но Таррос опередил ее. Он поставил правую руку на сердце, благопристойно кивнул и четко пожелал:

– Удачи тебе, девочка!

Эрис почтено опустила голову. Ее смутил этот искренний порыв Тарроса. Командиру на мгновение показалось, что в её глазах, ставших кроткими, было нечто, одобряющее его.

Юниоры заметили происходящее, и этого хватило, чтобы напугать их. Особо глазастый Ахиллес увидел нездоровый интерес этого Тарроса, который так фальшиво прятался под маской невозмутимости.

Но у Эрис думать о случившемся не было времени, она хладнокровно стряхнула все мысли и чувства, и все уже начали забывать о случившемся в предвкушении наступающего зрелища.

– Каннареджо!!! – под ликование толпы юниоры вышли. Эрис боялась того, как её воспримут люди. Вся в крови, запыхавшаяся и лихая, и она – девушка. По толпе прогулялись удивленные возгласы.

– Эрис, мы с тобой. – качал головой серьезный Никон.

– Его сенерити. – обратились к Дожу советники. – Это, что же, дама? – удивленно спросили они.

– По всей видимости, что так. Это что – капитан в шлеме? Это был лучший воин. И похоже, что благородный. Пожертвовал собой ради ребенка. Лишился боевого коня. Для воина это – чрезмерная жертва, отметьте. – уверенно сказал Дож.

– Но это не по правилам. – возмутились некоторые.

– По закону, запрет женщинам выступать на такого рода занятиях нигде не прописан. – ответил он. Ему понравился этот юный солдат. Но Дож не имел права принимать решения без советчиков.

– Но это против законов Римской церкви! Папа будет в ярости, узнав.

– Мы – Светлейшая Республика Венеция не подвержены влиянию Папы и принимаем решения отдельно с ним. Поэтому мы и процветаем, тогда как Запад под гнетом Мальтийского ордена и его ответвлений погряз в распрях и интригах. – с достоинством отвечал он.

– Хорошо, Его сенерити, тогда давайте устроим сеньорите последнее испытание.

– Не смешно ли вы выражаетесь, тому, что вы говорите – не имеет место быть. – ответил Дож.

– Позвольте не согласиться. – более ярый поборник предрассудков навязывал своё пресловутое мнение.

– Слушаю.

– Мы отдадим Каннареджо победу. Они заслужили это. Они обошли с огромным отрывом, – советник тряс листом с результатами трех дней в руке. – Но я полагаю, что и народу не совсем понятно, как девушка прошла на игры.

– Нужно устроить дополнительный раунд. Скажем, бой на копьях, или обуздание непряженной лошади. – они говорили так хладнокровно, будто б перед ними на ристалище стояло чучело для игр.

– Хорошо! Хорошо. – перебил назойливых советчиков правитель. В душе он был уверен, что капитан в шлеме, оказавшийся юной прелестной девушкой, справится. – Я объявлю решение. Вызовите Тарроса.

Таррос подошёл к Алессандро и застал того за неподобающим его женатого статуса, действием. Он смотрел на ристалище и вдохновенно шептал, закусив нижнюю губу:

– Господи, ты только глянь на нее!.. *Bellezza (Красотка (итал.))*... Ничего не скажешь... – Алессандро бесстыдно пялился на Эрис. Таррос закипел. Он одним своим взглядом дал понять лучшему другу, что отныне запрещает так смотреть на эту воительницу.

– Ты что же это? – увидев нечто в глазах командира, Алессандро цинично рассмеялся. – Ты серьезно? – он перестал улыбаться. – Похоже, что да... – Алессандро сам ответил на свой вопрос.

– Каллиста ждет тебя. Иди! – плюхнувшись с грохотом на место, он гневно махнул головой в дамскую половину. Алессандро стал более сдержанным.

– Командир Таррос. Вас вызывает Дож. – удивленный командир встал и направился к трибуне. Чутье подсказывало ему, что дело касается девушки в шлеме.

Таррос подошел к почетной трибуне, где наблюдал кроме Дожа, вызывающего уважение еще и его *consulenti (Приближенный советник Дожа Венеции)*, которые из-за обилия ярких красок в своих нарядах были похоже на разноцветных диковинных птиц.

– Командир, мои советники отказываются принимать факт участия сеньориты в столь грубом зрелище. Мы зачисляем победу Каннареджо, но она... – Дож посмотрел на Эрис. В окружении парней она держалась более, чем достойно, невольно вызывая уважение.

– Этот воин до последнего момента проявлял себя, как истинный рыцарь. Я дал клятву не снимать его шлем до победы, и вот – они на пьедестале. Что в этом предосудительного?! – спросил резкий и грубый вояка, без стеснения обратившийся к верхушкам.

– Я полностью разделяю Ваше мнение, командир. Вы – ценный человек, сделавший многое для Венеции. Но эти глупые нравы... – Дож, похоже, был единственным здравомыслящим человеком среди всех.

– Что необходимо сделать? – нервно спросил Таррос, желая побыстрее закончить.

– Вам слово. – сказал Дож тучному седому человеку.

– Мы посоветовались. – сказал он тонким голоском, выдерживая артистическую паузу. Таррос напрягся в нетерпении и негодовании. – И решили испытать сеньориту. Если она выдержит – то, пожалуйста. Ей в будущем откроется дорога в наши войска. Вы сможете принять ее в свои ряды. – покачал он головой. – Остальных тоже.

– Они уже выполнили все задания и прошли испытания! – Таррос выкатил глаза из под мужественных бровей, указывая на листок. Такая дерзость разозлила брюзгливую свиту.

– Выйдете на ристалище сами? Против этой юной воительницы? – предложил советник помоложе, вглядываясь в его лицо своими крысиными глазками.

– Не хочу Вас огорчать, но я могу причинить ей увечья. – отказался Таррос.

– Вот видите, Вы – боитесь. Значит она не такая уж и способная. И нечего делать ей на поле брани. – заключил самодовольный советник. – От нее больше вреда будет, чем пользы. – он омерзительно улыбнулся, бросив недвусмысленный намек.

– Я выйду. – уверенно сказал Таррос.

– Если девушка одолеет Вас, она закрепит за собой право называться воином. – сказал Дож. – Если нет...

– То воительница выбывает из крыла юниоров. – сказал советник, являющийся старшиной материкового Венецианского корпуса, до этого молчавший.

– Хорошо. Для меня будет честью сражаться с таким юным дарованием. Разрешите?

– Идите. На копьях, уважаемый, на копьях! – крикнул вслед импульсивному командиру советник Дожа.

Юниоры всё ждали. Солнце беспощадно жгло их. Ни дуновения ветра. Только гул толпы вокруг да острый запах пота и лошадиного навоза.

– Каннареджо объявляется победителями первого юношеского военно-подготовительного турнира Кандии! – продекларировал Дож.

Народ возликовал. Горн призвал к спокойствию.

– Как вы все заметили, в их рядах присутствует юная сеньорита. Это первый подобный случай. Поэтому, мы решили устроить для неё дополнительное испытание, исход которого решит ее дальнейшую судьбу. – сказал Дож. Неодобрительные возгласы прокатились по толпе.

– Эрис, народ с нами. – уверенно сказал Никон. Даже Антонио, мучающийся угрызениями совести за отравленного коня Эрис, не мог не радоваться ее победе. Его глаза загорелись, когда он увидел настоящее лицо под шлемом. Это заметили пару его товарищей.

– Я в жизни бы не подумал, что тот парень в шлеме – вовсе не парень. – говорил он, стоя у выхода, с восхищением кидая взгляды на Эрис.

– Я тоже. – сказал Риккардо, демонстрируя сломанную перевязанную руку.

– Я заужал её. – сказал Антонио.

– Кого это ты там заужал? – зло сказал Таррос, подойдя к Антонио со спины. Видя, что от наставника исходит разрушительная энергия, остальные быстро разошлись – кто куда.

– Этого парня в шлеме. – оправдался Антонио, опустив голову.

– Это не парень. – сказал Таррос. – И вы проиграли ей и её команде. И ты должен питать неприязнь. А что испытываешь ты? – медленно спросил он, впиваясь голубыми глазами в его лицо и сделав их страшными.

– Ничего. Он заслужил уважения, как достойный соперник. – мямлил Антонио.

– То-то же. И я думаю, что ты понял меня, и мне не нужно будет объяснять тебе по-другому. – Таррос пошёл к оружию и экипировке. Антонио остался стоять так, не чувствуя своих собственных ног. Он прерывисто дышал и мышцы нервно играли на его обиженном лице.

Таррос снял накидку, надел шлем, приготовил копья, взял своего Сириуса за поводья. Он вышел на ристалище. Каннареджо в негодовании покинули поле, забрав своё знамя. Эрис видела приближение Тарроса. Командир кинул копье в ее руки.

– Они, видите-ли, захотели зрелища. – говорил он, медленно обходя её кругом. Эрис чувствовала его обжигающий взгляд на себе. Она осязала его. – Как тебя зовут-то, хоть скажешь, Атромитос-бесстрашная? – он улыбнулся.

– Эрис. Эрис меня зовут. – ответила она, посмотрев на него. Его глаза светились почтением, несмотря на то, что Таррос был старше Эрис ровно в два раза.

– Я уступлю тебе. – тихо сказал он, подойдя. – Тогда они, глупцы, замолчат. – он успокаивающе качнул головой. Но, к его удивлению, эти слова разозлили её.

– Не уступайте. Будьте мужчиной. – бросила вызов Эрис.

– Если ты выиграешь, я подарю тебе Сириуса – как трофей.

– Не стоит. Я не принимаю чьи-либо подарки. – отрезала она. Тарросу чрезвычайно понравилась эта дикая непокорность. Он смотрел на нее, и отмечал про себя, что она не очень похожа на гречанку – белая, как мраморная статуя воинственной и прекрасной, опять же, греческой богини Афины. Но в душе добродетельная и смелая, как Диана. Стройная и тонкая, ее сила воли стремилась покрыть и замаскировать природную уязвимость. Таррос видел перед собой бесподобную девушку, красота и нежность которой были тщательно спрятаны под ее пылким гонором.

– Приведи ей лучшего коня и шлем не забудь. И воды принеси. – грубо приказывал Таррос солдату.

Для Эрис привели коня. Огромного черного тяжеловеса. Таррос приказал Эрис смыть кровь с лица, собственноручно поливая водой на ее руки. Эрис стало неловко – сотни, если не тысяча с лишним людей наблюдали за ними.

– Благодарю. – чуть слышно промолвила девушка, не глядя на него.

– Так-то лучше. – сказал Таррос, и уголки его губ приветливо растянулись.

Эрис одела шлем, прыгнула на коня легко и ловко. Таррос незаметно ото всех ловил каждое ее движение. И Эрис чувствовала, что от него исходит необъяснимая притягивающая сила, направленная в ее сторону. Она невольно, украдкой и изредка поднимала свой взор на командира, пока ристалище оборудовали. И вот – нечаянно, их взгляды встретились в тот момент, когда между ними протягивали барьерный канат. Ей показалось, что глаза Тарроса прожгли её душу насквозь. Она залилась краской, потупив взор. Благо, спас вновь надетый шлем. Командир возликовал. Его сердце подсказывало ему, что эти красивые серо-зеленые очи что-то спрятали в этот момент истины.

Наконец, всё было готово. Ребята махали Эрис.

Яннис! Он стоял с ними и радовался. Он приветствовал Эрис. Она кивнула ему головой. Старик взыграл душой.

Горн, барабаны.

Наездники, прикрывшись щитами летят друг на друга на бешеной скорости, треск – копья сломаны. Солдаты подали ещё. Снова – треск, и копья сломались. Таррос удивлялся, как эта хрупкая на вид девушка может удержаться от его мощного удара. Эрис была полна решимости победить. Снова замена оружия. Ей не понравился щит, выданный ей. На нем были ловушки для наконечников копий. После шести ничейных, крайне зрелищных атак копье командира застряло в её щите. Он резко потянул его, и Эрис чуть было не рухнула на землю. Она смогла удержаться, крепко обхватив бока лошади сильными ногами. Эрис, сцепив руки в замок, повела коня назад. Быстрее и быстрее. Лишь бы Таррос не свалил её и не вырвал щит. Вдруг лошадь под Эрис взбесилась. Видимо, наездница была незнакома ей. И это сильное уверенное управление взбунтовало скакуна. Эрис старалась, но так и не смогла успокоить его.

– Что за невезение сегодня?! – ругалась она. Юноши декламировали её имя. Она не могла так просто отступить. Повернув коня, Эрис помчалась галопом. Таррос, не желая сдавать позицию, мчал за ней, не отпуская застрявшего копья.

Ненормальный конь скакал, как окаянный. Эрис отшибла себе все ребра, упирая в них щит... Внезапно, после очередного прыжка непокорного коня, от отдачи и исходящей тяги, Таррос упал с Сириуса. Трибуны взревели. Дож остался крайне доволен. Чего нельзя было сказать о его советниках. Но Таррос упал неудачно. Сириус, уворачиваясь, наступил на его грудь. Таррос обмяк и лег без чувств.

Дурацкий конь плясал под ней, как безумный. Это чудовище было огромных размеров – видимо услышав слово «лучший», солдаты руководствовались лишь внешними данными.

Дело принимало крутой оборот. Мстительный скакун непременно хотел, вздымаясь, раздавить лежащего на земле Тарроса. Эрис пятилась назад; откидывалась, останавливая его, ставя на дыбы, но всё – тщетно. Она приняла решение спешиться.

Эрис спрыгнула, предварительно спустив обе ноги через его бок. Она сделала это, лишь бы совершить хоть что-то и попытаться спасти командира. К такому повороту событий не был готов никто. Алессандро встал в готовность и начал кричать, чтобы солдаты убрали разъяренное животное. Но, наплывшие, они не смогли обуздать его. Тогда солдаты схватили командира и ринулись относить его с поля. Было принято решение забить бунтаря копьями. Конь умчался по ту сторону поля.

Интуиция подсказывала Эрис, что времени больше нет.

Взлетев и встав стоя на Сириуса, она приказала нерасторопным солдатам перекинуть Тарроса через ее седло, потому что до выхода было еще далеко, а барьеры были ненадежным укрытием против нагонявшего зверя.

Они замешкались, но настигающее бешеное животное быстро привело их в чувства.

Эрис, хлестнув Сириуса, победно вылетает с ристалища в последний момент, когда обезумевший непокорный скакун уже раскидывал кучку воинов. На радость народа, они послушались смелую девушку, отдав ей упавшего командира.

Глава одиннадцатая

Таррос лежал на расстеленном плаще под мощным зеленым платаном. Здесь, в тихой тени на небольшой возвышенности был открыт доступ свежему воздуху. Эрис сидела по правую сторону от его головы, а напротив нее седой усатый военный лекарь проводил манипуляции над командиром. Эрис вытирала вспотевший лоб Тарроса, его пыльное лицо. Внезапно он закашлял. Он открыл глаза и зрачки его бегали, что свидетельствовало о головокружении. Он будто не осознавал происходящее вокруг. Издав глухой стон, Таррос вновь погрузился в бессознание.

– Он будет жить? – взволнованным голосом спросила Эрис.

– Кто? – он поднял свои косматые брови и взглянул на девушку. – Наш бравый командир? Да он живуч, как демон. – ухмыльнулся врачеватель. – Таррос – крепкий человек. Таких мало. Он не принимает боль, и она, поверженная, отступает.

– Его травма серьезна?

– Девочка, все травмы серьезны. Главное, обошлось без перебоев в пульсе и переломов. Поверь, этот командир пережил и не такое. Лично я знаю его не очень долго, но всё же могу с уверенностью сказать – через пару часов он будет свеж и раздавать команды, как ни в чем не бывало. – отвечал лекарь, слушая дыхание Тарроса и приложив к носу ткань, смоченную в некоей жидкости, обладающей резким неприятным запахом.

Таррос снова закашлял, и на его губах появилась алая пена. Эрис вытерла кровь, невольно любуясь чертами его лица, созерцая и осознавая, что для неё они являлись эталоном грубой мужественной красоты. На поджарой, покрытой шрамами груди красовался огромный и круглый, иссиня-черный кровоподтек. Эрис оставалась хладнокровной и невозмутимой, скрывая свои эмоции от окружающих людей.

Юниоры, собравшиеся в хвосте толпы, которая в данный момент упивалась жестоким зрелищем забоя взбесившегося коня, наблюдали за сердобольной Эрис. Некоторым было просто интересно, некоторые переживали. А Ахиллес в своём окружении незаметно следил за капитаншей и спасенным ею командиром. Он видел ее глаза. Его кровь кипела. В эти минуты сан марковец Антонио недалеко от них переживал те же самые томные чувства. Воздыхавший, он бросал пыльные взгляды на жалостливую девушку.

– Эрис! – подошедший учитель добро улыбался. – Поздравляю, дочка.

Эрис встала.

– Благодарю. Но я не хотела, чтобы всё обернулось этим. – они посмотрели на лежащего Тарроса.

– Ты не виновата. Наоборот, ты помогла ему. Эрис, ты показала себя не только, как хорошо подготовленный боец, но и как благородный воин. Я горжусь тобой. – она скромно отвела взор.

– Без них я – никто! – громко сказала Эрис, указав рукой на ребят. Юниоры услышали это и обрадовались. Учитель пошел к команде.

– Расступитесь, отойдите! – сквозь гушу народа рьяно протискивался Алессандро, а за ним две молодые женщины. В руках первой – миловидной и златовласой, примерно лет двадцати восьми был маленький двухлетний ребёнок с сине-голубыми, большими глазками. Они подошли и Эрис отступила немного назад.

– Signore Gesù Cristo! *Господи Иисусе Христе! (итал.)* – неподдельно воскликнул Алессандро, подбежав и сев на траву возле Тарроса. – Come è successo? *как же так случилось? (итал.)* – он тряс его за плечо. – Fratello, sono venuto, svegliati, svegliati, amico! *Брат, я пришел, проснись, проснись, друг!*

– Niente panico, caposquadra! **Не паникуй, старшина! (итал.)** – сказал доктор. – Держите себя в руках. Ему необходим покой.

– Да-да. Конечно. – произнес Алессандро.

– Как он? – спросила златовласка, передавая ребенка второй женщине, добротной блондинке, шикарно разодетой, украшенной множеством драгоценностей, сияющих на ярком солнце. – Povero, mio caro... **бедный, мой дорогой... (итал.)** – проговорила она, сев рядом и взяв командира за руку. На ее красивых глазах выступили слёзы.

Эрис отчего-то стало невыносимо находиться в этом обществе. Она смотрела на прелестное дитя – его глаза были точь-в-точь как у Тарроса. Ее сердечко больно полоснуло холодным лезвием. Эрис нахмурилась. В душу её проникла пасмурная печаль и разочарование. Алессандро живо наблюдал за Эрис, резко поменявшейся в лице. Его черные, с винным отливом, глаза то и дело поднимались, проницательно скользя по её персоне.

– Я пойду. – сказала она стальным голосом.

– Подожди пока. Надо сначала познакомиться. – нагло сказал Алессандро. Его говорящие смоляные брови двигались независимо друг от друга при разговоре.

– Я спокойна – теперь с командиром любящие люди. – произнесла Эрис. Ее взор намеренно отвлекся на посторонние вещи. Ребенок захныкал.

– Il mio piccolino! **мой маленький! (итал.)** – с этими словами женщина встала, шурша лиловым платьем и взяла малыша на руки. – Смотри, дядя спит! Хочешь к дяде? Пойдем, скажи «Дядя, вставай!» – она прошла к Тарросу. В сердце Эрис вновь прокралась надежда. – Я бесконечно благодарна тебе, добрая девушка. – обратилась женщина к Эрис.

– Я ничего не сделала. – она опустила голову.

– Так уж и ничего? Не прибедняйся, солдат. – быстро проговаривал Алессандро, смотря на неё жгучими глазами так, будто бы знает то, что неведомо никому из присутствующих. Эрис стало не по себе от этого фривольного взгляда и она строго сдвинула брови.

– Разреши представиться. Я – Алессандро, названный брат и друг Тарроса. – он встал. – Это Каллиста – его сестренка, моя любовь и жена. – он ослепительно улыбнулся, подмигнув Каллисте. А это – мой сынок Джузеппе. – показал он на мальчика. А это... – он промолчал, не зная, что сказать.

– Это моя подруга Лючия. Она всегда помогает мне. С того самого дня, как я прибыла сюда к мужу, три года назад. – улыбаясь, ответила Каллиста.

– Мне очень приятно познакомиться со всеми вами. – настроение ее явно улучшилось. – Меня зовут Эрис. – достойно держась, отвечала воительница. Она обернулась и на стоящую особняком Лючию, кивнув и улыбнувшись ей, на что та, лишь высокомерно оценив девушку взглядом и презренно хмыкнув, ухмыльнулась своими пухлыми губами. Алессандро с азартом наблюдал эту картину. Эрис, подняв левую бровь и борзо прищурившись, в ответ наградила Лючию испепеляющим решительно-агрессивным взглядом. Та, чванливо хлопая глазами, опустила их на Каллисту. Эрис, метнувшись к командиру, резко и по-мужски села на свое прежнее место, у головы Тарроса.

– Я, пожалуй, останусь. – зло улыбаясь, сказала Эрис, больше не оборачиваясь на Лючию, будто-бы её и в помине нет. Алессандро взахлёб, упоенно взирал на эту немую битву. Он тихо сдерживал смех.

Таррос хрипло застонал, подняв руку к месту удара. Он открыл глаза, с минуту смотря в небеса. Он медленно приходил в себя.

– Таррос, друг, как ты? – спросил Алессандро, сев рядом.

Командир молча крутил головой по сторонам, смотря на собравшихся. Спины шумной толпы, лица Каннареджо и Сан Марко, Лючия, Яннис, Каллиста, лекарь, Эрис, Алессандро... Эрис? Он снова повернулся и пристально посмотрел на неё.

– Командир, слава Богу! – она сочувствующе смотрела на него. Таррос робко улыбнулся.

– Дружище, брат, ты напугал нас! – начал Алессандро, и Таррос отвлекся на него. Он приподнялся на локти и Алессандро прикрыл его голубой накидкой.

– Братец, сильно болит? – спросила Каллиста.

– Нет, спасибо тебе. – ответил Таррос, жмурясь и скалясь от боли. – Всё хорошо. Иди, здесь жарко, подумай о племяннике. – сказал он.

– Хорошо, дорогой, как скажешь. – добро улыбаясь, Каллиста встала.

– И свою подругу заведи. – не смотря на сестренку, командным тоном приказал Таррос. На пафосном лице Лючии блеснули остыженность и отрезвление.

– Пойдем. – взяв её под руку, Каллиста удалилась.

– Правда, милая? – обращаясь к Эрис, сказал Алессандро. В его выражении довольно-таки красивого смугловатого и смазливового лица всегда присутствовала некая приткая пройдохливость. – Такая покладистая и никогда не перечит. – самодовольно заключил он.

– Что же, Вы любите свою жену только за покорность? – съязвила она и он рассмеялся.

– Я что-то пропустил? – окатив друга недовольным взглядом, Таррос, похоже, оклемался окончательно.

– O! Fratello, amico! *O! Брателло, Друг! (итал.)* Ты пропустил слишком много, чтобы я рассказал тебе всё это сейчас! – восторженно ответил он. – Я оставлю это на потом.

– Что тянешь? Говори! – все так же нагло кипел командир.

– Ты упал, и Сириус наступил на тебя. – снисходительно отвечал Алессандро. К удивлению Эрис, он совсем не обижался на неоправданную резкость товарища.

– Я помню. – перебил его Таррос.

– Вислоухие солдаты были слишком нерасторопными, и тебя едва не затоптал разъяренный конь этой девчонки. – он указал на Эрис. – Вот и всё. – словно пошутив, закончил он.

– Что Вы тянете? Договаривайте! – прокричал Никон, стоявший подальше. – Это она спасла Вас. – сурово закончил он.

Таррос посмотрел на Эрис. Она с отсутствующим видом теребила окровавленную тряпку руками, смотря на свои пальцы. В душе она яро жалела, что из-за своей упрямости осталась здесь.

– Ах да, чуть не забыл. – играл Алессандро. – Эрис, прыгнув с бешеного зверя, оседлала твоего вреднющего Сириуса и приказала солдатам отдать твое тщедушное тельце ей. – он рассмеялся. Таррос снова оскалился. – Шучу-шучу, брат. Она вывезла тебя, если бы не Эрис, мы бы сейчас были на твоих похоронах. Тот жеребец чуть не раздавил тебя, lo giuro su San Marco! *Клянусь Святым Марко! (здесь и дальше на итал. яз.)*

– Perché sei così frivolo? *Почему ты так нагло ведешь себя?*

 – раздраженно спросил Таррос, вновь опустившись на землю, он закашлялся и Эрис дала ему тряпку. – Tu sei matto. *ты – придурок* – заключил он, пытаясь отдышаться. – Come hai scoperto il suo nome? *Как ты узнал ее имя?* – медленно и гневно спросил Таррос у Алессандро, пожирая его взором.

– Ci siamo incontrati per caso. Appena. Non impazzire. A causa di circostanze. *Мы познакомились случайно. И только. Не сходи с ума. Просто стечение обстоятельств.* – невинно ответил он, оправдываясь.

Командир, приложив немалые усилия, отвергнув помощь Алессандро, сел.

– Эрис! – обратился к ней Таррос. – Я бесконечно благодарен тебе и никогда не смогу отдать долг.

– Не говорите так. Я ничего не сделала... – смущенно ответила Эрис. Она подняла глаза на Тарроса. Ее взгляд был искренним и сочувствующим. Командир всматривался в ее лицо и ему показалось, что она вместе с ним переживает его боль.

– Носилки готовы, командир. – к ним обратился солдат, оборвав взаимно передаваемое течение невидимых потоков энергии.

– Какие еще носилки, ты что, бестолочь?! – нахамил Таррос служивому, отчего тот, явно, испугался.

– Это я приказал, брат. Лекарь сказал, тебе нужен покой. – пытался успокоить его Алессандро.

– Да, Вы должны беречь себя. – тихо сказала Эрис, пряча взор и Таррос, посмотрев на нее, снова остыл.

– Пусть на носилках несут Алессандро. – заключил Таррос, вставая и не принимая помощь друга и сержантов. Он молча сносил невероятную боль, от которой невольно зажмурился. Эрис поднялась вместе с ним.

– Ну, что я говорил? – обратился военный лекарь к Эрис, встав следом. Он подхватил свою звенящую сумку, набитую всяческими инструментами, баночками со снадобьями и повязками. – Полагаю, я больше не потребуюсь. – врачеватель, прорываясь сквозь толпу, удалялся.

– Его Величество Дож! – протяжно провозгласил глашатай, и народ начал медленно расступаться, образуя живой коридор, по которому в окружении стражников приближался благородный Дож со своей заплесневелой свитой.

– Я рад, что Вы в порядке, командир. – он похлопал его по плечу, говоря на венецианском.

– Благодарю Вас за предоставленный мне замечательный поединок, Его Сенерити. – сдержанно сказал Таррос.

– А кто-то боялся причинить юной прекрасной воительнице увечья! – рассмеялся правитель, смотря на Эрис. – Я восторжен, как Вас зовут?

– Эрис. – ответил за нее Таррос, хмурясь. – Она не разговаривает на нашем.

– Эрис. Я желаю Вам в дальнейшей жизни всегда побеждать. Regnum di Candya крайне необходимы такие таланты, сеньорита.

– Благодарю, Его Сенерити. – Эрис слушала, не поднимая глаз. Она поняла слова благодарности, обращенные к ней, отвечая на греческом.

– Я приглашаю Его Сенерити Дожа на вечерний пир. – предложил Таррос.

– Мне очень-очень жаль. Время летит, льется, как вода сквозь пальцы. Мне надо спешить – на Пасху я должен присутствовать на Corno Ducale. Bucintoro скоро выходит в море. Я сохраню этот замечательный день в своей памяти. – говорил он, и глаза его светились простодушием. Его советники оставались такими же кичливыми, какими показались Тарросу с первого взгляда. Их просто выворачивало от вида нищих критостовцев.

– Этот неповторимый аромат... – Якопо мечтательно оглянулся вокруг, – Он и эти пейзажи, всплывающие в моей памяти, будут веселить мне мысли. Я непременно скоро вернусь, Крит вдохновляет меня, и у меня появляются планы! Спасибо вам всем. – с этими словами он кивнул присутствующим, и все поклонились в ответ. Светлый Дож удалялся, окруженный вереницей из избранных и сел в одну из отъезжающих повозок.

– Эрис. – Таррос пытался вызвать ее взгляд. Но безуспешно. – Вечером вы все должны явиться в залу на пир. Ясно? – приказал командир. Она кивнула.

– Командир Таррос! Как вы себя чувствуете? – робко спросил смущенный Антонио, подойдя к ним.

– Лучше некуда, Тони. – лихо улыбнулся тот.

– Мы с ребятами очень рады.

– Разрешите идти? – спросила Эрис посмотрев на Тарроса, и Антонио украдкой восхищенно взглянул на неё. Тарроса это крайне разозлило.

– Да. Вы идите, а у меня есть дела в городе. Тони, подай лошадь. – Таррос завязывал свою распахнутую тунику. Антонио привёл стоящего рядом Сириуса. Эрис удалялась к своим. Антонио, краснея, боялся посмотреть ей вслед.

– Какие-то проблемы? – зло сверкнул глазами Таррос. Антонио отрицательно помотал головой. Таррос залез на лошадь и долго, назло юноше, демонстративно пожирал уходящую Эрис всепозволяющим взглядом. Грудь Тони вздымалась и его ноздри раздувались.

– Хая! – громогласно выкрикнул Таррос, стеганув коня. Он вздыбил его, и Эрис оглянулась на шум. Таррос, прекрасно держась в седле, красовался перед ней и Антонио. Она поспешно отвернулась. Командир, довольный собой, браво ускакал. Тони еще долго стоял так, не чувствуя собственных ног, пока к нему не подошли Риккардо и Маурисио и не увели его, обняв.

Ребята, уставшие и одушевленные, вернулись в крепость.

– Сегодня я первая пойду в купальню. Мне надоело прятаться. Наконец-то свобода! – воскликнула Эрис, потягиваясь. Парни понимающе покачали головами.

Эрис хозяйничала, а юниоры терпеливо ждали. Сегодня ужина не было положено, вечером намечалось торжество.

Эрис, закончив дела, сидела у себя. Она думала о состоянии командира. Как он чувствует себя? Но у кого спросить и что люди подумают о ней за это любопытство. На пир идти она совсем не желала – ей чужды были подобные собрания. Даже если она бы и пошла, то в чём? Кроме своих тренировочных одежд, формы и доспехов у неё с собой ничего не было.

В комнату кто-то постучал.

Эрис послышался голос за дверью. Это была Каллиста:

– Эрис, открывай.

– Да, иду. – она открыла дверь – Проходите! – вошла Каллиста с Джузеппе на руках.

– Моя радость! – улыбаясь, Эрис осторожно взяла малыша на руки.

– Я пришла поблагодарить тебя. – начала женщина.

– Не стоит. – серьезно ответила Эрис.

– Ты непременно должна появиться на пиру. Так положено. – Эрис вздохнула. – Я уже закончила распоряжаться столами. Лучшие повара гарнизона наготовили уйму угощений. А ты понравилась ему! – засмеялась Каллиста, глядя на то, как малыш принялся тереть её влажные волосы. – Хочешь такого же? – спросила она, на что Эрис смущенно улыбнулась. – Это наш первенец, несмотря на то, что мы с Алессандро женаты уже более тринадцати лет. – делилась молодая женщина.

– Я думала, вы – молодожены! – удивленно воскликнула Эрис.

– Спасибо. Я жила в Венеции, а мои брат и муж уже тринадцать лет, как служат в Кандии.

– И Вы не виделись? – сочувствующе спросила Эрис.

– Виделись. С Алессандро. Раз в пять лет. И то – недолго. Он посещал нас по долгу службы.

– А командир?

– Нет. Он много воевал, в Terra Firma, на Альпах... Да везде, опять возвращаясь сюда, в Кандию.

– Поэтому он так хорошо знает греческий? – поинтересовалась Эрис.

– Нет. – улыбнулась Каллиста. – Смотри, я же из Венеции. Но тоже знаю. – Эрис удивили ее слова. – Я расскажу тебе тайну, так как ты вызываешь доверие. – Эрис молча внимала. – Мы с Тарросом не венецианцы.

– Seriously?

– Да. Мы этнические греки. Это семейные сложности... Мои родители и брат мигрировали в Венецию, я там родилась. Знаешь, тот дух – он неповторим, как и красота. Там каждый знает своего соседа в лицо. И знает подробности его жизни. Все обладают излишней горячностью, деловые, романтичные и жуть эмоциональные! – она засмеялась. Какое-то врожденное кокетство и природная женственность рисовались в образе Каллисты.

Эрис была шокирована откровением.

– Ты обещаешь молчать? – серьезно спросила Каллиста. – Учти – в Венеции греков не жалуют. Мой свекор был другом отца, он покрывал нас.

– Я уже забыла сказанное Вами. – ответила Эрис.

– А ты? Ты слишком красива и белолица для гречанки. Такие выдающиеся и талантливые рождаются только от ненавистного всем и жестоко караемого властями смешения кровей. – она взглянула на прелестного Джузеппе.

– Мой отец – генуэзец. – призналась Эрис.

– Я так и знала! – возликовала она. – Вот откуда такая лихость. Это у тебя в крови, да? Или папа учит?

– Я почти не помню своего отца. Родители расстались. Всю жизнь он проводил в море. Впрочем, я также не очень знакома с матерью. Я даже не знаю, где они сейчас с моим братом. Вся цель, смысл моей жизни – поле боя. – заключила девушка.

– Пообещай кое-что – не отказывай мне в моей просьбе.

– Обещаю. – ответила Эрис.

– Я принесла тебе своё платье. Ты оденешь его.

– Я не могу! – она замотала головой, нахмурившись. – Это не в моих правилах. Прошу, я не могу. Не просите. – наотрез отказалась Эрис.

– Ты уже пообещала. – победно улыбнулась Каллиста. – Воин не нарушит клятвы. И, зная упрямость моего брата, я утверждаю – явиться на торжество тебе все равно придется. Не пойдешь же ты в кольчуге. – Эрис промолчала, вздохнув.

Каллиста прошла к двери и внесла свёрток.

– Я уже не влезу в него после родов.

– У Вас заниженная самооценка. Вы бесподобны. – честно сказала ей Эрис.

– Спасибо, милая. Ты тоже ничего. Давай, побыстрее, нас ждут.

– Спасибо. Я после бала верну Вам его.

– Ты переодевайся, я выйду. – она взяла Джузеппе.

Эрис раскрыла сверток и вытащила наряд – это было необыкновенной красоты дорогостоящее платье, сшитое из белого рельефного шёлка с ярко-алыми вертикальными вставками из атласа, на которых по всей длине красовались вышитые золотом геометрические узоры. Она степенно и без суеты облачилась в наряд, предварительно замотав поцарапанную, но уже заживавшую руку.

– Я готова. – позвала Эрис.

– Боже! – воскликнула входящая Каллиста. – Я, конечно, предполагала, что ты будешь сиять, но чтоб так ярко! – с неподдельным восторгом говорила она, разглядывая Эрис. – У мужчин вылезут глаза и вывернутся шеи, а сеньориты лопнут от зависти! – рассмеялась она.

– Вы что... – смутилась Эрис.

– Сейчас надо заняться твоей причёской. – Каллиста посадила сына на пол, Эрис дала ему поиграть со своим луком.

– Будущий воин. – продекларировала Эрис, смеясь.

Каллиста посадила девушку и принялась укладывать её тяжелые гладкие волосы, не уставая нахваливать их. Со лба до макушки она сплела объемную драконовую косу. Поверх свободных волос, по бокам, женщина заплела две косы, соединив их между собой на затылке и выпустила из каждой по пряди. Образовался замечательный, немного волнистый водопад, упруго и блестяще падающий до талии. В основание каждой пряди Каллиста водрузила по жемчужной шпильке, меж зубьев которой прикрепила нежное украшение в виде тонкой цепочки, соединяющейся на лбу.

– Какая ты красивая! – прошептала она, когда закончила. – Подожди. – Каллиста вытащила принесенные с собой принадлежности и припудрила Эрис лицо, шею, плечи. Затем немного подвела глаза и нанесла на губы мягкий бальзам.

– Еще штрих. – сестра Тарроса намазала благородной амброй из розового масла запястья и ключицу Эрис.

– Всё. Пойдем скорее. – сказала Каллиста.

– Хорошо. – сказала Эрис и встала, подняв длинный подол платья.

– Господи, чуть не забыла! – сокрушилась милая женщина. Она вытащила из своей сумки легкие атласные босоножки на завязках. Эрис одела их и Каллиста нечаянно принесла:

– Надо же! Глаз-алмаз!

– Что, не поняла? – подозрительно спросила Эрис.

– Я говорю: мой глаз-алмаз. Я принесла из ненужного мне гардероба то, что тебе пришлось в пору. – выкрутилась она.

– Я благодарю Вас за эту доброту.

– Это я должна тебя благодарить. У меня остался только брат, которого ты сегодня спасла. Кстати, прими это. – она протянула Эрис подвеску из прозрачного горного хрусталя в виде граненой капли на цепочке из белого золота.

– Вы что?! И не просите. Вдруг я потеряю, или уроню. – растерялась Эрис.

– Ничего никуда не денется. – она уже ловко застегивала украшение на длинной шее Эрис.

– Я верну его... Как я появлюсь в таком виде при людях? – смущалась Эрис. – Мне надо к ребятам...

– Точно так же, как блистала на ристалище в своих доспехах и кольчуге. – весело рассуждала Каллиста. – С гордо поднятой головой. – она дружественно вытолкнула Эрис в коридор. Они шли, и для девушки были непривычны и новы эти колыхания нежной ткани, её шуршание и длиннота.

Глава двенадцатая

– Встретимся в зале.

– Я стесняюсь. – улыбнулась Эрис, подойдя ко входу команды. Но Каллиста, смеясь, ввела её в проход, отчего та, буквально влетела внутрь. Каллиста помахала ей рукой, в другой держа сына и ушла.

В комнате стояли парни. Они тоже принарядились в красивые камзолы, туники и накидки. На головах у Никона и Аргоса красовались плоские уборы, украшенные пером, подобные которым носят венецианские купцы.

Ребята удивленно переглянулись между собой.

– Сестра, это ты что ли? А может, сама заморская принцесса вошла к нам в покои? – пошутил Атрей.

– Сейчас принцесса нанесет тебе рыцарскую оплеуху. – с гонором заявила Эрис, отчего парни рассмеялись над ним. Только Ахиллес делал вид, что ничего не замечает.

– Вот еще тройку туник раздобыл. – зашел Антонио, неся и вертя в руках одежды. Он разглядывал их. – Камиз не осталось – две котты и одна джорнеа. Не знаю, по-моему, размер Эллиута. – Антонио поднял взор и остановился, как вкопанный, увидев перед собой Эрис. Его рот так и остался приоткрытым. Он на глазах начал заливаться краской, видно было даже то, как загорелись его уши. Юниоры облепили его со всех сторон, что очень не понравилось Эрис.

– К вам проявили уважение и гостеприимство! Будьте добры ответить тем же! Будьте скромнее! – она успела одарить пару парней подзатыльниками. И роскошный вечерний наряд не стал ей помехой. – Сейчас мы пойдем в залу, где все будут оценивать вас по виду и поведению. Не опозорьтесь! Держитесь сдержанно и благородно, а не как дикари. – Эрис говорила, и растаявший Антонио, не выдержав ее мощного присутствия, вышел вон.

– Не налегайте на вино и будьте умеренными в пище. Каждый отвечает не только сам за себя, гости будут определять по одному из вас лицо всей команды, всего города!

– Ты права, сестра. – твёрдо сказал Никон. – Поняли, да?! – парни согласились.

– Георгиус, братишка, прошу, я забыла свой клинок.

– Хорошо, сестра. – он вылетел из комнаты.

– Не забудьте поблагодарить Сан Марко за добро. Не порвите и не испачкайте дорогие одежды ребят. – сказала Эрис.

– Конечно! – воскликнули они. Но злобный Ахиллес промолвил:

– Их богатенькие папочки пришлют им новые.

– Не веди себя, как свинья, которая пьет воду из чистого корыта, мутя её своим грязным рылом. – строго отрезал Никон, и этого хватило. Эрис не стала добавлять ничего.

– Вы готовы? – спросила она.

– Да!!!

Георгиус вернулся и Эрис туго подпоясалась новеньким коричневым кожаным ремнем с ножнами, купленным ею на сбережения совсем недавно. Признаться, грубый пояс и нежное платье прекрасно сочетались вместе. Она вытащила клинок и посмотрела в своё отражение на его стали. Эрис скрыла эмоции и волнение ото всех. Затем, с лязганьем вставила нож обратно.

Они вышли – капитанша Эрис, а за нею тринадцать прекрасно сложенных лихих ребят. Ее походка была прямой и стремительной, не суетливой. Широкие, ровные шаги и пронзительный взгляд придавал особую высоту. Они миновали коридоры и ходы, идя на шум голосов и звуки музыки. Снаружи на площадке было много снующих взад-вперед людей. В дромосах тоже сгущались гости.

– Аргос, смотри, девчонки. – Исос ткнул его в спину.

– Ведите себя прилично! – сделала замечание Эрис. Исос смутился. – Ведите себя серьезно и по-мужски, а не глупо по-ребячьи... если хотите понравиться девушке. – она улыбнулась.

Вот теперь юниоры узнают свою душу компании.

Они вошли в зал красиво и благородно. Каннареджо произвели неизгладимое впечатление на гостей. Люди переглядывались. Сан Марко уже были здесь. Антонио не смел поднять горящих глаз на лицо Эрис, но сдержанно кивнул всем новым друзьям.

Таррос стоял посреди залы в кругу холеных людей в шикарных костюмах. Он будто заранее почувствовал приход Эрис и встретил её восхищенным взглядом.

Сказать, что он был сражен – ничего не сказать. Его взгляд буквально прилип, приковался к ней. Стройная, высокая, с точеными плечами, гибким и тонким станом – она навсегда похитила его сердце. Это полное свежести юное изящное, поджарое тело; густые, темные, блестящие волосы; кремовая матовая кожа, необычайно запоминающиеся лицо и глаза редчайшей красоты...

Он замер. И не только он. Даже женщины, присутствовавшие тут, сразу же заметили ослепительную конкурентку.

Платье, выбранное сегодня им в городе специально для неё пришлось точь-в-точь по утонченной, статной фигуре.

Он размяк в блаженной улыбке. Точно так же, как и юнец Антонио, зрелый Таррос залился краской. Он поправил воротник колетта – своего замечательного, со вкусом подобранного наряда, и, кивнув собеседникам, подошел к Эрис. Ситийцы были бравыми на вид. Эта уверенная свита дополняла прекрасную Эрис.

– Добро пожаловать. – поклонился Таррос воительнице.

– Благодарю. – с достоинством ответила она, робко поднимая взор из-под черных ресниц.

– Позволишь ли ты провести тебя и твою команду на места? – спросил он, осторожно заглядывая в ее лицо.

– Позволяю. – тихо ответила Эрис. Он протянул свою раскрытую ладонь. Эрис дала руку. Ей показалось, что грубая шершавая рука командира очень приятна на ощупь. Она чувствовала её силу и тепло. Таррос медленно провёл её через залу, кишашую гостями, мимо столов с необычными аппетитными яствами и кубками, мимо ниши для музыкантов. Когда они шли, многочисленные глаза пялились на них, что смущало Эрис. Тарросу же, наоборот нравилось вот так, держа ее нежную и тонкую молочную ручку, вести Эрис, показывая своё благорасположение перед всеми. Но его отвращало то, что присутствующие так восторженно разглядывают эту неповторимую девушку; ужасно раздражало, что красота Эрис невольно вызывает бешеное внимание. Молодые парни Каннареджо круто озирались на людей, вызывая схожесть с замаскированными лихими разбойниками.

Они подошли к почётным местам. Таррос собственноручно выдвинул стул для Эрис:

– Присаживайся пожалуйста. – он благоговейно, но всё же с буйным огнём на дне глаз, смотрел на нее. От этого пристального и самозабвенного взгляда она теряла почву под ногами.

– Благодарю. – тихо ответила Эрис, потупив взор.

– Спасибо командир! – громко сказал Аргос, плюхаясь на длинную скамью.

– Да не за что. – раздраженно ответил он испортившему момент глупцу.

– Эрис!

К ней подошла Каллиста. Лючия тоже была рядом. Эрис снова встала. Таррос пока не успел отойти.

Каллиста обняла Эрис. Лючия презренно скользила глазами по красавице Эрис. Она заметила, что Таррос преданно стоит рядом, боясь вздохнуть. Как он смотрит на нее! Лючия никогда не ловила на себе подобный взгляд. Это разозлило её.

Таррос улыбнулся:

– Я смотрю, вы поладили?

– Да. Ваша сестренка – милейшая женщина. Это она подготовила меня. Я не хотела приходить, но она... – Каллиста улыбалась.

– Какая искренняя, честная девушка! А ты, я смотрю, так же хороша внутри, как и снаружи. – это был Алессандро. Он, улыбаясь, подошел к ним и Эрис нахмурилась. – С твоим приходом в этой полутемной зале стало светло!

– Алессандро! *Ultimo avvertimento. *Последнее предупреждение. (итал.)** – прорычал Таррос, локтём толкнув товарища.

– Прости, дружище. Не удержался. Я просто высказал то, что было у тебя на языке. Без обид. – он схватил свою жену за руку и решил удалиться вместе с ней. Лючия осталась одна, наблюдая ненавистную картину. Ей казалось, что всегда грубый и неприступный командир сейчас растает и испарится, как глыба льда под жарким солнцем. Она отвернулась и направилась к тем солидным людям, с кем только что разговаривал Таррос.

– Похоже, я раздражаю её. – сказала Эрис.

– Не бери в голову. Главное то, как отношусь к тебе я. – ответил он.

Таррос протянул руку к сосуду с мальвазией. Эрис нарочно не смотрела, что он делает. Командир взял два серебряных кубка и наполовину наполнил их.

– Разреши тебя угостить, Эрис. – он протянул один кубок ей. Эрис улыбнулась, взяв его.

– Ценю Ваше гостеприимство. – она поставила кубок на стол. Таррос удивленно поднял брови. – Я не употребляю вина и Вам не советую. – сказала она решительно.

– Ты не перестаешь меня удивлять. Какими еще загадками ты обладаешь? Какие секреты скрываются за этой невозмутимостью? Я хочу узнать это. – он смотрел ей в глаза, с уважением и нежностью. Она не подавала виду, хотя её душа готова была выйти вон из тела в любую секунду. Она старалась заглушить беспокойно прыгающее сердце в горячей груди.

– Нет, вы посмотрите, что он прилип к сестре, как клещ! – сокрушался Тичон.

– Ты что не видишь – она очаровала его, старого дурака! – колко пошутил Атрей.

– Как он мог посмотреть на неё? Это же свой пацан! Что, мало девушек вокруг? Глупец. – рассуждал рыжебородый Никон, искренне удивляясь.

– По-моему, никто ей тут и в подметки не годится. – буркнул Ахиллес, наливая себе вина.

– Что ты несешь?! Хочешь повторить участь Персиуса? – корил его Аргос. Но тот лишь молчал, осушая кубок.

– Не пей много, ты что, не слышал приказ? – грубо сказал Никон.

– Она еще не командир, чтобы приказывать мне. И мы не на поле боя, так что я буду делать то, что хочу.

– Я при людях не хочу позориться, малака *м. дак (греч.)*, а то натаскал бы тебя, как следует. – гневно промолвил Никон, нервно засунув горсть миндаля в рот и прожевав. Ахиллес лишь ухмыльнулся.

– Не ругайтесь, братья. Лучше смотрите, как Яннис отжигает. – предложил Филон.

Яннис сидел напротив с престарелыми военными и что-то бурно рассказывал. Он говорил так интересно, – то повышая, то понижая интонацию, ускоряясь и замедляясь, – что окружавшие его ветераны упоенно следили за каждым жестом, то и дело громко, раскатисто хохотав на весь зал, отчего женщины возмущенно глядели на них и перешептывались.

– Командир. Как Вы себя чувствуете? – с неподдельным участием спросила Эрис. К тому же, этот вопрос должен был отвлечь командира от его чувств.

– Когда я вижу тебя, моя боль, не дающая глубоко вдохнуть, проходит без следа. – задумчиво сказал он. От такой откровенности Эрис растерялась.

– Пусть Господь поскорее исцелит Ваш недуг. Я молюсь за Вас. – ответила она, резко прервав общение и сев на своё место, отведя глаза. Тарросу прельстила эта фраза и он, обрадованный, прошел говорить приветственную речь за свой стол, что стоял перпендикулярно столу Эрис, расположение которых всех вместе взятых рисовало букву "П".

– Дорогие, уважаемые гости! – люди заняли места. Таррос начал свою речь. Его голос был глубокий и торжественный. Он ораторствовал стоя. Ребята наострили уши. По правую сторону от него сидели Алессандро и милая Каллиста. По левую – пара каких-то чиновников, видимо, высокомерных.

Рядом с грузным официалом напыщенно восседала Лючия.

– Pax tibi, Marce Evangelista meus!

– Началось... – закатив глаза, усмехнулся Ахиллес.

– Молчи и слушай! – возмутилась капитанша. – Он говорит что-то вроде, что их Евангелистом будет Марк. И они желают ему мира. – сказала Эрис.

– Тихо! – сказал Софос. – я буду переводчиком.

– Gloria di Venezia, Gloria di Candia, Gloria al grande Doge!

– Ну, вы поняли, я думаю. – комментировал он.

– Тоже мне, переводчик! – насмеялся Атрей.

– *Cari ospiti, signore e signori.*

– Дорогие гости, сеньоры и сеньорины.

– *Siamo riuniti qui. Per celebrare un evento importante.*

– Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать важное событие.

– *E onorare i vincitori dei primi giochi della gioventù.*

– И чествовать победителей первых юношеских игр.

– Это что, он о нас? Приятно-приятно. – сказал Андроник.

– *Non posso non notare che ora sono di fronte a te grazie a questa ragazza.*

– Я не могу не заметить, что сейчас я стою перед вами благодаря этой девушке.

Эрис покраснела. Взоры устремились на неё. Она уставилась на свои руки, лежащие на столе.

– *Lei, come hai visto, mi ha salvato la vita, è stata lei a salvarmi.* – по залу пронеслись восхищенные возгласы.

– Она, как вы видели, спасла мне жизнь, именно она спасла меня. Ну Таррос, во дает. – Софос успевал шутить.

– *Ti chiedo di.* – Таррос выдержал паузу. Он жестом приказал Каннареджо встать.

– *Ti chiedo di mostrare rispetto per la squadra della città di Sitia e il suo capitano con un applauso.* – они встали все вместе. Зал разразился хлопанием, свистом и веселыми криками.

– Я прошу вас. Я прошу вас с аплодисментами проявить уважение к команде города Сития и ее капитану. – тихо проговорил Софос, благодарно смотря на довольный народ.

– *Rendere omaggio al mentore Cannaregio – Grazie per i meravigliosi alunni, Yannis!* – Яннис встал, глядя на Тарроса с почтенным страхом.

– Он хвалит и благодарит учителя. – продолжал переводить Софос.

– *Festa aperta!*

– Объявляю пиршество открытым!

– *Repetio est mater studiorum!* – с этими словами командир поднял кубок под ликование присутствующих. Он отпил глоток и сел.

– Не понял, что он сболтнул. – скривил губы, как оказалось, одаренный Софос. Они сели.

– Это на латыни. Он сказал: «Итак, будем веселиться». Это классическое выражение. – поведала Эрис. – Вот видите, каково это, работать в команде? Софос у нас знает их язык. А я думала, ты только венецианские ругательства успел выучить. – она улыбнулась.

– Стараюсь, стараюсь. Я постоянно в порту – грузу и выгружаю. Мне интересно общаться. Я не стесняюсь спрашивать. – ответил Софос.

– Молодец, брат! – похвалила Эрис.

Заиграла тихая музыка и все принялись за угощение. Ребята, как и требовала от них Эрис, принимали пищу сдержанно. Кроме Ахиллеса. Он не следил за собой, чем вызвал в ней отвращение. Сама Эрис до сих пор испытывала неловкость и сидела, опустив голову, ковыряясь прибором в тарелке с легким салатом. Эта противная привычка – стесняться есть в обществе, с детства и до сегодняшнего дня не покинула её. Все, что она могла себе позволить – попить прохладной воды.

Эрис смотрела на гостей. При свете факелов и свечей их глаза и губы блестели от поглощения яств. Стол был уставлен рыбой, всевозможными изощренно приготовленными морскими дарами, овощами и фруктами, пикантными салатами. Мужчины, ведя разговоры, наливали на выпивку. Упитанные женщины развязно пожирали блюда, обильно запивая вином. С каждой секундой напряжение Эрис нарастало. Она испытывала на себе неприличные взгляды. Кто все эти люди и что она тут делает? Это была ее мысль. Но тут также были и молоденькие девушки, игриво поглядывающие на ее команду. Хоть это немного разбавляло напыщенность сей репоции.

Эрис старалась не смотреть в сторону командира. Но противные глаза тянуло, как магнитом. Сколько она не пыталась отвлечься на окружающую обстановку, ни о чём другом и думать не могла.

Наконец она решилась и робко взглянула. Таррос сидел не очень далеко от нее самой на своём месте. Он сидел прямо, немного раскинувшись, что ничуть не умаляло его достойного вида. Скорее, он имел гордый и импозантный вид, нежели это были просто претенциозность и кичливость. Его уверенные движения были непринужденные, естественные, тогда как большинство окружающих создавали только ореол непосредственности и благовоспитанности. Он молча, сдержанно, но сконцентрированно и без кропотливой суеты вкушал пищу, особо не наслаждаясь вкусом. Его невозмутимость по отношению к тому, что связано с болью, голодом, лишениями, неудобствами изумляло ее. Видимо, военный образ жизни воспитывает тело и дух в равной степени, укрепляя терпение к земным испытаниям и искушениям.

Алессандро наоборот, трапезничал вольно, испытывая блаженство от каждого тщательно пережевываемого им кусочка и отвлекаясь на эмоциональные монологи.

Она неосознанно засмотрелась на Тарроса – его внешность, общий вид, телодвижения завлекли её. Командир глотнул последние капли своего питья и резко посмотрел в сторону Эрис, словно умышленно желая поймать на себе ее взгляд. Она вздрогнула и отвернулась, прикрыв лицо рукой.

– Сестра, ешь. Ты даже не притронулась к еде! – уговаривал ее добрый Георгиус. Остальные парни весело беседовали, то и дело поглядывая на улыбающихся им сеньорин.

– Я не голодна, спасибо, братец. – отрезала Эрис. Стыд накрыл ее с головой. Она даже вспотела. Ей захотелось побыстрее сбежать отсюда. Улизнуть незамеченной. Но Таррос, все время просто ждавший только знака с ее стороны, уже не сводил с нее глаз, как хищник, впиваясь ими в Эрис.

Тогда она, не потерпев такой нескромности, демонстративно встала и, стремительно продвигаясь за спинами сидящих, вышла прочь из зала.

– Что это с ней? – спросил Никон у Азариуса, но тот лишь пожал плечами.

Таррос отнюдь не был удивлен её вызывающей выходке. Он успел понять, что она далеко не простушка и не терпит фривольностей. Но обстановка и дурная мальвазия придала ему такой смелости. Он понял, что своим поведением обидел её. Алессандро продолжал непринужденно трепаться языком, капая командиру на мозги, буквально приводя его в состояние озлобленного возбуждения. Хотя бедняга всего лишь хотел развлечь вечно нервного лучшего друга.

– Таррос, ты видел? Птичке наскучило находиться в курятнике. – ухмыльнулся он.

– Я тебе говорил, чтобы ты не смел всячески комментировать Эрис. – грубо напомнил командир.

– Ты просишь невозможного. Ты же знаешь, что это не я обуздываю свой язык, а он седлает меня. – он сделал грустный вид. – И, к тому же, ты такой неразговорчивый, я просто иногда озвучиваю твои мысли. Да! – он откинулся на спинку стула, довольный собой.

– Я позволил себе лишнего. Вот она и ушла. – с грустью в голосе поделился Таррос, нахмутив брови и отведя взгляд.

– Глупости. Я видел, как эта девчонка пялилась на тебя. Не хуже твоего! Если я и принимал пищу, это не значит, что я не наблюдал.

– Ты что, действительно полагаешь, что она что-то питает ко мне? – с надеждой спросил Таррос.

– Ха! Ты смешон. Впал в ребячество... Нет, ну правда! Я обещал тебе оставить часть сегодняшних событий на потом. Считаю, что это будет твоим десертом. – он загадочно улыбнулся.

– Не томи. Что ты можешь сказать мне нового, отчего мне станет сладко? Что наконец-то понял, какой ты болван? – он поднял свои брови с усмешкой в уголках губ.

– Какой же ты всё-таки грубиян. Тебя даже могила не исправит. – сокрушился Алессандро.

– Ладно тебе, прости, брат. Ты иногда чертовски раздражаешь меня.

– А ты полагаешь, что предо мной сидит ангел во плоти? Мужлан и обормот, грубый и неотесанный, так и не научившийся держать себя в руках, застрявший в своей буйной юности. Хамло в джуббоне. Ты раздражаешь даже самого себя.

– Это все? – спросил Таррос.

– Да, пожалуй. – Алессандро улыбнулся.

– Говори, что видел? – командир весь напрягся, желая услышать что-либо, связанное с Эрис.

– Ладно. – он приблизил свой стул к стулу Тарроса. – Знаешь, твоя потная тушка была такой жалкой сегодня.

– Ты что, совсем идиот?! – удивляясь, спросил командир.

– Слушай молча! Эта милая сострадательная девочка сидела около тебя и не брезговала обтирать твой вонючий пот и кровавые слюни. – он засмеялся.

– Откуда тебе знать? – с недоверием спросил он.

– Лекарь сказал. Ещё он сказал, что девушка интересовалась о серьезности твоей травмы и о том, будешь ли ты жить.

– Это ни о чём не говорит. Возможно, она просто чувствовала вину.

– Нет, в твои-то годы и не понимать такое... – он с укором мотал головой из стороны в сторону. – Я подошел с Каллистой, Джузеппе, Лючией.

– Я не пойму, зачем дочь Бартоломео вообще появилась там. – с отвращением сказал Таррос.

– Да! Зачем незамужней сеньоре подходить к бедному поверженному герою? Совсем не ясно...

– Не мели лишнего.

Таррос нахмурился. Он даже глядеть не желал на Лючию, пестревшую и переливающуюся роскошью, кутавшей ее распутное тело, однажды уже испробованное им. А она только и ждала, когда же наконец Таррос обратит на нее внимание.

– Ну так вот. Каллиста, моя милая Каллиста не удержалась от сентиментальностей. Она, плача, взяла твою руку. И, если бы ты видел, какую печаль я уловил в глазах Эрис, которые смотрели то на Джузеппе, то на его мать.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Я предполагаю, она подумала, что ты женат.

– Да? Вот уморил... – Таррос умеренно засмеялся.

– Да-да. Но это еще не все.

– Не тяни. Если бы ты был судьей, твои обвиняемые умирали бы еще до оглашения приговора.

– Но я же не судья. – медленно выговорил он. – Да и ты не обвиняемый...

– Алессандро! – перебил он его.

– Потом мы познакомились и Эрис просто расцвела, узнав, кем мы являемся тебе на самом деле.

– Так уж и обрадовалась?

– Да. Уверяю.

– И всё? – спросил командир.

– Лючия... Эрис такая обходительная девушка – даже занимаясь нашим суровым делом, требующим несгибаемости и крепкого словца, еще и умудряется быть крайне вежливой. – продолжил Алессандро.

– К чему это ты?

– Она улыбнулась Лючии, когда я и Каллиста познакомились с Эрис. Но высокомерная дочь camerlenghi *один из 2, а затем 4 казначеев, управл. экономикой Крита (венец. средневек.)* пренебрегла ею.

– И что дальше? – его синие глаза заблестели еще сильнее.

– Эрис наградила ее мужским взглядом. Будто б мысленно воткнула свой клинок ей в живот. Я сам видел, было очень интересно! Трусливая Лючия только отвела глаза. Но Эрис – просто огонь! – эта фраза не понравилась Тарросу. – Засобиравшаяся уходить, она резко передумала назло Лючии, нахально усевшись у твоей бедовой головы. Я чуть было не рассмеялся. Это надо было видеть. Это была немая битва.

– Серьезно? Как считаешь, что двигало Эрис? – взволнованно спросил Таррос.

– Он еще спрашивает. Ревность, конечно. Она приревновала тебя. – заключил Алессандро.

Командир улыбнулся.

– Я должен идти. Мне надо извиниться перед ней. – Таррос с грохотом вскочил.

– Ты что? Имей гордость! – воскликнул Алессандро ему вслед, но друг уже не слышал его, выскользнув в коридор на глазах у взбесившейся Лючии.

Глава тринадцатая

Эрис, выйдя из зала, сразу почувствовала, как тяжелая густая атмосфера пиршественной комнаты спала с её плеч и осталась за спиной. Она направилась в главный коридор к выходу из катакомб.

Эрис вышла на площадку. Стражники занимали свои посты. Лунный свет рассеивался по всей округе, даря сияющее вдохновение. Наконец-то свежий воздух! Она шла вперед, и влага, навеянная с моря, усеивала её кожу мириадами невидимых брызг, принося ощущение прохладной свежести.

“Пойду – ка я на маяк!” – решила она.

Эрис шла бесшумно и быстро. Дойдя до входной арки, выложенной камнями, она встретилась с преградившим путь дежурным солдатом.

– Стой! Сюда посторонним не положено! – сказал он, преграждая путь и сохраняя строгость.

– Я ненадолго! – грубо и серьезно ответила она. – Я только посмотреть.

– У меня есть строгий приказ. – ответил он неумолимо.

Эрис отчаялась. А ведь ей так мечталось с самого первого дня посмотреть на окружающие виды с этой прелестной вышки! Но она не сдалась. Быстро взяв себя в руки, Эрис оценила ситуацию и ей в голову пришла противная её устоям, идея. Она решила в первый и последний раз в жизни применить самое разрушающее оружие, данное ей Богом – её женственную красоту. Она, смущенно улыбаясь, посмотрела на стражника из-под своих угольных длинных ресниц, почтительно говоря:

– Сегноре. Я понимаю, что такой честный и бравый солдат, как Вы, не может нарушить приказ.

– Уходите, сеньорита! – его голос зазвучал напугано. Эрис это страшно забавило и придало уверенности в правильности своих действий.

– Сегноре. Я не вправе настаивать, но если бы Вы мне разрешили пройти, я бы посчитала Вас настоящим рыцарем, уважившим слабую сеньориту... – она сделала грустный и беззащитный вид.

– Сеньорита. Прошу Вас, не просите меня, если я нарушу приказ, меня подвергнут наказанию... – промолвил смущенный дежурный уже почтительным, понимающим тоном.

– Но разве кто-нибудь узнает об этом? – она глядела на его покрасневшее лицо так невинно. – Разве я кому-нибудь помешаю, забравшись и посмотрев оттуда пару минут? Вы очень упрямый. – сказала она, обиженно надув губки.

– Хорошо, прекрасная сеньорита. – снисходительно и взволнованно промолвил солдат, открывая ей путь. – Только сохраните это в тайне.

– Я очень благодарна Вам, храбрый рыцарь. Я никогда не забуду Ваш смелый поступок. – благодарно и торжественно объявила улыбающаяся Эрис, проходя на лестницу. Вспотевший солдат расплылся в глупой улыбке, стоя на посту.

– Фу... Вот гадость! – уже взбираясь по крутой, узкой, закрученной лестнице ругалась Эрис.

Её нутро отвратительно выворачивало от сказанных ею слов, и ей захотелось смыть с себя водой восторженный взгляд того дежурного. Она поклялась себе впредь больше никогда в жизни не прибегать к такому беспощадному и беспроигрышному способу шантажа.

Забираясь все выше, Эрис посещало нетерпение. Холодный воздух, сквозя сверху, приятно дул в лицо. Еще пару ступенек...

Наконец Эрис забралась на смотровую площадку. Здесь было еще величественней, чем она себе представляла. Она приблизилась к лоджиям.

Ах! Какая красота! Это сине-фиолетовое небо, пронизанное миллионами белых сияющих звёзд. Казалось, что это оно кое-где пробивается сквозь серебряное светящееся полотно. Черное море рябило бликами от огромной луны, нависшей над горизонтом. Необъятная Вселенная топила её тело. Она метнулась в противоположную сторону, где виднелся остров. Вдалеке вырисовывались силуэты гор, лесов, равнин, поселений. Немногочисленные огни горели маленькими оранжевыми бликами, собранными в пучки. В крошечных домиках тусклыми точками светились окна.

– Господи, какое величие! – шептала она упоенно и ветер играл с её шелковыми волосами.

Командир шел по коридорам. Он спросил у постового, куда направилась девушка в белом наряде. Направляясь на улицу, он испытывал губительное волнение. Его дыхание спирало. То и дело поправляя одежду и причёску, он ощущал неуверенность в себе. Ему было непонятно – если даже он и заинтересовал эту невинную лихую красавицу, то чем? И тогда до него стало доходить, каким же иногда скверным бывает его характер. Это ведь именно он отравил коня незлопамятной девушки. И по его вине могли бы погибнуть на играх и беспризорник, и сама Эрис. И вечная вспыльчивость, и еще много-много низменных людских грехов, совершаемых им регулярно и без зазрения совести начали всплывать в его голове. Он даже чуть было не развернулся обратно. Но взгляд горящих глаз Эрис, пойманный на себе, придавал ему уверенности.

Когда командир проходил мимо постовых, они млели от почтенного страха. Его все уважали и боялись, зная горячую натуру, заводящуюся без конкретной причины. И знали, к каким последствиям порою приводит его необузданный гнев. Он спросил солдата, и тот указал на маяк.

Таррос направился к нему. Дежурный, разглядев в полумраке силуэт Тарроса, начал молиться, чтоб того пронесло мимо. Но командир приближался своей уверенной походкой.

– Солдат!

Постовой выпрямился, как положено поприветствовав своего гарнизонного Castellani **управляющий Крепостью (венец. средневек.)**.

– Ты видел кого-нибудь? И не вздумай врать, а то лишу головы! – выкрикнул Таррос своим срывающимся в гнев голосом.

– Да, командир. – ответил солдат, чувствуя, что дела его плохи. – Пощадите, командир! Я не хотел нарушать приказ. Сеньорита была крайне настойчива, просясь наверх. Она не источала угрозы! – взмолился он.

– Все ясно. На войне проигрывают из-за таких слабаков, как ты. – сказал Таррос, входя в проход. – С тобой я поговорю позже. – на удивление солдата, спешно сказал он.

Эрис стояла и любовалась, выбрав место на пересечении моря и острова. Она забылась, мечтательно озираясь. Даже холодный сквозняк не мешал ей. Эрис невольно улыбалась и ее глаза сияли, отражая небесные светила.

– Эрис. – позвал Таррос как можно более спокойней и тише, не желая напугать её.

Она вздрогнула так сильно, что чуть было не свалилась за барьер.

– Осторожно! Я не хотел тебя напугать, прости. – сказал он, осторожно приближаясь.

– Вы не напугали меня. – уверенно ответила Эрис, глуша дрожь в холодных руках и голосе.

– Тебе стало скучно? – спросил Таррос, встав рядом, по левую сторону от нее.

– Нет, спасибо. Мне было весело. Вы очень заботливый хозяин. – поблагодарила она.

– Спасибо, Эрис. – ответил он, не зная, как продолжить разговор.

– Здесь открывается замечательный вид. Я не удержалась, простите. – сказала Эрис виновато. – Не наказывайте бедного солдата из-за меня. – попросила она, посмотрев на Тарроса чистым искренним взглядом, перед которым он не смог устоять.

– Хорошо, раз ты просишь. – он покачал головой, опуская глаза.

– Вы очень снисходительны. – она замолчала.

– Как тебе у нас, понравилось? – спросил он.

– Да. Прекрасное место. Здесь очень красиво. – улыбаясь, она перевела взгляд на неоглядный небосклон. Командир, уже давно переставший чувствовать единение с природой, зажегся её видением. Он смотрел на окружающее великолепие и в нем начали пробуждаться забытые ощущения. Прохлада моря дарила свежесть. – Смотрите, какое небо! – восторженно сказала Эрис, посмотрев на него. Таррос, подняв голову и глядя на бесчисленные звезды, невольно улыбнулся. Эрис была довольна собой. Она чувствовала этого человека, знала, что его созерцание было притуплено в силу жизненных обстоятельств. И сейчас создавалось впечатление, что он оживает. Эрис, незаметно от Тарроса, любовалась им. Она не могла оторвать взор. Его мужественные грубые черты притягивали её. Таррос почувствовал пристальный взгляд. Он краем глаз наблюдал за ней. Эти невинные очи, так старательно прячущие свой восторг, всё же выдавали себя. Он посмотрел на Эрис, и она отвернулась, создав непринужденный вид. Засмотревшись с минуту, она спросила:

– А что там? – в своей детской любознательности Эрис тыкала пальчиком в блистающую россыпь маленьких далеких огоньков.

– Это, – Таррос смотрел на Эрис. Боже, какая святая наивность на ее юном личике! Эти черные, утонченно нарисованные брови сейчас выражали доброжелательность и любопытство, голос ее в эти минуты был переливающимся, как у весенней птички. – Огни рыночной охраны. – так просто и невозмутимо отвечал он.

– А... Понятно. А там? – ее тонкий пальчик был такой же невесомый, как и этот ночной воздух. Смотря на них, ему даже не верилось, как такие мраморные изящные ручки с чувственными длинными пальцами справляются с тяжелым оружием.

– Там ипподром. Там растят лошадей и готовят скакунов для скачек. Это прибыльно – венецианская элита и здесь тоже любит зрелища. – утолял ее любопытство Таррос.

– Ясно, спасибо... Мне надо возвращаться, ребята начнут искать меня. Как они там, я волнуюсь и боюсь, как бы они не натворили дел. – внезапно она приобрела озабоченный вид. И всё? Ему так хотелось побыть с ней наедине еще немного, узнать Эрис поближе.

– Да, конечно. Пойдём. – поддержал Таррос, скрепя сердце.

Он галантно пропустил Эрис вперед и они принялись спускаться по круглой узкой лестнице-спирали.

Было темновато, и Эрис, с непривычки носить такие утонченные наряды, наступила на подол. Она держалась, как могла, но все же, без курьезов не получилось. Еще мгновение, и девушка бы покатила вниз.

– Осторожно, Эрис! – Таррос, словно будучи готовым, схватил ее за локоть своей стальной рукой.

– Простите, командир... – смутилась она, и ее лицо вспыхнуло краской. Ее спасла темнота. Она почувствовала живой дух и аромат, исходящий от него.

– Ничего, аккуратней, здесь легко упасть и ушибиться. – спокойно ответил Таррос, отпустив Эрис. Он сжал кулак, словно желая сохранить в нем ощущение от ее тепла и нежности.

Эрис, желая сгладить свою неуклюжесть, почти бесшумно поскакала по мрачным ступенькам сильными тонкими ногами, подобно легкой горной козочке. Таррос еле успевал за ней.

Преодолев лабиринт, она спрыгнула с трех последних ступенек за раз, молниеносно выскользая из прохода.

Дежурный стоял, всё еще переживая за проступок. Эрис заметила отчаяние на его бородачом лице.

– Командир. – сочувствующе, с умоляющим выражением обратилась Эрис к Тарросу, взглядом указывая на несчастного.

– Солдат. Ты прощен. – снисходительно улыбнувшись сказал Таррос, проходя мимо него. Бедняга молча кивнул, благодарно глядя им вслед.

Они шли медленно, словно нарочно затягивая эти минуты. Он ощущал нежное благоухание, исходящее от нее. Но Таррос не хотел больше обидеть юную Эрис своим несдержанным поведением и в душе поклялся впредь вести себя с ней достойно. Только никаких слов о прощении он подобрать не мог.

Жаль, но они, миновав свежую площадку, все-таки вошли внутрь крепости. Гуща людей, снующих по коридору, открылись их взору. Гул голосов и смеха заливало уши. Запах еды и смешавшихся благоволий тошно насыщал воздух.

– Эрис, ты так печешься о юниорах. – рассуждал Таррос, осторожно глядя на мастерски скрывающую разгоряченность Эрис, шедшую широкими спокойными шагами.

– Они мне, как братишки. С некоторыми я знакома с раннего детства. – отвечала она.

– Они уважают тебя.

– Да. Но иногда один единственный человек может испортить настроение. – она увидела шатающегося Ахиллеса, входящего в уборную. Он, увидев их вместе, приобрел озабоченно-раздосадованный вид.

– *Viberius *алкаш(лат).* * – тихо сказал Таррос, увидя его.

– Мы должны работать командой, исполняя волю лидера. Дополнять друг друга. – продолжала говорить Эрис, не обращая на юношу внимания.

– *Bonus dux bonum riddet militem.* **У хорошего военачальника хорошие войны.* (Лат. Пословица)* – пробормотал Таррос себе под нос.

– Вот именно. – уверенно и не задумываясь согласилась Эрис, стремительно продвигаясь вперед. Он посмотрел на неё, удивленно подняв брови:

– Ты что, поняла, что я сказал?

– Это точно про Вас. Как только я вошла сюда, сразу почувствовала здешний дух. И воины – они хорошо о Вас отзываются.

– Ты не ответила на вопрос.

– Латынь? Я много читаю. У нас нет системы образования, наш город растит батраков. Но у меня дома много рукописей и свитков. Богатая библиотека деда взрастила меня. – нехотя, ответила Эрис.

– Я удивлен. – улыбнулся он, открыв для себя её новую черту.

– У нас человек – не хозяин своей жизни и ничтожного имущества. Я считаю, что мне повезло. – продолжала она.

– А я считаю, что повезло мне. – он улыбался и посмотрел на неё. Она поняла смысл сказанного им.

Из залы доносилась музыка. Они вошли. Люди успели начать танцевать. Звучали смешанные критские и венецианские инструменты: лауто, багламас, цимбала-сантури, бузуки, цабуна, дэфи-дэрэсы, скрипки и гитары. Все это приправлялось критской лирой. Она – самый популярный инструмент на Крите, или в Кандии. Струнный инструмент, напоминающий скрипку, состоит из трех струн. Мужчины играли на ней в вертикальном положении. Но иногда музыканты клали ее на колено; а если стоя, то ставили одну ногу на стул и держали инструмент на бедре.

Все эти необычные специфические, довольно-таки монотонно-однообразные, но невероятно заводные звуки, тянули за собой. Видимо, колонизаторам уже давно пришлось по душе здешняя особенная музыкальная культура.

Знатоки своего дела играли слаженно и задорно. Эрис смотрела, как они управляются с инструментами. Критяне необычным способом прикасались к струнам лиры. Вместо того, чтобы надавливать на струны подушечками пальцами, как это делали гитаристы и скрипачи венецианцев, они надавливали на струны ногтями с внутренней стороны. Одновременно с

лирой также играли на одном или двух критских лауто, на одном из которых играла мелодия, а на другом отбивался ритм.

Музыканты затихли. Они готовились через пару минут начать новую зажигательную мелодию. Эрис увидела, как её ребята встали с мест, явно пожелав станцевать под звонкий мотив. Никон махал рукой Эрис, зазывая её. Она состроив гримасу, пожалла плечами, хватаясь пальцами за подол – мол, платье мешает. Но он нахмурился и приказал парням садиться. Таррос наблюдал с улыбкой на устах.

– Твои хотят танцевать со своей командиршей.

– Это платье – оно мне непременно помешает. Вы что, хотите, чтобы я растянулась тут, опозоренная? – они засмеялись. – К тому же, не хочу на людях быть единственной девушкой в хороводе...

– Каллисту позови. Она умеет кое-что. Ее еще мама учила. – он будто бы взгрустнул.

– Только если Вы настаите. – твердо сказала она, желая поднять его быстро ускользящее настроение.

– Ты начинай, я поддержу. – ответил Таррос.

Дали музыку. Венецианцы сегодня явно уступили критостовцам. Сеньориты, наверное, не умели танцевать местный сиртос. Эрис подошла к встающим ребятам. Никон был водящий. Эрис нарочно встала третьей, после Атрея. Она подумала, может быть Таррос захочет присоединиться, и тогда он станет ее напарником.

Солист певуче декламировал мантинады. На ногах парней были надеты свободные кальционы и черные кожаные сапоги до колен – мягкие, в них они выступали на играх. Танцоры Ситии взялись за плечи друг друга. Эрис позвала жестом Каллисту, и та, спрося Алессандро, радостно присоединилась, став четырнадцатой. Никон завел строй. Они начали перебирать ногами – мелкими бесшумными перекрестными шагами, вперед, вправо, назад влево. Чувствовалось братство и единство. Они словно медленно входили в транс. Постепенно темп нарастал, и ритм становился все быстрее. Таррос наблюдал за ними стоя, образовав с гостями огромный полукруг. Сзади Каннареджо расположились музыканты. Никон начал своё жгучее соло. Его ноги – длинные и проворные, чеканили дикий ритм, причем руки не разрывались с Атреем. Все смотрели на него с восторгом. Даже напыщенные верхушки колонизаторов не могли скрывать искры в глазах. В конце он кидал ноги высоко вправо так, что казалось, летит над землей. Он оторвался от Атрея и красиво ушел в конец строя. Настала очередь Атрея. Танцоры все еще в едином темпе продолжали монотонные ритмичные движения ногами. Атрей отпустил Эрис и пройдя в середину, сделал умопомрачительные прыжки, умудряясь бить свои ступни ладонями со спины. Смотря на эти кульбиты, молодые сеньорины ахнули.

Настала очередь Эрис. Ее смущала столь серьезная публика. Танцевать она любила, только в Ситии Эрис почти никуда не ходила, как ходят остальные девушки. Но прекрасное состояние натренированного тела дало преимущества – ребята частенько танцевали в части, ведь танец издревле является обязательной подготовкой бесшумного шага война.

Она чеканила шаги, убыстряя их. Затем начала отрывать ноги все выше и выше. Ее лицо не улыбалось, а глаза горели огнем. Подол платья пришлось немного приподнять, заправив припуск на талии за пояс. Но Эрис двигалась так проворно, быстро и легко, что никто не мог разглядеть белизны её ног. К тому же, она тоже одела штаны на завязках у щиколоток, невзирая на то, что флорентийское платье из азиатских тканей и критские женские панталоны еще никто не одевал вместе. Она отпустила плечо Софоса. Эрис не любила блистать женственностью. Она, высоко подпрыгивая в конце строя, виртуозно импровизировала. Её танец дышал воинственностью. И легкий наряд стал её помощником, красиво струясь по телу. Люди заворожено смотрели на то, как Эрис в грациозных прыжках умудрялась оборачиваться вокруг своей оси. Тем не менее, девичья красота ее сверкала невинностью и невесомостью. Таррос позабыл себя, утонув в её невозмутимом мелькающем лице, по которому хлестали сильные локоны. Ему

казалось, что в этом зале есть только она и её страстные, ловкие движения. Словно этого было мало, Эрис незаметно вытащила свой клинок и четко метнула в пол посреди залы. Был ли это случай, но Таррос стоял совсем рядом. Народ ахнул. Сеньориты изумленно переглядывались – им понравилась смелость девушки. Эрис, продолжая дивные движения, постепенно замедляла ход. И, лихо прыгая, беззвучно дочеканив до клинка, пройдя немного мимо него, пластичным и выразительным движением назад, прогнувшись через себя, резко вытащила оружие, поместив в ножны. Эрис, вставая в конец строя, приукрасила неповторимый танец очередными быстрыми поворотами, и её ноги касались пола только тогда, когда лицо было обращено на зрителей. Все это время шквал возгласов восторгавшейся ею толпы разрывал воздух.

Таррос не мог оторвать от нее глаз. Он был под впечатлением от танца и стального загадочного взгляда девушки, который все же иногда стрелял только в его глаза. Он резко присоединился к ним, улыбнувшись Софосу, который только собирался солировать. Настала очередь Тарроса. И вот, такой бравый командир, оказывается, ничем не уступает, и даже превосходит Никона и Атрея. Продолжив в том же духе, что и они, Таррос лихо отплясывал, бесшумно разрезая воздух проворными ногами. Его легковесной стати и прямой осанке могли бы позавидовать зеленые юнцы. Он прошел к центру. Таррос прекрасно и молниеносно скользил, подобно тому, как солируют в наше время одинокие танцоры страстного зейбекико. Эрис, двигаясь в такт братии, любовалась его хищными движениями. Наконец, он подошел и взял её предплечье, как и полагалось. Дыхание обоих спирало от разрывающего грудь волнения... Но эти волшебные минуты обладали настоящей магией...

...Каллиста последней закончила свой нежный женственный выход. И теперь они все вместе начали хороводить. Они отпустили предплечья и взялись за руки – парни звали сеньорит, и, начиная новый строй, не останавливаясь, разделились на пары. Сан марковцы, смеясь, подтянулись в колонну с девушками. Музыка в очередной раз поменялась. Теперь это снова были быстрые звуки. Начиналось всё с благородного каламтьяноса, в котором присутствовало вкрапление итальянского сальтарелло – общественное грандиозное объединение выродилось в критский парный сушта, скрестившись с венецианским баллосом.

Лючия наблюдала это действие с ненавистью, и вот, к их хороводу молодых пар присоединились парочки знатных людей. Пришедший Ахиллес же воспылал гневом, увидев, что Таррос и Эрис танцуют в паре, державшись за руки. В сердцах он снова выскочил из залы. Антонио вместе с очаровательной сеньоритой, дочерью какого-то вельможи, двигался прекрасно, кружась и меняясь с другими дуэтами местами, но глупец всё время бросал печальные взгляды на командира и капитаншу Каннареджо, которым абсолютно не было дела до окружающих их людей. В эти счастливые неповторимые мгновенья они оба находились в упоенном самозабвении, двигаясь в такт пробуждающей чувства народной музыке, в которой переплетались история, радости и горести, любовь и плач сильного народа порабощенного острова Крит.

Эрис не позволяла себе раскрепощенно улыбаться. Она лишь одобрительно приподнимала уголки влажных разгоряченных губ, и её доброжелательное выражение лица со скромным кротким взором ведало пронизательному Тарросу о положительном расположении. Он же держал себя статно и благородно, проявляя восхищение и радость в сдержанной мимике, и глаза его обходительно и нежно смотрели на юную Эрис. Когда повороты и кружения заканчивались, их ладони соприкасались, создавая невидимую нерушимую связь.

Может быть, для кого-то этот танец был просто веселым времяпровождением, скрашивающим вечер, но для этой пары это имело сакральный, глубокий смысл – ведь то, чего не можешь рассказать, можешь показать жестами глаз, языком тела, и только музыка способна подтолкнуть человеческую душу на постыдные в обыденности, в другой обстановке смелые откровения. К тому же, станцевавшие сиртос бок о бок в строю, становятся неразделимым целым, связь которых сохраняется и после...

Лючия, кружась с партнером мимо летящих командира и Эрис, сильно толкнула её в спину локтем. Эрис не могла ответить тем же подлым способом, да и возможности в густо кишачей зале просто не было. Таррос почувствовал толчок, и заметил выражение негодования на лице девушки. Он успокаивающе улыбнулся, сжимая её ладонь, и Эрис отпустила гнев. Но вот опять, проходя мимо них и весело топая ногами, осмелевшая Лючия больно наступила на ногу капитанше. Эрис, недолго думая, воскликнула:

– Неуклюжая корова, тебе бы только в стойле переминаясь!

– Сколько собаку не мой и не наряжай, она так и останется собакой! – высокомерно ликуя, громко крикнула удаляющаяся Лючия. Таррос был разозлен подобной выходкой. Он отыскал глазами отца Лючии – тот довольно улыбался, всем своим видом поддерживая дочь.

Эрис резко остановилась.

– Не обращай внимания. – уважительно попросил Таррос.

– Что? Вы на чьей стороне?! – вызывающе задрал подбородок, спросила раздосадованная Эрис. – Я не терплю подобного отношения и никогда ничего не оставляю на потом.

Таррос отступил.

– Больше никогда не говори мне, что я не на твоей стороне. – его взгляд горел, а лицо стало серьезным. – Что бы ни случилось, я буду с тобой. – закончил он. Они стояли с полминуты так, просто смотря друг на друга... В это время разозленная Лючия пролетает мимо, и снова намеревается толкнуть Эрис, но та успевает схватить ее за локоть и резко потянуть своей сильной рукой. Лючия, привыкшая пользоваться авторитетом отца, зная, что ей все всегда сходит с рук, не ожидала такой смелости от критской девчонки.

– Тебе что, вино в голову ударило?! – заносчиво завопила та. Народ остановился. Музыканты тоже.

– Я, в отличие от тебя, не пью. Зато на твоём несвежем лице отпечатались вся грязь твоего образа жизни. – спокойно и четко ответила Эрис.

– Как ты смеешь, нищенка! – она вознесла руку, и Эрис крепко схватила ее за запястье, отчего та вскрикнула.

Никон и парни облепили их. Отец Лючии с друзьями устремились к ним. Зеваки раскрыли рты. Антонио и сан марковцы изумленно смотрели, что же будет дальше.

– Сенека старший, кто знает такого? – громко спросила Эрис у толпы и не сводя грозных глаз с Лючии. Алессандро крикнул:

– Я! Я знаю!

– Он, – невозмутимо продолжила она, – сказал: “Золотая узда не делает клячу рысаком”. Сделай выводы от слов римского мудреца, сказанного в адрес таких дур в побрякушках, как ты. – Эрис, отпуская сторбившуюся от боли Лючию, оттолкнула её. Алессандро не мог остановиться от смеха. Его хохот был слишком заразителен, и вот по зале пронёсся гул. Таррос был удивлен и доволен от умения Эрис держаться с достоинством при людях.

– Кто ты такая, чтобы так разговаривать с моей дочерью! – взревел вельможа. Этот человек был камерленджем. Таррос вышел вперед и хотел начать отвечать, но Эрис не позволила своим властным взглядом.

– Она ведет себя недостойно сеньориты. *Extra splendor, intra squalor.* *сверху – блеск, внутри – убожество (лат. погов.)* – сказала твердо Эрис.

Алессандро вновь рассмеялся, отчего Бартоломео оглянувшись, окинул всех злым взглядом. В ответ Алессандро яростно выкатил свои черные глаза и выпал вперед, но Каллиста потянула его обратно.

– Отец, накажи эту малолетнюю выскочку! – закричала в истерике Лючия. Ее отец, обняв дочь, гневно провозгласил:

– Никто не посмеет так разговаривать с моей дочерью!

– Простите за мою резкость, этого можно было предвидеть, если бы Вы больше занимались её воспитанием, а не балованием. *Virtutem primam esse puta compescere linguam. *считай первым достоинством умение придержать язык. (лат. мудр.)** – Эрис наказывающим гневным взглядом посмотрела на Лючию. – *Ex lingua stulta incommoda multa. *Дурной язык – худший недостаток (лат. погов.)** Я специально разговариваю с вами не на нашем языке нищих, а на языке когда-то давно перенявших нашу культуру павших господ, забытых вами совсем недавно. Быть может, до ваших высокомерных голов с нашего низкого уровня и дойдёт. – улыбнулась она Бартоломео.

– Вы – никто. Наши дешевые рабы. – с отвращением говорил отец Лючии. Он хотел было продолжить, но Таррос прервал его.

– Не забываетесь! – командир больше не смог молчать. Его кровь бурлела от гнева. – Вы не у себя дома!

– Это Вы не забываетесь! – выкрикнул вельможа. – Вы – всего лишь военный, а власть в моих руках.

– Может ли что-нибудь власть без меча? – усмехнулся Таррос. – У Вас есть дорогое золото, а у меня – дешевая сталь, забирающая Ваш немощный металл. Вы так же глупы и пустоголовы, как и ваша дочь. – он обратился к Эрис, – Эрис, чему может научить свою глупую дочь невоспитанный отец, не знающих элементарных правил поведения в гостях? – глаза командира сверкали. Эрис потянула Тарроса, не желая продолжать препираться дальше.

– Не стоит из-за меня втягиваться в проблемы. – тихо попросила она командира.

– Я этого Вам просто так не оставлю! – пригрозил камерлендский командиру, но его угрозы никто не расслышал, ибо Таррос уже подал приказ музыкантам продолжать веселье. Народ отошёл от конфликта, продолжая то, на чём остановился. У Эрис испортилось настроение, но она прекрасно держалась.

– Не подарите ли Вы мне еще один, прощальный танец, лучезарная сеньорита? – спросил Таррос, мило улыбаясь.

– Спасибо. Я не собираюсь прощаться с Вами. – гордо ответила серьезная Эрис, кланяясь ему. – Я, пожалуй, сяду.

– Я провожу. – ответил Таррос, обрадованный её словами. Алессандро, налетевший на Тарроса, обнял его.

– *Non dimenticherò le loro espressioni facciali. Complimenti amico – hai trovato un nemico. E amico! *Я не забуду их выражения лиц! Поздравляю, друг – ты только что обрел врага. И нашел подругу! (итал.)** – сказал он эмоционально, глянув на Эрис. – *È una ragazza intelligente, anche troppo. Comincio a temere per te. Non dimenticare, i rapporti personali con loro sono severamente puniti dalla legge. *Она умная девушка, даже слишком. Я начинаю бояться за тебя. Не забывай, личные отношения с ними строго караются законом (итал.). **

– Не болтай много. – Таррос оттолкнул Алессандро.

– Прости, не буду мешать вам. Эрис, ты молодец! – улыбнулся ей Алессандро, но тут же был приструнен строгим взглядом Тарроса. К ним присоединились ребята.

– Эрис, тебе надо было сломать эту дуру. – сказал Никон.

– А что ты сказала? – спросил Георгиус.

– Сказала, что их язык – враг им.

– И всё? – разочарованно спросил Софос.

– А что еще надо было добавить? Или надо было опуститься как она, и начать драку? – возмутилась Эрис. – Тогда между мной и портовыми девками не было бы различий. – отрезала капитанша. – Спасибо, командир Таррос, дальше я сама. – сказала она, снисходительно улыбнувшись ему.

– Спасибо за прекрасные мгновенья, которые ты подарила мне. – сказал командир, поклонившись ей. Таррос удалился. Его забавлял характер Эрис – она была прямолинейна. Но эта

прямолинейность была направлена к тем вещам, которые заслужили такую строгость. Ребята смирились с благоговением Тарроса перед Эрис. Но комментировать что-либо боялись.

Вечер близился к концу. Люди начали уходить. Каннареджо попрощались с сан марковцами. Эрис попрощалась с Каллистой.

– Я благодарю Вас. – сказала она Каллисте.

– Не стоит. Я ничего не сделала. – отнекивалась та.

– Я оставлю всё в наилучшем виде. – Эрис быстро сняла кулон и отдала Каллисте.

– Ты такая торопливая! – засмеялась женщина.

– Не люблю, когда за мной остается долг.

– Не говори ерунды. Ты – замечательная девушка, Эрис.

– Вы тоже. Поцелуйте за меня милого Джузеппе. – попросила она.

– Конечно. Он точно будет скучать. После того, как я ушла, сынок говорил о тебе. Он пока знает мало слов, но наш веселый папа научил его слову «сеньорита». – Каллиста рассмеялась.

– Вы – очень добрая семья. – сказала Эрис. – Может, я больше никогда не увижу Вас, но точно не забуду. – растроганно произнесла Эрис.

– Что-то мне чувствуется, что мы с тобой будем видеться часто. – она загадочно улыбнулась. Эрис покраснела.

– Эрис! – это был Яннис. Каллиста ушла. – Дочка, ты молодец. Будь у меня хоть капля твоей смелости, я не совершил бы столько ошибок в молодости. – грустно сказал учитель. Эрис промолчала.

– Учитель Яннис! – это был командир. – У меня предложение. Я хочу оставить ваших ребят у себя. – Парни начали обрадованно перешептываться.

– Я не могу противостоять Вам. – ответил Яннис.

– Командир, – это была Эрис.

– Слушаю. – почтенно ответил он.

– Мы – единственные в округе, которые способны на что-либо. Мы должны продолжать развиваться сами и обучать других у себя. Чтобы среди ополчения нашей армии были хорошие воины. – уверенно сказала она.

– Ты права. – ответил Таррос.

– У Вас уже есть прекрасные ученики и им есть, к чему стремиться. Лучше Вы приезжайте к нам и модернизируйте наш гарнизон, который сейчас переживает упадок. Увидите всё своими глазами – это весьма плачевное зрелище. – предложила Эрис.

– Замечательная идея. У меня как раз дела в том районе. – возликовал Таррос. Только при этих словах Яннис сделался немного напуганным. – Я, в ближайшем будущем, посету вас. Вместе мы приведем всё в порядок. – уверил Таррос. Ребята переглянулись.

– Разрешите нам удалиться? Завтра нам предстоит дорога. – сказала Эрис.

– Конечно. – почтенно ответил командир.

Они уходили и он смотрел им вслед, пока их мощная свора не завернула в проход.

– Друг, только не расплачься. – пошутил чуткий Алессандро.

– Давай хоть сейчас обойдемся без твоих комментариев. – тихо ответил он.

Ребята, придя к себе, обнаружили пьяного спящего Ахиллеса.

– Как он меня бесит! – с отвращением сказал Никон, снимая с него и аккуратно вешая одежды сан марковцев.

– Соберите все наилучшим образом. – скомандовал Аргос, наблюдая за тем, как парни исполняют своё обещание.

В это время Эрис, вспоминая день, в котором произошло столько событий, сколько она не испытала за всю свою жизнь, красиво складывала и упаковывала платье и всё, что было получено от Каллисты, в первозданном виде.

Глава четырнадцатая

Наступило прощальное утро. Старшина всех вызвал в столовую.

Эрис заплела высокую, вплетенную от макушки до затылка, косу и оделась в свои обычные одежды: две туники, длиной опускающиеся до колен – одна коричневая с коротким рукавом поверх другой, темно-бордовой; в свободные черные шаровары и узкие кожаные, мягкие и высокие сапоги – сандалии пришлось оставить дома. Она надела кольчугу и доспехи. Георгиус зашел за ней.

– Сестра, пойдем. Хоть сегодня ты поешь что-нибудь?

– Да. Спасибо, братишка. – грустно покачала головой девушка.

– Чем ты вчера поужинала? – спросил Георгиус.

Эрис рассмеялась:

– Водой. – довольно сказала она.

– Так. Вставай. – своей огромной длиннопалой рукой он потянул её за край накидки.

– Ладно. Иду я, иду...

– Почему ты грустишь? – спросил Георгиус. Его огромные черные глаза с объемными ресницами и большие губы, меж которых были ровные ряды белых крупных зубов, делали его похожим на доброго верблюда.

– Не знаю. Эти дни... Они были замечательные. Они сплотили нас, мы многое пережили, многому научились... – она замолчала. – Я буду скучать по этим местам. И мой Буцефал... – на её глазах появились крупные градины слёз.

– Ничего. Даст Бог, у нас будет еще множество таких дней. А насчёт Буцефала – он умер по-геройски, в стать своей хозяйке. – он улыбнулся. – К тому же, я слышал, командир уже попрощался со своим Сириусом.

– Я не возьму его коня. – отрезала Эрис.

– Ха! Он не будет тебя спрашивать. – ответил Георгиус.

Эрис было грустно и из-за того, что ей совсем не хотелось проститься с Тарросом. И это была самая сильная причина её печали...

В столовой собрались сан марковцы. Ребята еще спозаранку вернули всё, поблагодарив кандийцев. Эрис с парнями заняли свой стол, рассевшись на длинные скамьи.

У Антонио был удрученный вид. Обычно спесивый, пышущий гонором задира, вот уже пару дней находился в подавленном состоянии. Во время завтрака он, несмотря на уговоры соратников, так и не поел. Виной тому была совесть. На его сердце камнем лежало преступление, к которому его принудил командир. Маурисио тоже переживал, но его характер был беспринципным.

– Эй, Цезаре, ты вчера удивил нас своим танцем! – выкрикнул шутник Атрей сидящему за соседним столом.

– Куда нам до вас! – без злости, с сильным венецианским акцентом ответил тот.

– Да! Вот вы зажгли вчера – если бы за танцы тоже первенство давали, Каннареджо одержали бы и его! – крикнул Риккардо, имеющий более широкий словарный запас.

– А сеньориты? – уже потише спросил Исос, скользя по скамье и приближаясь к Антонио. – Сеньориты – так много и такие красивые!

– Прекрати. – мрачно ответил Тони.

– Тебе больше не о чем думать, балбес?! – сделала замечание Эрис, сидящая между Георгиусом и Никоном, соседом Исоса. Никон дал ему подзатыльник и Исос сказал:

– Да ладно, я же пошутил. Этот парень что-то мутный в последнее время, развеселить хотел.

– Тони, не бери в голову – в этой жизни нашего Иоса интересуют только девчонки. Он полагает, все такие. – сердобольно обратилась к нему Эрис.

– Ничего. – ответил Тони, опуская голову.

– Ты не болен? Что с тобой, друг? – продолжала она под дружное лязганье столовой посуды. – Ведь мы же друзья? Так, да?

– Конечно. – улыбнулся Тони, кротко посмотрев на неё.

– Давайте соединим столы! – предложил Аргос, и все согласились. Парни встали и началось громыхание и дребезжание. Затем ребята, толкаясь и споря, расселись. Эрис, по-прежнему, села меж двух своих «охранников». Антонио досталось место напротив неё. Все принялись продолжать трапезничать. Все, кроме Антонио, который, как Эрис на пире, медленно, с хмурым видом копошился в каше.

– Тебе седло отдали? – спросил Никон, засовывая полную ложку в рот.

– Старшина сообщил, что я могу забрать его в конюшне после игр. – со вздохом ответила Эрис, уже наевшись меньше, чем половиной порции. – Но я не могу решиться... Я так и не сходила на его могилу...

– Будешь продолжать? – спросил Эллиут, указывая на её миску.

– Нет, забирай, брат. – доброжелательно ответила девушка, пустив чашку по скользкому столу.

– Вот обжора! – воскликнул Филон.

– Не смущай братишку! – сказала Эрис.

Антонио наострил уши, услышав про седло. Он вздрогнул, и его блестящие глаза сделались большими и круглыми.

– Что-то не так? – спросила Эрис.

– У кого? У меня? – растерялся он, покраснев.

– Да, не у меня же. – продолжила она. – Ты стал какой-то странный. – сказала Эрис, по-хулигански подняв левую бровь и пристально посмотрев. – Или на тебя так подействовал проигрыш? – шутиливо произнесла она и улыбнулась. Тони опустил голову, чуть не поперхнувшись завтраком, с помощью поедания которого решил отвлечься от того, чтобы не смотреть на Эрис. – Или ваш командир обижает тебя? Это потому-что вы уступили? Удача сегодня с нами, завтра с вами. Я скажу ему, чтоб не был так строг с тобой, обещаю. – быстро закивав головой, честно заверила его девушка.

– Это у него после того, как капитан в шлеме снял его. – произнес бесцеремонный Маурисио.

– Э, неудачная, тупая шутка! – рявкнула грубым голосом Эрис, выкатив глаза и сдвинув свои черные брови. Она сидела прямо, по мальчишечьи раскинув плечи и ступни. Смотря на такое строгое поведение, сан марковцы начали понимать, за что её уважают сверстники.

– Прости-прости. – ухмыльнулся он несерьезно. Тогда Эрис резко встала, зацепив свою кружку ремнем нарукавника, отчего та шумно перевернулась и вода разлилась.

– Ты! – вспыхнула она. – Ты-попутал! Я не позволяю тебе так себя вести со мной! Если что-то хочешь сказать, говори в лицо, а не кидай намёки, как трусливая баба! – выкрикнула она с достоинством, поставив обе руки на стол, отчего Маурисио попятился назад.

– Маурисио, *idiota chiudi la bocca! *Закрой рот, идиот! (Итал.)** – Антонио вспыхнул не хуже Эрис, но он говорил опустив свой взор. – *Sono tormentato dalla coscienza, a differenza di te, idiota. Sono stato io ad aver avvelenato il suo cavallo e hai portato un ragazzo di strada sul luogo della competizione. *В отличие от тебя, идиот, меня мучает совесть. Это я отравил её лошадь, а ты привел уличного мальчика на место соревнований.** – Маурисио опустил голову. – *Tu, sapendo tutto, stai ancora facendo beffe. Sei un mascalzone!!! *Вы, зная все, еще издеваетесь. Ты негодяй!!! (Итал.)** – говорил Антонио громко, и ноздри его расширились. Он дрожал. Софос резко вскочил с места.

– Софос! Сядь! – приказал Никон.

– Они подлецы, брат! – крикнул Софос.

– Да, ты прав, брат... – уже тихо сказал Тони, и в его лице было столько досады и сожаления, что Эрис стало жаль парня.

– Я тебе не брат, подлый пёс! – крикнул багровый от злости Софос. – И никто из нас вам не братья, и никогда ими не станут! – кричал он и брови его эмоционально прыгали. Старшины и стражники сбежались на шум.

– Что, чёрт возьми, тут происходит! – Таррос пришел, как всегда, в самый неподходящий момент.

– Ничего, командир. – ответила Эрис, грубо сажая Софоса, потянув его за одежду. Софос хотел что-то сказать, но Эрис страшно посмотрела на него, отбив всё желание.

– Антонио, прости его за грубость. – промолвила Эрис, садясь на место.

– Сестра! – возмутился Софос дрожащим голосом, но Никон отрицательно помотал головой, и он, нехотя, замолчал.

– Неужели вы решили на прощание разругаться? – твердо говорил командир. – А я-то подумал, что некоторые будут поумнее. – медленно выговорил он, сжигая глазами отворачивающегося от него Антонио.

– Командир Таррос! Вы же знаете, молодость и горячность, граничащая с глупостью – неразделимы. Парни немного поспорили из-за... – она замолчала, не зная, что придумать, затем шутливо продолжила. – Места! – она сделала почтительно испрашивающий, но в то же время лукавый вид. – Прошу, не будьте так строги с Антонио. Он хороший, воспитанный лидер и очень сильно уважает Вас. – уже серьезно и спокойно закончила она. – Лучше садитесь с нами, мы скоро уходим. – с добротой в глазах предложила Эрис.

– Мне нравится, когда ты принимаешь меня за дурака. – он сел. – Ты делаешь это с самого первого дня, прекрасно понимая, что я вижу твоё неумелое вранье, смелая Эрис. – он улыбнулся. – Ничего не могу с собой поделать, позволяя тебе это. – он непринужденно развел руками.

– Вы завтракали? – спросила она, нахмурившись.

– К сожалению. Знал бы, что ты предложишь, не ел бы со вчерашнего дня. – сказал он, продолжая улыбаться.

– Нам пора! – воскликнула Эрис, смутившись от нахальства командира.

– Что? Только посадила за стол – уже уходишь. Что я, Антонио не видел что-ли? Или Алонзо с Марселло? – спросил Таррос, невинно смотря на неё своими жгучими лазурными глазами.

– Нам действительно пора! – заносчиво вскипела она, встав. Ребята с шумом поднялись с ней вместе.

– Да брось ты, солдат! Я так шучу. – он с уважением посмотрел на Эрис, перестав улыбаться. Его руки, сжатые в кулаках на столе, раскрылись в ладонях и он поднялся следом за ней.

Эрис с полминуты смирно постояла. Таррос ненавязчиво и с кроткой надеждой во взоре указал ей и парням на скамью. Она резко бухнулась на место. Ребята последовали примеру.

– Простите, капитан Каннареджо. Я хотел проинформировать Вас, Сириус при полном параде ожидает свою новую хозяйку у выхода. – продекламировал командир.

– Я не приму Ваш подарок. – отрезала Эрис с присущей ей резкостью.

– Кто сказал, что это подарок? – спросил он. – Это трофей. Заслуженный трофей, заработанный в честном поединке.

– Мне хватит того, что наша команда победила.

– Не будь глупой. Ты приехала сюда. Потеряла казенного коня. Я, как главный командир, просто восстанавливаю то, что должно быть в конюшне Ситии. – сказал он, невозмутимо отпив из кружки Фернандо. – Да!

Эрис шурясь помотала головой из стороны в сторону, удивляясь его уверенности в себе.
– Что? – спросил он. – Мои слова – твои приемы поведения, капитан. – он попил снова.
– Хорошо. Я беру только коня. Седло у меня есть. Казенное седло моего Буцефала бессмертно. – она нахмурилась.

– Твой Буцефал – крупнее и шире моего Сириуса. Сириус – поджарый. Буцефал – испанец. У моего больше позвонков. Твоё седло не подойдет. – козырял командир.

– Я могу поменять ремни. В крайнем случае – смогу и без седла добраться до дома. – спорила Эрис, а окружающие наблюдали за ее дерзостью и снисходительностью командира. Такого доброго Тарроса из его людей мало кто припоминал. Может, даже никто.

– А ты оставишь свое седло мне. Сириусу будет удобно со своим. И всё! – он сыграл бровями, сохраняя серьезность.

– Нет.

– Да.

– Нет, командир. – твёрдо добавила она.

– Не упрямясь. Не будь о себе высокого мнения. – он знал, на что надо давить.

– Я вовсе не спесива! – сразу возмутилась она. Командир точно нашел болевую точку – Эрис не нравилось, когда ей несправедливо что-то приписывают. Проницательный Таррос давно уловил это.

– Чем же тогда оправдать твое упрямство? Тебе нравится, что я уговариваю тебя?

– Нет... Всё. Пусть будет по вашему. – Эрис проиграла. Таррос в душе возликовал. Теперь он понял, как её переспорить.

– Вот так. – закончил он. – Я напишу Дожу. Как получу разрешение, прибуду к Вам.

Вошёл лучезарный Алессандро. Он, как всегда, был весел.

– Дорогие гости, не хочу с вами прощаться. Я будто б помолодел, наблюдая за вами! – воскликнул он. Таррос нахмурил брови – его напрягала привычная развязность лучшего друга.

– Да ладно Вам, Вы пока не старый! – воскликнул Атрей.

– Я старей Тарроса на три года. – сев рядом с командиром, поделился он, удивив словами окружающих. – Но мой веселый взгляд на жизнь помогает сохранить свежесть, а мой вспыльчивый и вечно недовольный единственный друг уже скоро покроется сединой и морщинами. – он заразительно засмеялся, и Таррос гулко шлепнул его по спине.

– Не порть момент. – попросил Таррос.

– Спасибо, командир. Пожалуй, мы пойдем. Чтобы до жары успеть пройти хоть немного. – попросила Эрис.

– Конечно. Пойдемте! – командир поднял ребят. Своих тоже. Алессандро встал.

– Я бесконечно рад, что провел эти игры – теперь мы знаем свои слабые стороны. Благодаря вам мои парни избавились от спеси и самодовольства. – командир улыбнулся, окинув их всех взглядом. Алессандро, улыбаясь, наблюдал за ним.

– Я помню ваш приход. Кажется, это было давно, хотя не прошло и недели! – лирично воскликнул Таррос. – Теперь я знаю, что всегда могу полагаться на вас, ребята из Ситии.

– Да. Вы правы. Знаете, Вы оказались совсем не тем, кем показались вначале. – улыбнулась Эрис сдержанно, смотрев на него глазами, в глубине которых Таррос прочёл грусть. Алессандро примечал абсолютно всё.

– Ты тоже. – уголки губ Тарроса снова поднялись. Они обменивались фразами и никто не смел помешать им. На этой положительной ноте Эрис продвинулась, подталкивая юниоров. Таррос смотрел, как они выходят и приказал своим подопечным проводить их. Ребята в последний раз прошли по длинным, гулким и прохладным коридорам, ставших их домом на несколько дней. Всем было немного жаль уходить.

– Девчонка расстроена. Пройдоха, ты победил. – рассмеялся Алессандро.

– Что мне до победы, когда они уходят. – задумчиво сказал Таррос, скрестив руки на груди.

Все вышли. Солнце уже палило всюду. Привычная переключка чаек сегодня звучала отчаянно и печально. Море искрилось и шумно билось волнами о каменные стены.

На площадке заботливые немые сержанты выставили запряженных коней ребят. Сириус стоял привязанный у входа, как и обещал командир. Эрис не смела приблизиться к нему, пока Таррос сам не предложит. Парни забрались на своих лошадей. Вышедший с Алессандро командир подошёл к Эрис. Его понятливый друг отстранился, не желая мешать. Некоторые наблюдали за этим. Но ребята больше были заняты своими лошадьми и пустыми разговорами. Сан марковцы выстроились в шеренгу, во главе которой стоял печальный Тони.

Эрис смущенно опустила взор.

– Эрис. Я не мог сказать при других. Самое ценное, что я приобрел от этих игр – знакомство с тобой. – Эрис нахмурилась. – Подожди-подожди, не злись. – торопливо воскликнул Таррос. – Я от чистого сердца. Я постараюсь поскорее приехать к вам. Я буду скучать, уж прости за откровенность. Ты – необыкновенный человек. – она подняла глаза. Командир смотрел на нее искренне, с долей грусти.

– Вы – тоже. – решительно отрезала она и выражение её лица было лишено радости. Таррос осторожно и почтительно вглядывался в серый изумруд её загадочных глаз, желая узнать, что таит сия скрытная душа. Но время и обстоятельства неумолимы.

– Давай, седлай своего скакуна! – крикнул он, шлепнув по Сириусу. Таррос вновь надел свою непринужденно – строгую командирскую маску. Она ловко прыгнула на коня. Командир отвязал вожжи и дал ей в руки.

– Спасибо. – тихо сказала Эрис, смотря на свои пальцы, одетые в грубые воинские перчатки из бычьей кожи.

– Я всегда готов прийти к тебе на помощь. – тихим голосом добавил он. Эрис слышала это. Казалось, они интуитивно чувствовали друг друга. Девушка, по привычке, невозмутимо замотала голову и красивое лицо в большую льняную ткань так, что остались видны только глаза – наподобие сарацинских пиратов или грабителей. Таррос наблюдал за ней. Он молча восхищался ее непревзойденным умением держаться в седле – тонконогий Сириус и стройная Эрис прекрасно смотрелись вместе.

Она развернула коня и направилась к своим. Алессандро подошел к Тарросу и обнял за плечи, помахав Эрис. Учитель Яннис только появился. Он, в отличие от других наставников, вел себя, как тень. Это было странно и непонятно – то ли это было связано с признанием, то ли со страхом перед командиром. Юниоры, построившись по двое, помахали руками и со своим знаменем выехали ровной колонной из широких ворот под ликование сан марковцев. Таррос стоял под ярким, слепящим глаза, солнцем и смотрел на них – простых, но волевых и отчаянных парней, главой которых являлась смелая и честная сопливая девчонка. Отчаившийся взгляд грустного Антонио провожал ее молча.

Уходящие олимпийцы оглядывались на фрески львов и бордовые колыхающиеся на морском ветру флаги – всё, казавшееся пугающим и необычным совсем недавно, стало родным, невосполнимым.

Эрис не оглянулась ни разу. Она не хотела показывать, что питает слабость в этот трогательный момент. Кони, со стуком копыт и лязганьем узд, шли спокойной рысью. Каннареджо переправлялись через город. На удивление, здесь то и дело ребят приветствовали узнавшие их группки простолюдинов, детей и даже женщин. Им это ужасно прельстило – они почувствовали себя народными героями.

Вот и закончилась приветливая Кандия, за ней начались густые оливковые насаждения. Возделываемые людьми земли издали казались причудливыми квадратами на ярком и модном восточном полотне. Серые горы в голубой дымке незыблемо возвышались над ним. Мимо их

лиц с жужжанием пролетали медоносные пчелы, несущие в своих карманах обилие ароматной пыльцы, собранной из разнообразных изобилующих ею критских диких цветов – таких же щедрых, свободолюбивых, добрых и красивых как народ, обитающий здесь. Они всё шли под фырканье и топот коней, звон мух, шуршание травы и пение птиц, под веселую болтовню легкомысленного Атрея и смех разговорчивого Аннаса. Софос молчал, проглотив язык, словно боясь рассказать что-то лишнее. Никон со знаменем в руках был крайне серьезен. Казалось, будто бы он возвращается домой с войны. Впрочем, как и остальные.

К полудню, когда горячее солнце раскалилось в зените, юниоры решили отдохнуть, сделав привал. Теперь Эрис показалось, что она уже не та, которая всего несколько дней назад шла в обратном направлении – ей мерещилось, что что-то внутри нее изменилось. Только что? Или она повзрослела, или сделалась серьезней: она не могла ответить на этот вопрос, зато точно знала – прежней девчонки больше нет. Есть другая – возмужавшая девушка Эрис, стоящая во главе бравых соратников, приведшая их к победе. Девушка, чьё сердце в первый раз в жизни испытало, как оказалось, тяжкую для него привязанность к противоположному полу. Это очень сильно изменило её внутренне.

Ребята тоже ощущали перемены. Теперь они, отроки, перешагнули в стадию возмужания и становления себя как личности. И сейчас главное правильно воспитать душу – привить высокую мораль и правильные понятия, которые навсегда останутся по жизни вместе с их хозяином.

Яннис наблюдал за своими оперившимися птенцами и его накрыла ностальгия. Вот они – сопливые малявки, оборванцы и задиры, каждый день настырно приползающие к нему. До сегодняшнего дня остались только самые целеустремленные и волевые, сильные характером юнцы, на лицах которых начала пробиваться первая, редкая борода. Эрис, отдельно сидевшая под деревом и смотрящая вдаль – она казалась учителю вольной смелой птицей, над которой никто не властен. И он видел, как в её глазах проскальзывает тихая грусть, с причиной которой она не поделится даже под страхом смерти. Даже с самыми лучшими, приближенными друзьями.

Привал закончен и долгий путь продолжался.

К вечеру они подступили на окраину своего родного городка. Эрис потянуло душу – ей казалось, что жизнь здесь стоит на месте, закованная в каменные кандалы временем. Она подумала, как будет возвращаться в угрюмый старый дом – обиталище ее одиноких детских слёз. Как её, новую, требующую жизни, встретит недоброжелательная, принципиальная бабушка. Всё это тяжелым грузом легло на ее юное, исполненное внутреннего волнения сердечко.

Парни встрепенулись – их, бравых, будут встречать дома с фанфарами и почестями, а Эрис опасалась, как бы ее с позором не прогнали на улицу, лишив ночлега и последнего родного человека, оставшегося с ней с раннего детства.

Заезжающие на родные сумеречные улочки под тенистыми деревьями, парни по одному откалывались от строя. Яннис тоже попрощался с остальными. Никон, кивая и улыбаясь, со знаменем в руке, ускакал, стеганув коня. Остались хмурый Ахиллес и тихий Георгиус, ехать в сочетании с которыми было просто пыткой. Ладно, с Георгиусом – молчун, мог и повеселиться шутками остроумной Эрис. Но сейчас она была не в настроении. А присутствие Ахиллеса неприятно нагнетало обстановку. Ну вот и они разъехались по домам. Осталась Эрис, одиноко бредущая в сгущающейся темноте...

Она осталась одна, наедине с мыслями, воспоминаниями и переживаниями. Ее вороной Буцефал остался в земле Кандии – и на глаза девушки невольно навернулись слёзы. Она чувствовала себя его предательницей, сидя верхом на красивом белом Сириусе. И ее успокаивало только то, что это был любимец далёкого командира, с которым Эрис так внезапно столкнула судьба. Она, почему-то, поверила ему. Каждому слову. Но ей казалось, что обстоятельства сложатся неблагоприятно, и Эрис больше никогда не увидит его... К горлу подкатил комок. Ей

захотелось заплакать. Она устала быть сильным, бесчувственным парнем и теперь, в скрывающей её темноте, вдалеке от глаз, почувствовала себя слабой, эмоциональной девушкой...

Очертания родного дома не позволили ей расслабиться и ударить лицом в грязь. Она медленно приближалась, и сердце ее больно колотилось. Девушка поспешно вытерла лицо. Эрис постучалась в ветхую калитку. Собачий лай превратился в преданный скулеж по прибывшей любимой хозяйке. Она спешила.

– Кто?! – послышалось из глубины двора.

– Я. – ответила Эрис.

– Слава Богу, я уж распереживалась! – шаркая ногами, быстро ковыляя, ворота открыла бабушка. Эрис держала в руке узду. Сириус мотнул головой и фыркнул.

– Мать честная! Что за бес рядом с тобой?! – воскликнула бабушка.

– Это не бес. – оскорбилась Эрис. – Это мой боевой конь. – ответила она.

– Какой еще конь? – скептически и возмущенно сказала бабушка. – На кой он нужен мне здесь?! – разозлилась она. – Затопчет всё, загадит, да и вонизма от него – ужас!

– Я уведу его утром. И ты не спросишь, как у меня дела, откуда этот скакун? – разочарованно спросила Эрис.

– Главное – жива, здорова. А дурь в твоей башке и ее последствия меня не интересуют. – отрезала бабушка.

Эрис молча завела огромного Сириуса на тропинку. Собака остервененно залаяла. Сириус громко заржал и та шарахнулась в будку.

– Господи, чудовище какое! – воскликнула бабушка, поспешив домой.

– Милый мой Сириус... – погладила его Эрис, привязав возле своего окна. – Ты будешь моим лучшим другом... – она, закрыв глаза, обняла его и почувствовала запах командира. Из глаз Эрис покатались горячие слёзы. Она накормила и напоила его. Затем вошла в дом, где ее, получше бабушкиного, встретили мяукающие коты.

А в это время в Кандии Таррос горевал по-своему, скупно проявляясь внешне, но яро в горячем мужском сердце. Он, скрывшись у себя, вдыхал аромат нежного платья гордой девушки и созерцал его, читая благодарственную бумажку, которую она написала для Каллисты, искренне полагая, что та, подготовив ее к пиршеству, дала ей свои одежды. Его восхищала такая детская доверчивость. И он прокручивал в памяти образ юной Эрис – снова и снова наслаждаясь каждым мгновением, проведенным в её обществе. Он теребил сильными пальцами нежный хрустальный кулон, который еще вчера красовался на длинной шее девушки, затем положил украшение в свой нагрудный карман.

Таррос, взяв в руки перо, начал строчить Дожу прошение о скорейшем рабочем отпуске в Ситию – с целью постройки новой крепости Каза де Арма и модернизирования старого военного гарнизона.

Глава пятнадцатая

Эрис открыла глаза и вновь оказалась в своей мрачной комнате. Стало рассветать. Утренняя прохлада пробивалась в нос, прокрадываясь под тонкое одеяло. Она не помнила, что видела во сне, суровая реальность окутала её.

Эрис услышала грохот посуды на кухне. Ей совсем не хотелось вставать – хотелось закрыть глаза и уснуть, забывшись. Но нужно было подниматься, вопреки разбитости. К тому же она вспомнила о Сириусе – нужно было кормить малыша. Ей вновь вспомнились события прошедших дней, ликование народа, а здесь – непонимание и недоверие. Эрис не могла отогнать от себя назойливые мысли о Тарросе – она думала о нём постоянно. Интересно, что он сейчас делает? Как себя чувствует? Каково его расположение духа?

Эрис поспешно оделась, поздоровавшись с бабушкой, принялась за свои обычные домашние хлопоты. Накормив кур, кошек, собаку, под причитания бабушки она накормила и огромного Сириуса – овсом и морковью. Потом девушка убрала дом, успевший запылиться в её отсутствие. Постирала и омывшись, принялась за тесто. После всех дел Эрис быстро позавтракала и, экипировавшись, опять же, под недовольные возгласы, отправилась в гарнизон.

По пути она заехала за Георгиусом, что жил неподалёку. Её тетка Татьян, увидев Сириуса, не сдержалась и позвала из дому своего братишку – дядю Аркадиуса, местного столяра. Они долго нахваливали коня и порадовались успехам девушки, подняв её боевой дух.

Георгиус, наконец, выполз.

– Ты что, только проснулся? – со смехом спросила Эрис.

– Да... – ответил кузен. – Будь моя воля, поспал бы еще... – он потянулся.

– Почему твой конь выглядит благородней, чем конь под племянником? – полюбопытствовал протяк – дядька.

– Это аравийский тонкокожий скакун! – ответил Георгиус за не любящую хвастаться Эрис.

– Только тебе вручили его? – спросила тетя.

– О-да! Мама, если б Вы только видели! – воодушевленно начал Георгиус. – Эрис на глазах у болеющей за неё толпы, на глазах герцога Дожа Якопо Тьеполо! – Эрис ткнула ему в спину с просьбой остановиться. – Что? Люди должны-ж знать! – он, обернувшись на сестру, снова посмотрел на мать с дядей и продолжил. – Так вот: Эрис потеряла своего коня – разгорячившись, он умер прямо на поле битвы. Потом её за то, что она девушка, подвергли дополнительному испытанию – битвы на копьях с командиром Кандии и всех гарнизонов Крита...

– Матерь Божья! – воскликнула Татиан.

– Ну ты даешь, племяшка! – довольно сказал Аркадиус.

– Еще рано радуетесь! – продолжил Георгиус. Эрис нахмурилась и вспотела от смущения – ей захотелось непременно сбежать. – Она билась на копьях со взрослым сильным мужчиной, чья работа – командовать и убивать, и победила его.

– Я и не сомневалась. – заключила довольная тетя.

– Это еще не все! – Георгиус стоял возле ворот и рассказывал им подробности, а Эрис смотрела на бегущую с нежным рокотом водичку в оросительном канале. – Этот командир упал, конь наступил ему на грудь и он потерял сознание. – тетя Татиан приложила руки ко рту, а дядя Аркадиус горел взором и был весь во внимании, слушая мужскую тему. – Коня сестре выдали необъезженного и он взбесился, чуть не раздавив командира, но она, прыгнув с него, оседлала этого красавца, – он указал на Сириуса. – и выгнала командира с ристалища, спасши его от неминуемой гибели!

– Молодец, девчонка! Что – съели Дождь и остальные сливки общества?! – дядька ликовавал. – А наши еще и не на такое способны! – рассказ возродил в нём забытый энтузиазм.

– Эрис, ты рассказала моей тете Эйгл то, что случилось? – спросила Татиан.

Эрис ухмыльнулась:

– Вы что, полагаете, ей интересны мои победы? Или её волнуют мои увлечения? Она даже не стала слушать. – она раздосадованно засмеялась.

– Не переживай. – сказал дядька. – Она – уставший от жизни человек. Пойми её.

– Я хочу быть ей ближе, но она отталкивает меня. Я уже и не переживаю. У меня есть цель – идти только вперёд. Понять? Не знаю. Усталость не может быть причиной черствости. – Эрис будто б взгрустнула. – Я по жизни чувствую себя изгоем. Я – одиночка. – это откровение брошенной нелюбимой сироты стало неожиданностью, так как она никогда ничего не рассказывала. – Но это одиночество мне на руку! – Эрис улыбнулась, резко развернув коня, отчего он заплясал под ней. – Я сама по себе. Знаю, чего хочу добиться и мне не мешают привязанности и компании. – заключила Эрис. – Мне хорошо без этого! Я не нуждаюсь в чьей-либо жалости. – предупредительным тоном сказала она. – Хая! – Эрис погнала Сириуса, помахав рукой стоящим. Георгиус еле поспел за ней.

– Молодец, племяшка! – улыбался Аркадиус.

– Я доверяю ей. Она не оставит своего братишку, да и не только его. Хорошо, что эта девочка увлекается такими вещами! – прагматичная Татиан довольно поделилась со своим братом. – Мне спокойно, когда мой Гера под её строгим присмотром. – заключила она.

Эрис повела Сириуса рысью. Прохожие невольно крутили головами, смотря на юную девушку-всадницу. Некоторые, уже на протяжении долгих лет, наблюдали её и знали в лицо, как и многих других прохожих – мастера-лавочники, гончары и сапожники, чьи рабочие места располагались уже десятилетиями на семейной территории и не менялись, передаваясь от отца к сыну. Но они никогда не видели её верхом на лошади.

Приятная утренняя природа успокаивала Эрис, которую угнетал вид плачевного города. Зелень крон нависла над пыльными дорогами, по краям которых пестрели богатейшие цветы острова.

Эрис и Георгиус приблизились к части. Они увидели повозку. Здесь уже были люди. Видимо, какая-то очередная местная знать, вокруг которой суетливо бегал старый учитель Яннис. Такое было частенько.

– Эрис! – воскликнул он. – Вот эта девушка!

– А... Замечательно-замечательно. – медленно и вальяжно протянул грузный мужчина, выглядевший, прямо сказать, отталкивающе. – Значит это ты отстояла честь нашей маленькой Ситии?

Эрис хмуρο покачала головой. Георгиус насторожился. Подле толстого мужчины стояла молодая женщина, похожая на него своим высокомерным выражением лица, вызывающе смотря на Эрис. Видимо, это была дочь греческого аристократа, одетого нелепо и вычурно, слепо подражавшего венецианской моде.

– Значит, это ты привлекла ненужное внимание Дожа и его советников, командира войск Кандии к нашей «нищей Олимпии» – ты же так выразилась. – сказал он, и в его узких от ожирения глазенках выразился явный гнев. Яннис испуганно замешкался.

– Давай, Эрис, что стоишь, иди, принеси гостю вина! – воскликнул он.

– Георгиус, братишка, – попросила Эрис. – сделай одолжение, принеси ему попить, а у меня еще есть дела поважнее. – нагло сказала девушка, ловко спешившись, чем вызвала бурю негодования учителя и знати. Она повела коня через стоящих, проходя на опасно близком от них расстоянии. Эрис не смотрела на них.

– Эй, дерзкая девчонка! – закричала писклявым голоском женщина. – Как ты смеешь отказывать моему отцу! – она остановила Эрис, ухватив за предплечье.

– Твой отец, что, какает золотом? – смотря в глаза, невозмутимо спросила Эрис, хлестко ударив её по руке, отчего та опешила. – Он такой же человек, как все мы, и власть, дарованная

ему Богом может быть в любой момент Им же и отобраться. – сказала девушка, без страха смотря на женщину, чего та, явно не ожидала. – Простите, уважаемые гости, дела не ждут!

Эрис гордо уходила под ругательства и зазывания чиновника, абсолютно не реагируя.

Георгиус принёс вино из комнаты Янниса.

– Засунь себе своё дешёвое вино, проклятый Яннис! – заорал на него чиновник, стукнув по подносу, отчего его содержимое с грохотом свалилось на землю, оставив огромное бордовое пятно на каменной плитке.

– Августос, дорогой, может решим всё мирно? – продолжал заискивать учитель, потерявший остатки совести. – Я привёз награду. Я отдам половину. – Яннис жестом руки приказал Георгиусу уйти.

– Я заберу всё. Тебе ясно? Твои грешки, покрываемые мной, могут в любой момент стать достоянием администрации. – шантажировал его чиновник.

– Но эти дукаты были отчислены командиром на развитие части! – воскликнул Яннис.

– Не отдашь эти дукаты, наверху узнают об остальном золоте, которое ты в течении своей жизни похищал из казны. И твоё недавнее грязное дельце Каза де Арма, ты понял, да? – победно провозгласил толстяк. Его дочь пылала от негодования:

– Отец, разреши мне наказать эту малолетнюю выскочку! – сказала дочь вельможи, покаяваясь на смеющуюся в кругу пришедшей команды Эрис.

– Всему свое время, милая. Я обязательно предоставлю тебе возможность отрезать её длинный грязный язык. Но мы пришли не за этим. – чиновник, зло глядя на Янниса, жестом приказал ему пройти к себе. Троица удалилась в постройке.

– Вот полоумная крыса! – воскликнула Эрис, глядя на скрывающуюся дочь чиновника.

– Хочешь, мы накажем её? – пошутил Атрей.

– Да ладно тебе, что ты можешь сделать? – спросил его серьёзный Никон.

– Еще как могу! Сомневаешься? – зло воскликнул Атрей.

– Прекратить тупые шутки! – крикнула Эрис. – У нас много дел, надо... – её прервал Георгиус.

– Сестра, оказывается командир вознаградил нашу команду дукатами! – сказал запыхавшийся Георгиус.

– Что?! – воскликнул Никон. Эрис оцепенела. – Откуда ты знаешь?

– Яннис сам сказал. Он прогнал меня, старый болван. Он стал ужасно раздражать меня. – ответил Георгиус.

– Не говори так, все-таки он учитель... – грустно ответила Эрис. – Но его душонка – нищая душонка. Он продажный и подлый предатель, я ему больше не доверяю. – резко выразилась она.

– Сейчас золото забьёт этот жирдяй, и наши кони опять будут питаться сорняками. – недовольно промолвил Никон.

– Если бы я знала, что командир расщедрится, я бы запретила Тарросу давать нам вознаграждение. – заключила Эрис.

– Да брось ты! – усмехнулся Никон. – Он – человек, умеющий спорить. Его не одолеть. – сказал он. При этих словах Эрис стало грустно, она опять затосковала по Тарросу.

– Старый Яннис не имеет гордости. – сказал Аргос. – Он заискивает перед всеми, позоря нас. Мало того, что нас с его разрешения постоянно эксплуатируют, как частных разнорабочих, он еще умудряется лизать всем зад.

– В точку! – поддержала Эрис. – Он рассказал мне, как предал моего деда и его потом из-за него убили.

– О Боже, ты серьезно? – воскликнули ребята.

– Да... – грустно ответила Эрис. – к сожалению. Мне пришлось взять себя в руки, его признание на играх выбило меня из колеи. – призналась Эрис.

– Так вот почему его не было около нас! – понял Софос. – Совесть замучила.

– А она у него есть? Мне надоело до г. морроя надрываться у этих вырожденков. – кинул Никон, глядя на выходящих вельможу с дочерью и Янниса. В руках у вельможи был плотный, довольно весомый кожаный мешочек.

– Перестань кипеть, братец. Зато наша физика – лучшая. Видь во всем плюсы. – усмехнулась Эрис.

– Вот гады! Видимо – командир щедрый человек! – воскликнул Филон, смотря на скрывающихся в повозке.

– Мерзость! – воскликнула Эрис. – Вы не чувствуете себя продажными шкурами? – пристыдила их девушка. – Командир думает, что мы взяли его золото и, довольные, поедаем его. Господу не понравилось, что мы его взяли, вот он и лишил нас этого. – заключила в сердцах она.

– Ты права, сестра. – поддержал ее Никон. – Но мы же не знали!

– Теперь будем знать. – сказал Софос. – Эрис, сестра, раз у тебя и так нет настроения, я добавлю.

– Что еще? – нахмурилась Эрис.

– Буцефал... – робко сказал Софос. Ребята принялись внимательно слушать.

– Что? Не тяни уже! – воскликнула она.

– Вчера Антонио и Маурисио поспорили, вы сами все видели. Капитан обругал его за отсутствие совести.

– К чему ты клонишь? – спросила Эрис.

– Антонио на венецианском сказал, что это он отравил твоего Буцефала, и что Маурисио провёл на ристалище ребенка, чтобы помешать тебе выиграть. – закончил он с тяжестью в словах.

– Нет... – Эрис замотала головой. – Как они могли?! – на ее глаза выступили слезы, и она резко смахивала их, не желая показаться слабой в глазах ребят. Она всё поняла.

– Я сам слышал. Он сказал, что Маурисио – мерзавец, раз его не мучает совесть. А Антонио терзался от ее угрызений. – сказал Софос.

– Вот уроды. – прорычал Никон. – Ты же могла погибнуть, сестра!

– Но я же живая! И мы – победили. – она успокоилась. – И у меня есть новый друг. – Эрис указала на Сириуса. – Мой лучший друг.

– А мы? – спросили ребята.

– Вы – мои родные братья. – заключила Эрис. Она вытащила свой гладиус. Эрис и парни скрестили мечи.

– Я не помешал? – это был голос Персиуса.

– Хочешь присоединиться? – спросил Никон, подняв свои сивые наглые брови.

– Нет конечно. – надменно ответил он. – Хотел поздравить!

– Мы не нуждаемся в твоих поздравлениях. – ответила Эрис.

– Я хочу поздравить. Нуждаешься-не нуждаешься, это уже твои проблемы. – он нахально улыбался. Эрис скачком приблизилась к нему, но Тичон и Эллиут схватили её.

– Твой язык надо укоротить! – выбросила разгневанная Эрис.

– Вы, придурки, позволили девушке быть выше вас! – сказал Персиус, глядя на Никона. – Её место – на кухне. – заключил он.

– А что, ты хочешь занять её место среди нас? – спросил Никон своим грубым басом. – Лучше иди и займи её законное место – на кухне. – он рассмеялся, и его поддержали ребята.

– Мы еще посмотрим, кто-кого. – загадочно ответил Персиус и прошёл к другим парням, которые уже успели ранее поздравить Олимпийцев.

– Ре, малака! Ай' де на па на гамити'с! *Э, др. чун, с'е. ись отсюда! (греч.)* – громко и очень некрасиво выразился Никон. Персиус, косясь и ухмыляясь, ушел.

– Как же он злит меня – не могу!!! – досадно проговорила Эрис.

– Он завидует – вот и всё. – сказал Аргос. – Помнишь, ты в детстве ему нос расцарапала? Шрам еще остался. – он засмеялся.

– Надо новых добавить. – заключила она.

– Ребята! – учитель Яннис позвал. – Быстро строимся! – вид его был удрученный.

Юниоры построились и весь день учитель Яннис гонял их, срывая на них свою злость и самонедовольство.

В городе Сития все обстояло старым порядком. Время шло своим размеренным чередом, меняя ночь на день. Та же природа, те же люди – не менялось ничего. Тот же запах критских цветов и морской воздух, приносимый ветром. Те же ежедневные дела – суэта, приносящая гроши в карманы бедняков, среди которых были и ребята Олимпии. Софос всё так же разгружал и выгружал товары на пристани, внимая своими большими ушами венецианскую речь. Аргос, Персиус, Аннас и Атрей косили пшеницу, собирали урожай, возделывали землю, получая честный хлеб. Никон присоединился к Софосу, помогавшему отцу в лавке с продовольственными товарами. Он стал грузчиком, белым от муки в одном лице и обходительным продавцом – в другом.

Филон и Тичон рыбачили на лодках, на заре ставя сети в лагунах у прибрежных скал, затем сдавая улов барыгам. Эллиут помогал отцу забивать и разделять скот. Андроник и Исос, являющиеся двоюродными братьями по отцу, пробовали себя в различных сферах торговли – от головных уборов до башмаков, был бы начальный капитал. Но Исосу больше нравилось продавать женские одежды – такова уж была его натура. Азариус подрабатывал тележечником на опасном рынке. И это несмотря на то, что парень заработал грыжу, пахая у друзей Янниса. Ахиллес же, кроме выпаса скота своих братьев, проводил всё свободное время среди воров и мелких хулиганов, которые, в свою очередь, были связаны с более крупными.

Бабушка Эрис запрещала ей выходить из дому в свободное время. Все, что она могла себе позволить в свободное от работы время – сходить к тете. Но и туда её отпускали с трудом – дядя Аркадиус страдал от чахотки. Иногда от одиночества ее спасали соседи, которым лекарь был не по карману. Начитанная девушка умела врачевать и принимать дитя. На рынок Эрис не ходила: бабушка говорила, что там очень опасно, и была права – недалекая пристань, кишачная пиратами и развращенными европейскими солдатами-храмовниками. Они в душе считали себя преемниками всемогущих древних римлян, но не афишировали уважением к предкам-язычникам. А «благородное рыцарство», как таковое, зародилось от гуннских бешеных кочевых воинов-наездников, после переселения народов. Им Европа за мир регулярно платила огромную дань золотом и молодежью, подобно тому, как в древних мифах жертвуют чудовищам. Хотя и слова такого – «Европа», пока еще не придумали.

Но бабушка Эрис считала, что колонизаторы это те же римляне – кровожадные и обворовывавшие люд.

Римляне когда-то были под гнётом греков. Потом всё поменялось: война и теперь греки – рабы Рима на триста долгих лет. Они построили Империю – на архитектуре и модернизированной письменности греков. Хотя, кто уж разберет – кто прав, кто виноват. Кто знает, кто раб? Кто господин? И кто кого чему научил?

Времена менялись – снова последовали войны, разорения. За ними бессменно следуют их тени – голод и нищета, болезни и нравственный упадок. Опять войны и восстания...

Византия... Долго господствовала она – превратившая Православие в орудие власти. Вот только грекам не нравилось ставить архиепископов во главе верхушек. Они научились разделять духовенство и политику. И это была общая черта критян и колонизировавших их венецианцев – единственных в своём роде, не прикрывающихся Верой, честных и прямолинейных хапуг.

Постепенно византийская система постоянно меняющихся хозяев-родственников, прогнила. И она распалась на части. Теперь уже генуэзцы разоряли народ Крита, пока аристократия Европы показывала каждый свой семейный герб на поле боя "Во имя Христа". Остров Крит – всего лишь боевой трофей трапезундского рыцаря, восхваляемого массовой истерией, поднятой пылким Папой Римским.

Бедный люд, оказавшийся по злому року судьбы между важными морскими сообщениями – землю, которую всегда воспринимали как портал между важными стратегическими объектами, оказался в плачевном состоянии. И их просто продали деловой Венеции. Очередной меняющийся хозяин – не первый и далеко не последний.

Но время шло вперед, и свободолюбивые люди рождались и старели, женились и умирали под гнетом иноземцев. Порабощенные, но не осознающие этого люди пахали на благо Венеции, которая, как кусочек бывшего Рима, любила завоевания. Греческую молодежь призывали, обучали и отправляли на войны. Остальной народ обязан был своим непосильным трудом поддерживать экономику и прокармливать многочисленные рты, сказочно богаты колониальные верхушки. Кроме того, взымались налоги отовсюду, откуда только можно было содрать. Торговля, земледелие, отлов рыбы, ремесло – все и вся платит за иллюзорное мирное существование. Теперь венецианцы, одаренные деловой жилкой, стремились не только распространить Папский Католицизм их тамплиерских и госпитальских западных братьев; ссылая православное духовенство, поклоняющееся мумифицированным мощам, в горы; но и хотели навести здесь рыночные отношения, войдя с местной знатью во взаимовыгодные отношения.

В такое беспокойное время и проживали эти бедные ребята. Что им, молодым, до страстей противостоящих церквей, построенных на немощных мощах и мифах, от которых сам Иисус был бы в негодовании? Что им до фанатиков, политиканов и до мировых войн?

Но образ благородного война во все времена чтился народом, жаждущим освободителя. Юноши просто хотели быть героями – не осознавая, на чьей стороне правда...

Глава шестнадцатая

Прошло больше месяца после окончания игр, прошедших в конце мая. И если тогда возможны были редкие дожди, и то – иногда с примесью песка, приносимого из Сахары, сегодняшний зной бил все рекорды, жаря ребят и их коней на поле тренировок. Этот горячий июль заставлял жестколистные растения острова беречь ценную воду, усыпляя их. Так же и северные ветры приносили миллиарды песчинок, забивающихся во все щели. Это было время самых жарких, ветреных дней, но ночи могли быть и прохладные. Морская вода была невероятно теплая – бездельникам можно было плескаться сколько угодно, но у занятых людей времени всегда мало.

Ребята после долгих изнуряющих тренировок не могли себе позволить долго снимать напряжение в воде – все парни подрабатывали, помогая прокармливать родителям братишек и сестренек. Но всё же, перед закатом, еще детское озорство заставляло их убегать сверкая пятками в ближайшую райскую голубую лагуну, отливающую розовым песком. Всех, кроме капитанши, конечно. Вот в такие минуты Эрис оставалась наедине с собой, что помогало продолжать ей оттачивать и совершенствовать свои навыки.

Эрис всё еще ждала и считала дни до прибытия командира. Он не мог обмануть её. Надо же! Эта жизнь удивительна. Все это время на Земле параллельно существовал этот человек, и Эрис, не зная о нем, была спокойна. А теперь...

Обстановка дома, бывшая и так нагнетающей, стала невыносимой – то ли от постоянной замкнутости в своих переживаниях, с которыми Эрис не могла с кем-либо поделиться; то ли от радикально против настроенной бабушки, она начала замечать чертовщину в ветхом доме. Постоянные скрипы, шаги, стуки, храп и лязганье посуды и так были естественным спутником пребывания в нем. Теперь, где бы не присела Эрис, рядом кто-то стучал, будто бы кидая камушком в оконные ставни. Мало того, иногда она ощущала, как кто-то невидимый, с сильным хлестом и ощутимой отдачей бил по старой немногочисленной мебели. И Эрис, находившаяся в одиночестве, изучая рукописи деда, всегда ощущала на себе чей-то взгляд за спиной. Ее одежда, особенно доспехи и тренировочные принадлежности постоянно кто-то сбрасывал с полок – иногда прямо на ее глазах. А однажды в полнолуние из бабушкиного комода вылезла их старая кошка – горя красными глазами и стуча длинными одревесневшими когтями она прошла в мамину комнату мимо зовущей ее Эрис, с шорохом и шумом влезши в старый шкаф. Каково же было удивление девушки, когда на рассвете она открыла входную дверь, впустив голодных животных в наглухо запертый дом, не имеющим даже отверстия для вентиляции! Но Эрис не забивала голову такой ерундой, списав всё на сильную волю её бабушки, характер которой ухудшался с каждым днём.

И только на поле, с Сириусом, Эрис ощущала счастье и свободу – преданное животное привязалось к новой хозяйке, каждое утро зазывая её громким отчаянным ржанием. Эрис выучила труды Демокрита (*греч. философ и ученый*) о коневодстве и это ей немного помогло в детстве. Но практика – лучший учитель.

Настал новый день. Уже с утра дул горячий ветер, суша Эрис душу. Яннис отстранился от ребят – видимо, мучила совесть. Как назло, Персиус сегодня вел себя крайне вызывающе. Он недели две, как сдружился с Ахиллесом, на что Аргос, Аннас и Атрей, зная самоуверенного перса с детства, реагировали отрицательно, считая, что вдвоём они злее и сильнее. Но Эрис это не волновало, зная, что с ней чистые душами честные ребята, готовые на самопожертвования.

– Э, Эрис, что ты замоталась с утра пораньше, дай полюбоваться на твою красоту! – воскликнул Персиус, стоя рядом с ухмыляющимся Ахиллесом.

– Что ты сказал, скот? – крикнула Эрис в его адрес, опешив от такой наглости.

– Ты же слышала! – повторил он.

– Я убью тебя! – воскликнула она и кинулась на Персиуса, со всей силы толкнув в грудь. Он чуть не упал, и сначала хотел превратить всё в шутку, но Эрис было совсем не до смеха. Они, стоя в борцовских стойках, сверлили друг друга горящими глазами. Затем Эрис сумела схватить его, но сильный Персиус выкрутил ей руку. Эрис повернулась и схватила его сзади за шею мертвой хваткой, заблокировав свои локти под его подбородком. Персиус покраснел, он выгибался дугой и крутился, так и не сумев сбросить с себя гибкую и легкую девушку, которая сделала замок у него на животе своими длинными ногами. Персиус задышался, но не сдавался. Ребята прибежали, столпившись вокруг них. Учителя еще не было.

– Давай, сестра, порви его! – иступленно кричал Никон, не смея вмешаться.

– Эрис! – декламировало подавляющее большинство.

– Персиус, давай, ты что, слабак?! – заорал Ахиллес и с ними пару других парней из запаса.

– Подлый предатель! – крикнул гневно Агафон, но Ахиллес не ответил ему, струсив.

Персиус жестко бросил себя на спину, упав на Эрис. Но она не сдалась, перекинув ноги на его шею. Эрис было больно – от резкого броска, казалось, ее почки оторвались, а нутро загло. Теперь изгибистая, как змея, девушка сжала его удушающим приемом, и он, не в силах ничего сделать, отчаянно дёргал ногами, разрывая сухую землю. Схватив ее за ткань, обмотанную вокруг лица, он содрал лён с головы, вырвав клочок волос из тугого конского хвоста. Эрис сжимала всё сильнее и сильнее. Клубы пыли поднялись вокруг них, забивая рты и носы зевакам, слепя глаза.

– Разойдись! – властно приказал чей-то грубый голос. Толпа отступила. Эрис не отпустила Персиуса, рыча:

– Проси прощения!!! – но он упрямо молчал, предпочитая терпеть боль, безрезультатно хватая губами воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Эрис! – крикнул голос и она увидела в ослепляющем свете солнечных лучей лицо Тарроса, склонившегося над ней. Она моментально отпустила Персиуса, и тот, кашляя и громко делая свистящие вдохи, встал на четвереньки, истекая потом и слюной. Эрис резко встала, молча борясь с гневом и болью, и принялась отряхивать себя от рыжей пыли.

– Здравствуй! – смеясь, воскликнул он. – Я вижу, тебе и здесь весело! – продолжил Таррос.

– Да, пыталась развеселить себя и других, ожидая Вас. – в боевом иступлении, придавшем смелости, выпалила Эрис.

– Я очень рад видеть тебя. – его пристальный взгляд был наполнен чистой радостью. Эрис стало стыдно перед юниорами за это, и она отвернулась к парням. – И вас, Каннареджо – чемпионы Кандии! – воскликнул он, посмотрев на юношей. Ребята облепили Тарроса, одетого в свой ослепительный парадный наряд с бело-голубой орденской мантией, здороваясь с ним. Эрис незаметно ускользнула. Персиус с ненавистью смотрел на внушающего уважение взрослого Тарроса. Ахиллес обнял его, уводя и шепча что-то на ухо.

– Командир Таррос! – сказал пришедший Яннис, на лице которого смешались смущение и страх, будто бы перед ним стоял ревизор Дожа.

– Здравствуйте, учитель Яннис! – приветствовал Таррос, поменявшись в выражении.

– Мы ждали Вас! Пройдете в столовую? – предложил старый лгун, и ребята переглянулись. Всем стало интересно, какая же она, эта столовая? Они знали, что в других частях солдатам дают бесплатное питание, но здесь это было непозволительной роскошью. Юниоры, сколько себя помнили, обедали тем, что приносили из дома сами. В жару аппетита почти не было – хотелось много пить, и они довольствовались вяленой рыбой или сушеным йогуртом с солью.

– А нам можно посмотреть на столовую? – колко спросил осмелевший при командире Атрей.

– Нет. Вам – в обед. – отрезал Яннис.

– Спасибо. Я не голоден. Мои солдаты. – он указал на внушительную колонну немых статных воинов, одетых в строгую венецианскую форму. – Накормите и расположите их в казармы, распрягите и напоите коней, учитель. Я, пожалуй, осмотрюсь. Затем, выделите мне комнату – мы шли всю ночь, я утомлён. – отрезал Таррос.

– Как прикажете. – сказал Яннис, недовольно нахмурившись. – Андроник, Филон, Тичон, Атрей и Агафон – вместо того, чтоб болтать, отведите лошадей в конюшни!

– Хорошо, учитель. Давайте, парни, помогите нам! – закричали Атрей и Аргос, зазывая остальных, увидевших столичного командира впервые.

Началась возня и суета, от которой Таррос держался особняком, сложив руки за спину и наблюдая недолгое количество времени. Затем он начал серьезно и медленно обходить территорию, внимательно осматривая каждый угол и столб. И вид у него был более, чем хмурый. Через некоторое время он приказал Никону, добровольно сопровождающему его, позвать Янниса. Тот, нехотя, пришёл.

– Яннис, уважаемый учитель, я, конечно, не хочу показаться любопытным, но это моя обязанность – спросить Вас, на какие такие нужды Вы выделили деньги призеров, данные мной из казны для улучшения состояния вашей части?

– Я обновил оружия. – без зазрения совести ответил Яннис, отчего Никон покраснел, сморщив нос, как обозленная собака.

– Да. Прекрасное оружие! И такое дорогое! – усмехнулся Таррос.

– Я выделил детям премии. – сказал Яннис потише.

– Премии? Это хорошо. – покачал Таррос головой, оставшись довольным его ответом. – Ну что ж, я еще не был в строениях и на конюшне. Можете пока идти. – Яннис, зло покосившись на Никона, ушел, чуя, что дела его плохи.

Никон отводил взор, боясь встретиться с пронзительными глазами Тарроса, от которых было невозможно ничего скрыть.

– И сколько тебе дали? – шутливо спросил командир, указывая взглядом на заношенную выцветшую одежду. – Не многовато будет? – он рассмеялся. Никон опустил голову, покраснев.

– Не хочешь говорить? Не надо. Я сам выведу шакалов на чистую воду. Не беспокойся. Иди. – Таррос дружески похлопал стесненного Никона по плечу. Он поднял голову, слегка улыбнувшись. Никон ушел, не желая стать чьим-либо лазутчиком.

Эрис прибывала в своей маленькой тёмной раздевалке. Она привела себя в божеский вид, освежившись водой. Было настолько жарко, что выплеснутая на землю жидкость совсем скоро не оставляла и пятна. Эрис не хотела выходить – ей было неловко. Столько дней ожидания и вот наконец командир здесь – что она скажет, а вдруг опять совершит какую-нибудь глупость? И внешний загнанный вид оставлял желать лучшего.

– Эрис! – снаружи послышался голос Георгиуса.

– Чего тебе? – спросила она, открыв дверь.

– Таррос. Он желает видеть тебя. – сказал кузен.

– Что ему от меня нужно? – тихо спросила она сама себя, поспешно выйдя.

– Не знаю.

– Подожди, может он захочет холодной воды? Я сейчас! – Эрис быстро сбегала к каналу, где ставила для себя чистую воду в кадке на охлаждение. Она наполнила свою керамическую фляжку.

Они подошли к командиру, сидящему на скамье, в тени строений у поля.

– Командир? – смущенно спросила Эрис у Тарроса. Вид у него был уставший. – Вы вызывали? – Георгиус ушёл.

– Нет. А что случилось? – он сделал удивленный вид. Эрис мгновенно покраснела. Теребя ремешок от фляги в руках, она сдавленно произнесла:

- Мне сказали, что Вы вызывали меня. Я пришла. – с досадой в голосе произнесла она.
- Я пошутил. – он опять улыбнулся. – Да, я вызывал тебя.
- Вы шутник. – хмуро ответила Эрис.
- Да не обижайся ты. Лучше дай попить. – попросил Таррос, смотря на воду.
- Держите, командир. – ответила Эрис, протянув флягу издали, будто боясь обжечься о пламя, находящееся на расстоянии вытянутой руки.
- Спасибо. – он приподнялся и достал воду. Сдержанно и аккуратно попив, Таррос опрокинул остатки на затылок успевшей обрасти непослушными жесткими мелкими кудрями, головы. – Приятная вода... – тихо сказал он.
- Вы бы обтерлись. Ветер может продуть ваш затылок. – заботливо сказала она. – Может заболеть голова.
- Ах, Эрис. Только эти хорошие слова уже способны излечить меня. – он продолжал улыбаться, смущая Эрис.
- Зачем Вы вызвали меня? – строго спросила Эрис, нахмутив черные бровки. – Если нет чего-то важного, я пойду. – сгубила она.
- Ну почему ты такая? – умиленно сказал командир. – Ты совсем не понимаешь шуток. – он сделал огорченный вид.
- Я не привыкла, когда со мной разговаривают, не воспринимая меня всерьез. – отрезала Эрис.
- А кто тебе сказал, что я не воспринимаю тебя всерьез? – он пристально посмотрел на Эрис, отчего у нее сперло дыхание. – Ты слышала это от меня? Может ты – единственная, кому я верю и хочу, чтобы ты поверила мне? – его взгляд не был вульгарным или насмешливым. Наоборот, в его глазах читалось уважение и надежда.
- Зачем Вы меня позвали? – тихо спросила Эрис, не смотря на Тарроса.
- Можно мне увидеть Сириуса? – спросил командир.
- Почему Вы спрашиваете? Это Ваш конь.
- Нет. Я отдал его тебе. Теперь ты хозяйка, вот я и решил спросить. – сказал Таррос. – Садись, не стой там! – он указал на противоположный конец длинной скамьи, зная, что ближе она никогда не сядет.
- Нет, спасибо. – отказалась Эрис.
- Садись, надо поговорить. – настоял Таррос.
- Эрис осторожно села. Она боялась шумно сделать вдох или проглотить слюну.
- Эрис. Знаешь, одна назойливая муха так хотела приехать сюда со мной. – говоря эти слова, Таррос отмахивался от надоедливой мошкары.
- Эту муху не Алессандро зовут? – незначай сказала она.
- Правильно, ты догадливая. – Таррос улыбнулся. – Но я не позволил ему. А теперь, по-видимому, придется вызвать его. Он у нас мелочный придирчивый копеечник, любящий покопаться в грязном белье.
- Что-то случилось? – спросила серьезно Эрис.
- Вы все знаете, что случилось, но молчите, покрывая учителя, который не достоин такого хорошего отношения. – закончил Таррос.
- Что Вы хотите знать? Я смогу Вам помочь?
- Может быть ты знаешь, хотя вряд-ли и скажешь, кому Яннис отдал золото, предназначенное для гарнизона? – Таррос почесал макушку, запустив загоревшие пальцы в упругие густые кудри.
- Я скажу Вам. Только не считите меня за предательницу. Учитель Яннис оказался подлецом. – холодно сказала она, удивив Тарроса.
- Интересно, почему же? – он всем телом развернулся к ней, поставив ладони на широко раскрытые колени, приготовясь слушать.

- Он сам сказал, как в своё время продал моего деда, примкнув к его палачам.
- Надо же! А можно поподробнее? – на его лице проскользнул дикий интерес.
- Не сейчас. – прервалась Эрис, сменив тему. – Мы с парнями не знали, что Вы дали золото. Мы никогда бы не взяли его. – Эрис глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза. – Если б было нужно, мы бы отказались от победы ради честного имени.
- Какая же ты благородная! – восхищенно сказал Таррос. – Но реалии жизни таковы – всё решает золото. – его голос сменился на стальной.
- Нет. Есть вещи, которые не купишь ни за какое золото мира. – вызывающе заявила она.
- Да? – ухмыльнулся командир. – Ну скажи тогда, какие?
- Честь, здоровье... – она сделала паузу. – Любовь. – уверенным голосом закончила Эрис.
- Прекрасно! – он изумленно смотрел на неё, и взгляд Эрис был решительный. – Я полностью согласен с тобой. Но с тобой не согласен старик Яннис. Так куда делись дукаты?
- Приходил какой-то нахальный толстяк с дочерью – видимо, вельможа. Он был греком, одетым по-вашей моде. Они и забрали Ваше добро. И не сочтите меня подлой – я ненавижу ложь и приемлю только правду, даже если придётся пойти против собственной матери, которой у меня нет.
- Я хочу узнать тебя поближе. – с добротой произнес Таррос. – Ты – очень интересный человек с необычной судьбой, несмотря на свою молодость. – сказал он.
- Вы тоже – необыкновенный человек. – Эрис была смущена, но простодушный тон Тарроса успокаивал её. – Каллиста многое рассказала мне... – она улыбнулась. – Кстати, как она? Как милый Джузеппе?
- У неё всё хорошо, пока Алессандро рядом. – он рассмеялся. – Скоро он прибудет, и она погрузится в печаль. Знаешь, ты очень понравилась ей. Она только о тебе и говорила. Как околдованная! – воскликнул командир.
- Она прекрасная женщина – идеал красоты и добродетели. Передавайте ей мои приветствия. – сказала Эрис.
- Обязательно передам. Но не сейчас. Сейчас у меня другая цель – как ты и говорила, здесь царит произвол. Это место позорит Кандию. Я удивляюсь, как вы умудрились победить, проводя каждый день здесь?
- Закалка и характер. Даже если создать все условия, Вы не сможете заставить слабака идти вперед и победить. – ответила Эрис. – Кстати, тот вельможа с дочерью ничем не отличился от камерленджия с Лючией. Это их здешняя копия, заточившая на меня зуб.
- Ты и тут успела? – он засмеялся. – Бесталантливых глупцов гневает твоя яркость. – заключил командир.
- Не хвалите никогда. Я никто и не стою Ваших похвал. Человек может возгордиться и стать таким же бесталантливым глупцом, как и его завистник. – промолвила Эрис, краснея.
- Любой человек, но не ты. – он вновь посмотрел на неё взглядом, в котором, кроме почтения, читалось нечто большее.
- Мне пора. – произнесла окончательно смутившаяся Эрис, встав со скамьи.
- Тогда мне тоже. – он встал следом за ней.
- Идите к Сириусу, он в конюшне – прямо и налево. Последние двери. – объяснила Эрис.
- Спасибо. – проговорил Таррос, отряхиваясь, но Эрис уже убежала, не став его слушать.
- Солнце миновало зенит и пешие тренировки с мечом прервались – всех позвали на обед. Эрис не стала проявлять любопытства, как остальные юниоры и пошла к Сириусу, предпочтя гордое одиночество.
- Милый мой! Мой верный друг... – говорила Эрис, глядя ослепительно-белого коня по гриве. – Ты видел своего настоящего хозяина? Тарроса? – конь зафыркал, словно понимая, о чем говорит девушка. – Он не забыл о тебе. Видишь – он не предатель и сдержал своё слово,

приехав к нам. – Эрис чистила его подкованные копыта железной щеткой. – Вот так, дорогой, сейчас я приберусь у тебя и...

– Эрис! – крикнул Никон. – Эрис, ты здесь? Выходи!

– Что такое?! – возмутилась капитанша.

– Ты представляешь, у нас в гарнизоне каким-то волшебным способом столы, и скамьи, и стулья появились! Прямо, как в Кастелло Кандии! – информировал Никон, взяв лопату и принявшись разгребать конский навоз вместе с Эрис. – Командир Таррос, он спрашивает тебя. – он опустил голову, рьяно вычищая грязную солому. Его светлые волосы нависли над лицом.

– Я спряталась в этой вонючей конюшне, чтоб не приходиться к казенному столу, как голодная дикарка. – буркнула Эрис, усердно проявляя старание.

– Сестра, не глупи. Это нормально – питаться здесь. Мы тратим на занятия все свое время и силы. Пашем на дружков наставника. Мы когда-нибудь уйдем воевать за Республику. Поэтому везде солдат кормят. Везде, но не у нас. А сегодня Яннис, как чувствовал, открыл столовую.

– Он просто знал, что командир сдержит слово и придет. Поэтому подготовился заранее. – заключила Эрис.

– Ты так думаешь? – спросил он, закончив чистку.

– Да. Более того, командир занятый человек и он здесь ненадолго. Когда он уйдет, таверна благотворителя Янниса прикроется. – она засмеялась, облокотившись на ручку лопаты.

– Ну сестра, ты даешь. Откуда знаешь?

– Это и Сириусу понятно, мой доверчивый братец Никон. – сказала она, похлопав Сириуса по бедру.

– Короче, давай умывайся и иди ешь. Таррос определил тебе отдельное место возле себя. – сообщил Никон.

– Что?! – вскипела Эрис. – Никогда. Я лучше останусь здесь. Вон, кони солдат нуждаются в смене соломы. – Она направилась по жаркому проходу, изобиловавшему толстыми синими и зелеными мухами.

– Сестра! Командир – упрямый человек. Иди уже, не спорь. – уговаривал Никон.

– Он что и тебе подкинул пару дукаг?! – обиделась Эрис, остановившись.

– Сестра. Иногда ты просто невыносима. – без обиды заметил Никон.

– Иди, поешь за меня тоже, брат. – попросила Эрис.

– Я б с радостью, но не смогу. – сказал Никон. – Я попрошу Эллиута, он у нас мастер. – они засмеялись и он вышел.

"Нет, ну что за человек? Вечно выставляет меня перед всеми на посмешище. Дерзкий и настойчивый командир." – рассуждала про себя Эрис, с головой погружившись в грязную работу. Прошло около получаса, и духота стала спирать её грудь.

– Эрис! – это был командир. – Я звал тебя. – он зашел в жаркие, дурно пахнущие конюшни, где насквозь вспотевшая Эрис с замотанным лицом мастерски орудовала железным совком с длинной рукояткой, приводя округу в порядок. Она вздрогнула. Девушка подняла раздраженные от пота красные глаза.

– Почему ты не пришла? – спросил переодевшийся в обычную одежду, Таррос. В котте и камизе он казался простым человеком. Но его сложение, стать и выражение лица выдавало в нём полководца. Командир, не долго думая, взял лопату в свои большие ладони и принялся помогать Эрис.

– Не стоит. Я сама справлюсь. – сказала Эрис, строго посмотрев на него. – Вы устали с дороги и должны отдохнуть.

– Я не могу отдыхать, когда ты работаешь. – сказал он. – Хочешь, я позову солдат?

– Нет. – отрезала она.

– Здесь столько сильных мужчин, почему ты выполняешь грязную работу одна? – спросил удивленный Таррос.

– Труд дисциплинирует. Люблю работать в одиночестве. Когда я работаю – предпочитаю молчать. Это помогает сконцентрироваться и выполнить всё быстро и качественно. – поделилась Эрис.

– Твои нежные руки созданы не для этого... – Таррос остановился перед Эрис, вызывающе посмотрев на неё горящими глазами. Он схватил ее совок. Она замерла, но не надолго:

– Командир Таррос! Я думала, что только Ваш дружок Алессандро пустомеля, не умеющий держать язык в узде. Но, как оказалось, Вы ничем не уступаете ему! – разгоряченная Эрис опасно повысила голос, смотря ему прямо в глаза. – Я не потерплю фамильярного отношения к себе, даже от такого уважаемого человека, как Вы! – с этими словами возмущенная поведением командира девушка с грохотом бросила совок и стремительно вышла.

Таррос опешил от такой дерзости зеленой девчонки. Он стоял и смотрел на быстро удаляющийся силуэт. Командир, привыкший к женской покорности, почувствовал зов совести и стыд. А еще он жалел, что не смог вовремя остановить свой язык и приструнить взор.

Эрис шла, не замечая ничего вокруг себя. Ее кровь кипела от негодования, она возненавидела прямолинейную наглость Тарроса. Но могла ли Эрис обижаться на него долго?

– Сестра! – позвали ее ребята с поля.

Она лишь отмахнулась рукой, подойдя к Яннису.

– Я плохо себя чувствую, можно домой? – резко спросила Эрис.

– Ну иди, иди. – подозрительно покачал головой учитель.

Из конюшен послышался строгий голос Тарроса, зовущий его солдат. Войны побежали к нему. Эрис нахмурилась и вышла из части.

Глава семнадцатая

Вечером Таррос написал письмо для Алессандро Армандо такого содержания:

"*Pax tibi, Marce Evangelista meus. *Мир тебе, Марк, мой Евангелист! (лат.)**

Здравствуй, мой лучший друг, мой хитрый лис. Не зря ты слезы лил – ты был прав, без тебя я не смог провести и дня. Но не возрадуйся, самоуверенный болван, я совсем не соскучился. Мои уши только начали отдыхать от твоей утомительной болтовни.

В Ситии есть казнокрады. И я думаю, если глубоко покопать, найдем и обезвредим целую сеть. Но чтобы знать, где копать, мне понадобится именно твой длинный нос, чующий грязную вонь, как ничей другой.

Так что собирайся быстрее, поцелуй Джузеппе и тащи свой нежный з. д в суровую Ситию. Предупреждаю заранее – не распускай свой безразмерный язык, а то укорочу.

Твоя верная противоположность, Таррос."

Он послал своего солдата гонцом, к завтрашнему вечеру ожидая Алессандро.

Командирской комнатой послужила довольно-таки милая маленькая светлая комнатка на втором этаже рабочего строения. Здесь была узкая деревянная амфикефаль, такой же узкий шкафчик и мозаичное разноцветное окно, которое не мылось, по всей видимости, со дня своего рождения. Также был стол для письма и этого было достаточно. Он спокойно спал сегодня ночью, до потери сознания вспоминая дерзкую Эрис, так легко и нагло нагрубившую ему – командиру армии острова Кандии. Он хотел исправить свою оплошность и задобрить её. Но понял, что Эрис не обычная девушка и её не купишь материальными вещами, как других женщин – она, наоборот, оскорбится, заметив подобное отношение. Он решил от чистого сердца попросить у неё прощения и больше не совершать подобных необдуманных шагов, которые могли бы обойтись ему слишком дорого, стерея и сделав тщетными все усилия, которые командир приложил к тому, чтобы сдружиться с этой необыкновенной девушкой.

Вчера Эрис в расстроенных чувствах ушла на побережье, смотреть на волны. Пробыв там пару часов, она направилась к себе. Под вечер Эрис пришла домой без настроения. Бабушка заметила это, но ничего не спросила.

Девушка предпочла вместо горевания посвятить выпавшее время уходу за собой – так её нервы успокаивались. Перед сном у Эрис были свои ритуалы красоты, несмотря на то, что занятие по жизни она выбрала далеко не женское. Она умела следить за собой, это было у неё в крови, некоторые знания смекалистая девушка черпала из редких трудов. Она узнала, как вавилонские невольницы, привозимые царю Соломону делали кожу своего тела атласной и гладкой, лишённой исконно мужских черт. И ей это понравилось, несмотря на то, что некоторые манипуляции были довольно болезненны. Красота требует жертв! После процедур Эрис совершала полное омовение и умащалась маслом эфира лаванды, которое покупала у сестренки Персиуса – в горах обильно произрастали эти благодатные цветы, дающие телу свежесть даже в самых тяжелых условиях. Затем девушка отламывала кусочек широколистного алоэ, который всегда стоял у её спального места, и протирала им лицо и шею. За прекрасной улыбкой девушка ухаживала с помощью масел – оливкового и чайного дерева, на пару с очищающей ворсистой палочкой из прутьев волокнистого дерева. Эти нехитрые приспособления и народные секреты, сохраненные на ветхом пергаменте позволяли Эрис всегда выглядеть на высоте, ибо она сама считала, что душа и тело не должны иметь изъянов, несмотря на окружающие условия. Это было частью её философии, её взгляда на жизнь, что противоречило отшельническим взглядам монахов, распространяемых среди слепо верующего населения и активно культивируемых последними. В Европе, да и в других местностях пилигримы делились с простолюдинами тонкостями самобичевания и пренебрежением элементарных правил чистоты, полагая, что это приближает их к Создателю. Эрис наоборот, считала, что если перед

любимым хочешь быть безупречным, то перед Господом – и подавно. Бабушка ругала её за подобные суждения, считая их богохульством. Но упрямая девушка лишь смеялась, спрашивая её, не мешают ли вши сосредоточиться отшельникам на молитве, из-за чего опять получала нагоняй. Эрис придерживалась своего мнения во всем, наживая противников даже среди самых близких людей.

На рассвете Эрис, как обычно, выполнила свои занятия по дому и направилась в гарнизон, надев свою маску строгой сдержанности. Необыкновенное волнение давило ей на шею.

Она вошла внутрь – привычно прибыв раньше всех. Она всегда из свободной лиги приходила первой. Старый сторож спал. Он не требовался здесь, в части – это был просто выживший из ума старик, которому сердобольные военные подкидывали дешевого вина. Говорят, он сам когда-то воевал, даже был героем. Старик все еще считал себя частью армии. Поэтому-то его и не выгнали. Приставили для него сторожку. Сидит выпивоха в ней днем и ночью, полагая, что все еще охраняет объект. Печально и противозаконно...

Вчерашние часовые еще дежурили. Кивнув им с достоинством и выдержкой, Эрис направилась в уделенное специально для нее маленькое тёмное помещение каструма – так они с ребятами в шутку называли часть, на древнеримский лад.

Войдя, она скинула свою плащевку. Аккуратно повесив ее на гвоздь, Эрис взяла старые простенькие латы. Надев щитки-поножи, принялась одевать броню и нарукавники. Эти движения были настолько отработаны, что выполнялись не осознанно, на автомате. Взяв свои ножны, она прикрепила их к тугому поясу. Проверив, в порядке ли меч, одела новый закрытый шлем и направилась к выходу.

Таррос уже давно был на ногах. Утро было довольно свежим и сегодня по плану была реставрация забора по всему периметру. Командир, одевшись в рабочую одежду, случайно взглянул в разноцветное пыльное окно – на площадке пока не было никого, ни учителя, ни ребят. Но вот своей прямой уверенной походкой летит Эрис. Что она делает? Как ему подойти к этой колкой девушке? А если она опять нагубит? А может, применить авторитет?

Нет, ерунда. Её противостоящий всему характер усугубит всё, лишь только Таррос покажет силу...

Так или иначе, он вышел. Сердце его громко стучало, как у неискушенного мальчишки, но он глушил свои эмоции.

Эрис вытащила меч. Она разминалась, принеся второй из подсобки, молниеносно, со свистом разрезая воздух блестящей сталью. Кисти её рук были расслаблены и подвижно крутились в запястьях. Таррос встал на пороге и тихо наблюдал, как она, стоя к нему спиной, мастерски лавирует сразу обоими оружиями, создавая вокруг себя мелькающую непроходимую преграду – стоит подойти поближе, и ты упадешь, сраженный. Так же и с самой собой – Эрис выставила невидимую преграду любому, кто хочет приблизиться к ней. И точно также поражает словами и поступками, отбивая всякую охоту стремящегося. Но Только не у командира. Он решил, что несмотря ни на что, добьется ее расположения.

– Эрис! – прямо за собой ей послышался знакомый голос.

"Ну почему он такой назойливый?" – подумала девушка, и от резко нахлынувшей неуверенности в себе её мечи запутались друг о друга и с лязганьем упали на песок.

– Приветствую Вас, командир Таррос. – не смотря на него, ответила Эрис.

– Здравствуй. – он перепрыгнул через барьер, дав мощный толчок сильными ногами и оперевшись правой рукой на высокую перекладину.

– Не стоит, я сама. – Эрис холодным тоном остановила командира, поднимающего ее мечи, но не успела – один оказался в его руке.

– Я хотел помочь. – тихо сказал он, смотря на свои ладони.

– Я не нуждаюсь в чьей-либо помощи, командир. Благодарю. – она принялась быстро жонглировать одним мечом, сияние которого образовало вокруг неё круглый ореол.

– Капитан в шлеме, ты прекрасно владеешь гладиусом. – заметил Таррос.

– Не идеально. – отрезала она, медленно уходя от него, не прекращая своих действий.

– Эрис! Остановись на мгновение! – он не хотел повысить тон, но его голос привык к грубости.

Эрис замерла. Её нутро вздрогнуло от такой резкости.

– Что Вам нужно? Приказывайте. – ответила она, развернувшись и вставив меч в ножны.

– Я не приказывать пришел. – он помолчал немного. – Я извиниться хочу. За вчерашнее. – Его выражение лица было пристыженным, вызвавшим в девушке сочувствие. Он смотрел на неё с какой-то опаской, видимо боясь, что она снова выкинет какую-нибудь штуку.

– А что, вчера что-то случилось? – спросила она, сняв шлем.

– Я... Ну ты же сама знаешь, не делай из меня идиота, Эрис! – его голос стал нервно срываться.

– Вам же нравилось, когда я это делаю. – она посмотрела на него. – Стыдно озвучить вслух то, что вчера натворили? – её брови поднялись, а лицо не выражало эмоций. – А вот я ничего не помню. – просто ответила она, пожав плечами.

– Как ничего?

– Вот так. – она выхватила из его руки меч, без опаски взяв за острие.

– И ты не помнишь, что я сказал? – удивленно спросил Таррос.

– Не помню. – она помахала головой из стороны в сторону. – Но моя память может вернуться, только если Вам будет угодно. – она глубоко вдохнула. – Зависит от Вашего поведения! – воскликнула Эрис, улыбнувшись. Таррос заметил маленькую милую ямочку на её белом подбородке. Он улыбнулся в ответ.

– Как же ты так просто меня прощаешь?

– Я ненавижу злопамятных людей. Не переношу их. Если человек искренне раскаялся, следует пойти ему навстречу.

– Ты молодец, капитан в шлеме! – воскликнул он.

– Командир, наверняка у Вас много дел.

– Я уже ухожу. – сказал он.

– Я буду помогать. Поручите мне дело. – уверенно сказала Эрис, положив второй меч на плечи и повесив руки на нём. – Не считите меня за арделию, это позор.

– Хорошо. – он не мог не улыбнуться от её слов. – Обязательно позову тебя, Эрис. – он быстро ушел своей легкой, раскидистой походкой.

Эрис продолжила свои занятия и постепенно на поле стекался полтинник юниоров, под командованием Янниса начавший занятия.

– Учитель Яннис! – это был один из воинов Тарроса. – Командир приказывает Вам прекратить учения и построить юниоров, предоставив их ему. – сухо сказал солдат, лишенный чувств. Эрис узнала его – это был тот самый постовой у маяка. Ей стало и смешно, и стыдно. Глупая улыбка расплылась на ее личике, и не успела она принять серьезный вид, как армеец взглянул на юниоров, узнав её в толпе.

– Ответьте, что я уже построил. – ответил недовольно Яннис, крикнув ребятам на построение. Солдат ужасно смутился и поспешил уйти, замешкавшись и чуть не упав по дороге. Эрис и Атрей рассмеялись, их поддержал Никон с ребятами. Яннис заистерил и пришлось замолчать. Ему не нравилось, что сюда, к ним в Олимпию приехал человек, стремящийся всё поменять, ведший себя, как хозяин. И его раздражали его трудармейцы – заикленные на работе, чинные и угрюмые. Их громкие хоровые голоса в переключке и декламации устава доносились эхом от далеких строений. А может, это была банальная зависть – не каждому дано стать выдающимся наставником.

Из-за угла вышел Таррос со строем своих солдат. Их вид был торжественный и благородный. Вчера они до позднего вечера рубили, пилили и обрабатывали древесину, превращая

её в штампованные доски для забора. Сегодня в плане командира было установить каменное основание и поставить ограду. Они ровным строем, громко маршируя, остановились.

– Яннис, мне нужны ребята, чем мы быстрее закончим, тем лучше! – сказал Таррос.

– Да командир, они в Вашем распоряжении! – с этими словами он удалился.

Юниоры стояли смиренно, ожидая приказа. Таррос обошел их подобно тому, как дело было в Кандии в его крепости.

– Сейчас мои солдаты будут ломать старый забор. Вы будете стаскивать обломки в общую кучу. Потом принесете им камни – их вчера ночью привезли с каменоломни. Они находятся в той стороне гарнизона.

– Это что нам тащить аж от переднего входа! – воскликнул Персиус.

– Это сказал ты? – он развернулся, бровью указав на него.

– Да! – спесиво ответил тот.

– Юниоры Каннареджо! Я нашел двадцать ручных тележек. Двадцать парней будут везти камни. Двадцать первый – ты. – он посмотрел на Персиуса, сжигая глазами. – Ты будешь нести камни на своей спине. И только посмей не догнать тележечника и пропустить свою очередь – столкнешься с моей плетью. – закончил он. Персиус вскипел и вспотел, но не мог ничего ответить, ведь перед ним стоял сам главнокомандующий.

– Десять человек будут загружать камни. – продолжил он. – Десять будут мешать закрепляющий состав. Осталось восемь.

– А я? – звонко спросила Эрис. – Нас не восемь, еще девять. Я буду работать с Вами.

– Ты не будешь таскать тяжести. – отказал командир.

– Это несправедливо! – высказалась Эрис. – Я буду работать наравне с братьями! – продолжала она. – Я привыкла!

– У меня для тебя есть более важное задание. Я смотрю, ты очень внимательна. Сейчас пойдешь и проконтролируешь, как юниоры выполняют порученное. Затем по списку, ты ведь умеешь читать? – он вопросительно посмотрел на Эрис и она кивнула. – Распределишь стройматериалы по периметру округи. Здесь всё указано. – командир вытащил чертеж и отдал Эрис. Та начала бегло изучать его. Она свернула пергамент. Тарросу показалось, что слишком быстро. – Что, ты уже всё?

– Да.

– Как так? – удивился он.

– Камней – тысяча шестьсот. Всего сорок солдат. Каждый должен будет уложить сорок штук. Каждый юниор должен пройти мимо меня по восемь раз, если будет грузить по десять штук за раз. Досок на каждого солдата уйдет по двадцать две. С учётом запаса. – хмуро и быстро говорила она, смотря перед собой.

– Я же не указал всего этого?

– Зато Вы указали периметр части, высоту кладки, размер и количество камней. Также ширину доски. А я посчитала солдат. Ну что тут удивительного, ей-Богу, командир? – Эрис стало смешно.

– Смекалка – оружие безоружного на войне. – он довольно покачал головой. – Ключ к выживанию. Давай, по местам! – его голос был грубый и громкий.

Солнце начало палить и ветер заносил глаза острым слюднем. Эрис, по обыкновению, замотала свою голову и лицо – так ей было комфортней в обществе воинов. Ее невозможно было отличить от шустрого сухого мальчугана пятнадцати лет. Только ростом девушка была долговяза. Она сняла доспехи, оставив тяжелую кольчугу, которая нагревалась под палящими лучами, но сколько бы друзья не уговаривали её, Эрис не слушалась, работая в ней. Остальные остались в легких льняных грубых деревенских рубахах.

Тяжело же было уследить за всем, успеть посчитать и посмотреть, чтоб нигде ничего не упустить – уж лучше бы Эрис таскала камни. Рассчитав, на расстоянии скольких шагов должны

быть войны друг от друга, Эрис сообщила командиру, и он поставил солдат. Девушка оседлала Сириуса – ей было нужно успевать с парадного входа до их места, и дело пошло быстрее. Все работали рьяно и слаженно. Только Персиус пытался испортить ей настроение. Он подмечал, когда командира не будет рядом и ленился, сбивая очередь в рядах. Но брат Никон и Аргос были тут как тут, иначе конфликта было бы не избежать. Эрис сама поставила Персиуса между ними, где один являлся авторитетом, второй – другом детства для спесивого парня. Эрис не внесла в расчёты пешего Персиуса, зная заранее, что толку от него будет мало.

Ахиллес же работал молча, насупившись, как бык. И внешность у него была подобная – широкий и с грузными мускулами, с кудрявой головой на короткой толстой шее. Немой взгляд, нестандартный прикус и круглые ноздри – всё создавало схожесть с озлобленным быком. Только ему не хватало духа, как Персиусу, постоянно заявлять о себе.

Эрис еле успевала контролировать всех юниоров. Оставшиеся восемь, под руководством девушки, стаскивали доски к указанным местам. К обеду основание было выложено – крепкое и вечное на вид, его не сравнить с тем ветхим убожеством, что было здесь ранее.

Уставшие воины и юниоры пошли обедать. Эрис, под предлогом пойки Сириуса, ускользнула к каналу. Беззаботно растянувшись, отдыхая в тени дерева за строениями, под храп и хруст щипающего траву коня, она не заметила, как сзади к ней подошёл Таррос.

– Что ты тут делаешь? – спросил он издалека, не желая испугать, либо разозлить её.

– Командир! – она резко соскочила с места, встав по стойке смирно.

– Командир-командир. Иди обедать, как положено – вовремя и со всеми. – голос его звучал сердито и он приблизился.

– Я не голодна. – помотала головой Эрис.

– Не верю. Ты что – не человек? – он улыбнулся.

– Спасибо за Ваше внимание и доброту, я не хочу есть. – продолжала Эрис.

– Слушай. Перестань упрячиться, это выглядит смешно. – он посмотрел на нее просто и дружелюбно.

– Я не могу пойти. – Эрис опустила голову. Она не хотела продолжать эту тему.

– Ну почему? – Тарросу было непонятно такое поведение.

– Я не могу сказать. Я не голодна, я же говорила, что тут непонятного? – её брови нахмурились, и она возмущенно посмотрела на командира, вторгающегося на личную территорию её души.

– Юниор! Ты забываешься! – он был разозлён. – Бегом в столовую! Это – приказ.

Она покраснела:

– Нет! – и резко плюхнулась на землю, отвернувшись в сторону канала.

"Боже, ну что за противная девчонка! Дай терпения." – думал Таррос.

Эрис ожидала ругани. Но, вместо этого командир спокойно сел рядом с ней, смотря на журчащий ручеек. Дыхание Эрис перехватило и она сжалась в комок, поджав ноги и обняв себя руками.

– Здесь прохладно. – тихо сказал он. – Ты любишь одиночество, я прав? – Таррос посмотрел на нее. Она покачала головой. От стыда перед мужчиной её глаза прямо заслезились.

– Да что с тобой такое? – воскликнул он. – Ты что, меня боишься, что-ли? – он засмеялся.

– Вас? Никогда в жизни! – её голос опять зазвучал вызывающе – она села свободнее и растерла пару слез, успевших выбиться наружу.

– А кого боишься, что не идешь обедать, когда подадут? А?

– На это есть не одна причина. – наконец Эрис начала сознаваться, не смотря на Тарроса.

– И какая же? – настаивал он. Она молчала, насупившись. Затем начала:

– Во-первых – меня замучает совесть, если я буду есть еду из казны. – призналась девушка и брови Тарроса высоко поднялись в глубоком удивлении. Его шутовское выражение лица приняло серьезный вид.

– Я же говорила, Вы меня не поймете! – обиделась она.

– Я понимаю тебя. – он посмотрел на Эрис убеждающим взглядом. – Продолжай, пожалуйста.

– Во-вторых – мне стыдно есть перед людьми... Я буду выглядеть недостойно и глупо. – она покраснела еще больше. Таррос заулыбался – его умилили эти забавные слова.

– В-третьих – я просто подавлюсь, если на меня кто-то посмотрит. И вообще, больше не спрашивайте и не уговаривайте, всё равно – не пойду. – заключила она и от откровения на её душе осталось противное пятно. Это был первый человек, с которым Эрис откровенничала.

– Нет. – он замотал головой. – То, что ты удивила меня – этого сказать мало. – он продолжал улыбаться. – А дышать-то ты не стесняешься?

– Если громко – то да, стесняюсь. – она улыбнулась, смотря на него, обнажив свои крупные сияющие зубки.

– Нет, всё-таки ты – удивительная девушка... – Таррос посмотрел на неё, но сразу же отвел взгляд, который мог бы снова обидеть Эрис. – Знаешь, насчёт казны – посмотри, как воруяют другие, где их совесть? – спросил он, не глядя на неё.

– Вот – всё начинается с таких мелочей. С куска хлеба. – сказала она. – Есть бедняки, которые нуждаются в помощи властей больше, чем мой желудок, способный прокормить себя сам. – заключила она, опять став крайне серьезной.

– А ты принципиальная. – задумчиво произнёс Таррос. – Но твоя мизерная порция, выданная за тяжелый труд, плата которого гораздо больше, не уменьшит казну и не спасет обездоленного. Есть – это естественно. Еще естественней – есть в обществе. Что за глупости в такой умной голове? – он слегка постучал по ее виску согнутым пальцем, разбавляя обстановку. Эрис увернулась, улыбнувшись.

– Не могу переступить через себя. Я подавлюсь на Ваших глазах и Вас замучает совесть. – с гонором сказала Эрис, вызвав приступ смеха Тарроса.

– Ох Эрис, Эрис. – он принял сосредоточенный вид. – Если по-серьезному. – Таррос развернул туловище, смотря прямо на неё, отчего Эрис снова стало неловко, но она сдержалась. – Боязнь принимать пищу при людях – вид боязни людей. Один из видов социофобии. Как ты собираешься стать выдающейся личностью – а у тебя есть все задатки и шансы для этого, если будешь продолжать бояться их? Ответ пожалуйста.

– Я не боюсь людей. – она промолчала. – Я боюсь опозориться. Боюсь выглядеть глупо и смешно, боюсь показать свою слабость. – ее глаза снова заслезились.

– Если бы ты видела себя со стороны, то никогда бы не додумалась до этого. Ты хоть осознаешь, что будучи девушкой, сумела одержать верх над всеми, перед народом, перед правителем? И здесь – столько воинов, а ты среди них одна единственная, держишься молодцом со стальными нервами. Я тебе завидую. По-хорошему. В твои-то годы и такое поведение... Честно! – снова воскликнул он. Таррос не просто поддерживал её дух, он сказал то, что думал.

– Но всё равно. Что-то мешает мне. – она опять погрузилась.

– Слушай, солдат. Это что-то – исключительно то, что у тебя внутри. Ты сама это выдумала, найди и выброси. Понятно? – его голос звучал уверенно и задорно. – Так что давай, не ленись, вставай и пошли! – он резко поднялся, протянув ей руку. Эрис подняла на него свои добрые красивые глаза. Видно было, что она решала – взять ли ей его ладонь?

Эрис протянула свою руку, не улыбаясь. Таррос хотел было потянуть её, помогая встать, но сильная девушка, не нуждаясь в помощи, вскочила сама и ее нежная тонкая рука быстро выскользнула из грубой ладони командира.

– Спасибо. – тихо сказала Эрис, выйдя вперед Тарроса, не оглядываясь. Он возликовал – хоть такая сдержанная, но всё равно, это его победа. Маленький, крошечный шаг к прекрасному будущему. Его глаза на миг загорелись пламенем, которое он скрывал ото всех, но Таррос тут же потушил его, не желая снова быть пристыженным и приструненным Эрис.

Она до сих пор ощущала Тарроса – руку Эрис жгло от этого простого прикосновения. Казалось, ее кисть сейчас покраснеет и распухнет, но конечно, этого не случилось. Ей было неловко и непривычно – она чувствовала, что Таррос питает к ней интерес. И самое постыдное для нее было признаться себе, что его интерес – взаимный...

Глава восемнадцатая

Они пришли в столовую. Эрис вымыла свои лицо и руки, полив воды и Тарросу. Взгляды солдат устремились в их сторону. Юниоры уже доедали последние ложки своих порций, оставив после себя послеобеденный разгром. Никон и Георгиус принялись свистом зазывать Эрис, махая рукой. Но она, глянув на их тесный стол, мягко говоря, неряшливый, улыбнулась с жестом извинения, отказав.

– Эрис, садись со мной. – предложил Таррос, выдвинув стул. Этот маленький стол стоял особняком у самых окон раздачи. Эрис замешкалась, ища глазами место. Никон снова замахал, к его зову присоединились Софос и Аргос. Но там вообще невозможно было протиснуться, и девушка отказала. Вздохнув, она села за его столик, взяв другой стул и отвергнув помощь командира. Таррос ухмыльнулся, другого и не ожидая.

Дежурный молча принёс две порции рыбной похлебки и два куска хлеба.

– Ешь и разоряй Венецию. – засмеялся командир. Эрис нахмурилась.

– Καλή όρεξη. *Кали орекси – приятного аппетита греч.* – сказала она, взяв ложку после него.

– Buon Appetito. *Приятного аппетита(итал.)* – ответил он, улыбаясь.

Таррос молча начал обедать так, как ранее заметила Эрис, наблюдая за ним в Мегалокаструме. Она сидела и ковырялась в еде ложкой, разглядывая жемчужные переливы на поверхности супа. Командир почти закончил.

– Эй, солдат. Ты ведешь себя, как девчонка. – он нахмурился. – Слушай и запоминай – есть в одиночестве так же ненормально, как ходить в уборную вдвоём. Всё понятно?

– Да. – тихо проговорила Эрис, медленно набирая ложку. И пока она несла эту ложку до рта, ей всё время мерещилось, что сейчас суп расплескается на одежду или стол. И что все на нее смотрят. Хотя никому никогда и дела нет до жующего сослуживца.

Таррос краем глаза наблюдал за ней, не подавая вида. Ее манера принимать пищу была очень аккуратной.

– Эрис. Вот видишь, тебе нечего стесняться. – начал он разговор. – Я понимаю, если б ты ела, как тот парень, – он указал на Эллиута, улыбаясь. – тогда б еще можно было постесняться. Но для простолюдинки ты слишком хорошо воспитана. – продолжил командир, взявшись за воду.

– Спасибо от имени всех ребят. – сказала Эрис, не съев и половины порции.

– А мне то за что? – он удивленно посмотрел на неё.

– За всё. – она помолчала, добавив. – Вы умеете убеждать, подобрав нужные слова.

– Не выкручивайся. Думаешь, я не знаю, что в Ситии солдат не кормят? Яннис – хитрый человек, подуставший врать к старости.

– Откуда Вы узнали?

– Посмотри на эти чашки. – он поднял свою, крутя в воздухе, капнув остатками на стол. – Их только пару дней назад купили. Или столы – они пахнут смолой. И эти доходяги... – он указал на парней из запаса. – Он думает, что мы – столичные глупцы. Нам невозможно пустить пыль в глаза. Я говорю это только тебе, потому что доверяю. – поделился Таррос.

– Спасибо за доверие. – сказала Эрис, пряча взгляд.

– Ты что, всё что ли? – разочарованно спросил Таррос. – Тебя что, надо с ложки кормить? – он выкатил на нее свои синие глаза.

– Ну перестаньте... Мне хватает. Эллиут! – она передала свою тарелку, и тот, поблагодарив, принялся доедать.

– Ты молодец, парни уважают тебя.

– Я здесь с шести лет. Уже десять лет, как я в Олимпии. – откровенничала она. – Это больше, чем они. – она указала на стол юниоров. – Только Персиус, Аннас, Аргос и Атрей пришли на день позже меня. Но были периоды, когда они надолго бросали занятия.

– Ты для них авторитет. – заметил командир.

– Иногда приходится быть грубой и задиристой. Как парень. То есть, почти всегда.

– Но этот смугляк, Персиус похоже – он противится. Он намного старше тебя?

– На шесть лет. Он не всегда был таким. – Эрис нахмурилась. – Он на протяжении долгого времени был для меня, как брат. – сказала Эрис.

– Это он хотел стать капитаном Каннареджо? – полюбопытствовал Таррос.

– Да. Как Вы догадались?

– Спесь и самоуверенность написана на его лице. – ответил он. – Но не только это заставило его покончить с братскими чувствами. – спокойно проговорил Таррос, попивая воду.

– Что? – Эрис вздрогнула. – А что же еще, по-вашему? – она снова возмутилась.

– Сама знаешь. – провокационно бросил он, подняв на нее глаза.

– Я уйду, командир. – пригрозила девушка, отводя глаза.

– Нет-нет! Не уходи. Вечером придет венецианское помело и нам больше не придется посидеть за обедом так непринужденно. Прости за откровенность. Я говорю только то, в чем уверен. Ты же любишь правду?

– Какой бы тяжелой она не была. – вздохнула Эрис, снова посмотрев на него. – Но о таких вещах мне больше не говорите! Теперь я ненавижу Персиуса. – она гневно покосилась в его сторону, и этот гнев был искренним. – Я еще поквитаюсь с ним. – покачала она головой, буркнув последние слова себе под нос, скрывая его в кружке. – И больше не заставляйте меня краснеть! – она подняла левую бровь, и выражение ее лица стало пацанским. Что, по мнению Тарроса, придавало ему еще больше миловидности.

– Почему ты выбрала военное дело?

– Я знала, что Вы спросите. – она улыбнулась. – С раннего детства я считала, что солдат – это защитник слабых и угнетенных. Что он – герой, вышедший из народа. – она говорила воодушевленно и смотрела в никуда перед собой, сложив руки на столе. Таррос заметил крошечные родинки на её правой щеке и слева над губой. А когда она повернулась ранее – одно большое темно-коричневое, почти черное пятнышко на шее, за правым ухом, размером с ноготь.

– Что-то же должно было тебя подтолкнуть? – настаивал он.

– Мой дед был военным. Хорошим военным. Но это долгая история. И я знаю его только по рассказам.

– И всё?

– Нет. У меня был брат. Нас развела судьба. Он – размазня. Он был старше меня на три года и всегда дрался со мной. – она задумалась. – Я не могла уступить ему, потому что он был несправедливым. И не хотела быть слабохарактерной, как он.

– Куда смотрели твои родители? – удивился командир.

– У меня нет родителей. – Таррос смутился:

– Прости... – его лицо приняло выражение сопереживания.

– Вы что? – задорно спросила она, пряча боль. Но Таррос все понимал. – Я привыкла, и мне ничуть не больно. – Эрис продолжила. – Мой отец – генуэзский пират. Я не помню его. Родители расстались. Мать – здешняя. Она оставила меня в детстве, забрав брата. Но перед этим я напросилась сюда и заняла его место.

– Интересно. Так ты у нас полукровка? – с энтузиазмом спросил Таррос.

– Получается, так. Но я не считаю, что меня что-то связывает с отцом. – она опять нахмурилась.

– Кто тебя вырастил?

– Мать моей матери.

– Спасибо ей за воспитание. – Таррос смущенно улыбнулся.

– Знаете, раз уж Вы потянули меня на откровенности, я расскажу Вам, что вдохновило мой дух.

– Я весь в нетерпении. – он приблизился и занял позу внимательного слушателя. Юниоры смотрели на них, и друзей Эрис эта картина совсем не смущала, наоборот – они радовались, что их капитаншу так уважает главнокомандующий острова. Только Персиус был в бешенстве, которое выразилось на его лице и в настроении. Сидящий рядом лживый Ахиллес тоже бесился, только не подавал вида.

– Моя мать с нами скрывалась от отца в Хандакасе. Хераклионе.

– Кандии?

– Да-да. В Вашем городе. Мне было тогда три года. – Таррос напрягся. Он будто бы что-то почувствовал. – Мы были на пристани в тот знаменательный день, когда на наши земли впервые вступили войска колонизаторов. – Командир сосредоточенно нахмурился. – Я помню, как мать оставила меня с братом и куда-то ушла. Потом помню сильный толчок в спину – как раз тогда, когда я в первый раз увидела рыцарей на конях! – она широко улыбнулась.

– Ты помнишь, что было дальше? – лицо Тарроса стало изумленным – радостным и напуганным одновременно. Будто бы только что на его глазах свершилось великое чудо.

– Да. Но смутно. Я помню воина – у него глаза были похожи на Ваши. Точно такие-же... – она покачала головой. – Холодная сталь его доспехов, добрый голос... Я не испугалась, просто меня конь чуть не раздавил. – ее спокойствие удивило командира. – Но с того дня я решила, что непременно должна стать солдатом. Непременно. Так уж его благородный вид понравился мне. Он спас меня.

– Ты веришь мне? – серьезно спросил командир.

– А что? – смутилась она.

– Просто да или нет. – спросил Таррос.

– Да. Конечно. Вы не можете обмануть. – ответила Эрис.

– Почему ты так думаешь? – спросил командир.

– Ну Вы же воин. Благородный воин. Рыцарь. – уверенно сказала Эрис. – Вы не похожи на лжеца.

– А поверишь, если я расскажу, что было дальше?

– Что?! – удивилась Эрис.

– Твоя мама, вместо того, чтобы обругать твоего подлого братца с янтарными глазами, ударила тебя. Прямо по лицу.

– Что Вы такое говорите? – она подняла брови, крайне удивившись.

– Она выхватила тебя из моих рук и бросила на землю. Ты не упала и не заплакала. – он рассмеялся. – Настоящий воин! – он мотал головой, словно не верив, что сегодняшний разговор был реальностью.

– Это что, были Вы?! – изумленно спросила Эрис так, что юниоры оглянулись.

– Тихо-тихо. Да. Я помню тот день, как сегодня. Тринадцать лет назад мы первыми вступили на этот остров. – он задумался. – Мой глупый конь чуть не раздавил тебя!.. И такой же глупый Алессандро так истошно заорал. – он вновь засмеялся и капельки пота заблестели на его высоком лбу. – Он подтвердит, если не веришь.

– Верю. – уверенно и спокойно покачала головой Эрис. – Сколько Вам было тогда лет? – полюбопытствовала она.

– Девятнадцать. Мне было девятнадцать, а Алессандро двадцать два. – сказал он, и было видно, что Таррос немного смутился.

– Это больше, чем мне сегодня. На три года! – засмеялась Эрис. – И на шесть.

– Что смешного? – оскорбился Таррос. – Я что, по-твоему, такой старый?

– Нет-нет. – быстро проговорила она. – Я не это имела в виду. Простите. – Эрис покраснела и опустила голову.

– Я вытащил тебя из под коня тринадцать лет назад, а ты меня – совсем недавно. – он задумчиво улыбнулся. – Я думал, я должен тебе. Оказывается, мы – квиты. – он рассмеялся. – Чем чёрт не шутит! – воскликнул он.

– Или Господь? – спросила Эрис.

– Или Господь. – согласился он, опять смелея взором и девушка встала, схватив его принадлежности.

– Я уберу, командир. Что-то все засиделись. Пора работать, время не ждет. – сказала она, внезапно развернувшись.

– Да. Точно. Юниоры! – громогласно произнес Таррос. – Подпоясались и на выход! Давайте закончим быстрее! – крикнул он и поднялась суматоха.

На площадке стояла несусветная жара. Поднялся горячий ветер, мотающий кроны привыкших к жаркому климату, деревьев. Песок, гонимый вихрем, окрашивал атмосферу в оранжевый оттенок. В такую погоду Эрис обычно чувствовала разбитость. А когда был дождь с ветром – наоборот, прилив сил. Но девушка не сдавалась. Присутствие командира дразнило её гордость. Эрис вскочила на Сириуса и направилась работать дальше. Солдаты Тарроса были такими же стойкими, как и их командир. Они не показывали усталость, не разговаривали, не конфликтовали. Армейцы не позволяли себе лишних взглядов, слов и действий – дисциплина и организованность бросалась в глаза.

На закате были сделаны последние штрихи в мощное творение. Ветер утих. И без того загоревший командир сегодня был изжарен докрасна, до костей пропотев на критском солнце. Он всё это время работал в одном ряду со своими подчиненными. Таррос приказал Эрис разжечь костер из ветхого хлама. Она, достав огниво и подкладывая кудрявые обрубки и острые щепки древесины, зажгла пламя. Дневное светило зашло за горизонт, оставив персиковые наброски на синем, темнеющем с каждой минутой, полотне. В них отчетливыми вкраплениями бросались в глаза апельсиновые брызги заката. В этот момент пламя из сухой древесины с гулом и треском пронзает сумеречные небеса. На его ярком фоне быстро и незаметно растворяется вуаль прошедшего рабочего дня – опускается тихая прохлада тёмной ночи.

Дым, разносимый по округе, щипал носы и раздражал глаза люду. Юниоры, закончившие дела, облепили Эрис и её огромный костер со всех сторон. Девушка сидела на длинном бревне, иногда вставая и безжалостно запуская в пламя подмогу из оставшегося строительного мусора. Таррос сел поодаль на землю, спиной к ребятам, и его голову поливал холодной водой такой же уставший солдат. Командир то и дело поворачивал лицо в их сторону, а именно – он поглядывал на строгую девушку, умеющую достойно держаться при людях. Она чинно села, положив правую ступню на левое колено, скрестив руки на груди, что придавало ей вид авторитетного парня посреди верных соратников. Эрис наконец развязала лицо и сняла грубые перчатки. Георгиус подносит ей воду. Она бесцеремонно просит кузена лить ей на затылок. Таррос залюбовался девчонкой, которая даже не обтёрлась, помотав головой, как кошка. А еще учила, чтоб его не продуло. Он улыбнулся.

– Командир. Я могу идти?.. – попросил воин.

– Иди, конечно. – Таррос встал и направился к костру.

– Смотри, сестра. Командир идёт. – сказал тихо Никон, указывающий на направляющегося к ним Тарроса.

– И что? – нагубила Эрис, делая вид, что не замечает его.

– Эрис. Ты же знаешь, ты мне ближе моей собственной близняшки Ники. – продолжил друг.

Эрис нахмурилась, и глаза ее гневно запылали, отражая пламя.

– Сестра, берегись его. Я не доверяю ему. – прошептал Никон, склонившись к Эрис. – Он – хищник, это же твои слова...

– Если хочешь лишиться моей дружбы, любимый брат, продолжай в том же духе. – зло сказала Эрис.

– Ты поймешь когда-нибудь... Я хочу, чтобы ты всегда оставалась такой, какая сейчас. Чтобы ничего не омрачало твое сердце – оно чисто. В отличие от чужих. Поэтому ты не замечаешь.

– Слушай! – Эрис повернулась к нему, приняв агрессивную позу. – Я всегда буду с Вами. Тем кем есть. Обещаю. Ты это хотел слышать?

– Сестра. На этот раз твоё упрямство сыграет против тебя. – Никон встал, без злобы покачав головой и сел напротив – к Филону и Азариусу.

– Ребята! – воскликнул подходящий Таррос, обращаясь к юниорам. – Я благодарю вас за помощь.

– Не стоит. Это Вам спасибо. – сказал Атрей, искренне смотря на него.

– Командир. – Эрис позвав его, встала. Он посмотрел в ее сторону. – Мы закончили. Уже поздно. Разрешите домой?

– Нет. Вы еще не закончили. – Ребята переглянулись. – Осталось еще дело. Я приказал для вас приготовить ужин. Поедите и уйдете домой.

– Я тороплюсь. Солнце уже зашло. – попросила Эрис.

– Получасом раньше, получасом позже – ничего не поменяется. И костер еще не догорел. Досмотришь и пойдешь. – настоял Таррос. – Эрис села на место.

– Можно? – спросил Таррос, указав на пустующее место Никона между ней и Георгиусом. Эрис подняла взор. Она выдержала недолгую паузу:

– Пожалуйста. – она немного сдвинулась к краю бревна – дальше было некуда.

Юниоры продолжили болтать о своем, непринужденно смеясь. Персиус озлобленно косился на Тарроса, но тот своим немым властным взглядом приструнил его.

– Эрис. Я всё еще нахожусь под впечатлением от услышанного сегодня. – сказал он, смотря на огонь, языки пламени которого бегали и искрились в его влажных глазах.

– Я тоже. – ответила Эрис, смотря перед собой. Её мокрые волосы, накрепко собранные, кое-где прилипали к светящейся коже, на которой отражались желто-красные цветы костра. Он повернул к ней голову – лицо ее оставалось невозмутимым. Таррос чувствовал огненный жар, неописуемо отражавшийся в её глазах.

– Смотри. – он указал на искры, поднимающиеся к черному пологу. – Видишь эти светящиеся искры?

– Вижу. – сухо ответила Эрис.

– Они вроде бы простые на первый взгляд, но все же неописуемо красивые, ослепляющие взор. Она ускользнет во тьму, а в твоих глазах остается памятный след... – Эрис нахмурилась. Георгиус только что встал, подсев к Никону. Парни беседовали о своём – о работе, вкусах и интересах. – Если такая искра упадет на тоскующую сухую траву – вызовет пожар. Огромный, всепоглощающий... – Эрис сосредоточенно придумывала колкость, но не хотела грубить при ребятах. – Они сгорят в унисон. И если всего одна единственная искорка попадет в сердце однажды – очень больно обожжет, поразит его, искалечив на всю оставшуюся жизнь.

– Вам что-то нужно? – резко спросила Эрис, нагло и прямо посмотрев в глаза Тарросу, отчего тот опешил.

– Да... – он покачал головой. Его взгляд был немного отчаянный и безумный. – Эрис глубоко и нервно вздохнула, соскочив с места, но тут же услышала:

– I miei giovani amici e un anziano comandante, vi saluto tutti in questa bellissima serata! – это был веселый Алессандро, стоящий за ее спиной. – Кому перевести? – он раскинул руками, ораторствуя и тараторя одновременно.

– Мои юные друзья и престарелый командир, я приветствую вас всех в этот прекрасный вечер! – ребята повставали с мест, одобрительно встречая его.

– Ты, как обычно, невовремя. – сказал Таррос, встав и протянув правую руку. Алессандро схватил ее и они обнялись, смеясь и хлопая друг друга по спине.

– Leo, vedo che non perdi tempo invano! *Лев, я смотрю, ты не теряешь времени зря! (итал.)* – тихо проговорил Алессандро на ухо командира, отчего тот сжал его так, что его рёбра чуть не треснули. – Stai calmo, sto scherzando!!! *сохраняй спокойствие, я шучу!!! (итал.)* – командир отпустил его. Алессандро перелез через бревно и хотел сесть, как Таррос, сдвинув брови, указал ему на место Георгиуса. – Брат, дорогой, ты не представляешь. И вообще, все, слушайте сюда! – он жестикулировал, подобно исступленному дирижеру, созывая вокруг себя юниоров. – Эрис, здравствуй!

– Здравствуйте. – ответила она.

– Ты что, уже уходишь? На самом интересном месте? Подожди! Я расскажу такое! Вчерашний рабочий случай. – воскликнул венецианский миллитари.

– Мне пора. – хмуро сказала Эрис.

– Подожди. Посмотрим, что поведает нам это трепло и посмеемся вместе. – предложил Таррос, с надеждой смотря на неё.

– Да. Посмеешься и уйдешь, оставив нас наедине! Хорошо? – настоял Алессандро.

Эрис переводила взгляд от одного к другому, подняв левую бровь и крепко сомкнув губы. Её стальная холодность заставила Алессандро немного съезжиться.

– Я послушаю Вас. Заодно пойму, стоит ли доверять Вам или Вы просто преувеличиваете, набивая себе значимую цену. – дерзко сказала Эрис, плюхнувшись на свое место. Таррос незаметно улыбнулся.

– Так вот. Каннареджо! Минуточку внимания! – Глаза Алессандро залоснились от предвкушения предстоящей речи. Он начал:

– Сiju я себе в своём кабинете в казенном доме на кампе, в Кандии, как входит, конечно, предварительно постучавшись, тучный высокий человек с перепуганным лицом, одетый с зелёный джуббон с норковым воротником, в кожаных красных боттах и в украшенной пером бычьей шапке на голове. – он рассказывал с присущей ему излишней эмоциональностью, что придавало рассказу дополнительной интересности. – Лет пятидесяти пяти, с проседью, по виду купец.

Он, робко смотря, после приглашения, решился и грузно сел на стул, вытерев вспотевший лоб. – Алессандро изобразил купца, охнув и обтерев лоб. – Rosso come il sangue. Così ridicolo! *красный, как рак. Вот умора! (итал.)* Естественно, так нарядиться в пекло!

– Да не тяни ты! – по-обыкновению дернул его грубый Таррос.

– Извини.

Я сказал:

– Кто Вы и что Вам нужно?

«– Мы будем купцом для третьей гильдии, Петруччио Стефано Агилери, имеем на рынке у порта собственную бакалейную торговлю, да только она нам ни к чему, потому что можно сказать, перед Вами не купец, а труп!»

– Как так труп? – удивился я.

«– Очень даже просто, господин начальник, какой же я живой человек, когда завтра мне смерть!»

– Ничего не понимаю! Святая Мария, выражайтесь яснее!

«– Да уж, все расскажу, господин начальник, на то и пришёл, одна надежда на Вас, оградите меня от напасти, не обделите помощью.»

И он, перепуганный, принялся рассказывать следующее:

«— Вчерась, как и в каждый день, заперли мы в седьмом часу лавку, отпустили рабочих и продавцов, подсчитали выручку, и с моей супругой принялись ужинать. Да что-то сердце потянуло, то ли желудок прихватило, да не естся мне – не пьется. Всё под ложечкой сосет. А жена уговаривает, стряпню нахваливает. Я – в отказ.

"Это ты, Петрини, в обед йогурта густого местного объелся" – говорит. А я ей "Нет, душа моя, чувство нехорошее у меня...", "Да чтоб чирий на язык тебе, Петрини!" – отвечает хозяйка. "Не быть бы беде!" – только воскликнул я, как в дверь стучат. Да кого ж в такую пору?

Входит сторож да письмо в руке держит – говорит, малец какой-то в руку засунул, да дал дёру.

Чудно мне это показалось – по коммерции получаю пергамент, да утречком, с штампиком восковым. Забилось мое сердце, да в сумраке при свече разглядеть не могу. Жена говорит – "Дай мне, погляжу – лучше вижу."

Да, говорю, давай, а то мне боязно как-то. Распечатала супруга свиточек, поглядела, да как вскрикнет!

– Signore Gesù Cristo!!! *Господи Иисусе Христе!!! (итал.)* – Алессандро взвизгнул, вызвав шквал хохота:

– Я всполошился, аж в пот бросило. "Чего, – говорю, – орёшь-то?", «Смотри» – говорит да протягивает дрожащей рукою сверток. Я поглядел – santo-santo-santo, *свят! свят! свят! (итал.)* прости и помилуй! Страсти-то какие! Вверху свертка нарисован страшный скелет да гроб чёрный, да три свечи!

– Да вот извольте, сами посмотрите, начальник Армандо.» – сказал он и протянул свёрток.

Я пробежался глазами, а там латиницей на венецианском:

"Приказываю вам завтра, десятого июля, прибыть на площадь Кампо Сан Марко, ровно в двенадцать ночи. Принести с собой мешок с пятиста дукатами. В случае невыполнения этого приказа, будете подвергнуты лютой смерти! Грозный главарь лихой банды – Чёрный Пират"

«— Как увидели мы с Софиюшкой скелет да гробы – сидим ни живы, ни мертвы. А читать – боимся. Посидели с часок молча да я и говорю: "Давай, читай, глаз у тебя острый."

А она мне отвечает: "Ты хозяин, ты мужского пола, вот и читай!"

Поспорили мы, поспорили, а читать не решились. Позвал я девочку свою, подростка, Бьянку. Та взяла пергамент да громко прочла, покачала умно головой да говорит мудрено: "Папаня – говорит, – Вы стали объедком экспроприаторов..."

"Что? Каким-таким объедком? Да мы не то, что объедками не питаемся, других людей кормим, какие еще объедки?»

И как мне обидно стало за это глупое слово, а дочь гордо фыркнула: "Какой-же Вы, папаня, необразованный! Это сполиаторы! Ничего не понимаете." – говорит и пожав плечами, уходит. – "Вот глупая дылда!" – крикнул я в сердцах. Я хоть и не образованный, а ее вырастил, выкормил, привез сюда, обучил, платя уйму золота учителям... Да что с нее взять-то, сеньор начальник! Подумал я, подумал, да решил отнести золото, как просят – хоть не по нашим капиталам, а свой живот дороже будет! Да вот жена воспротивилась, говорит, что я семейственный и такими средствами раскидываться не в праве.

Я ответил, что у меня у самого сердце кровью обливается, а помирать – неохота!

А жена ответила, что бестолку давать пятисот, завтра разбойники скажут, ишь какой купец пугливый и покладистый, да тысячу запросят.

"Нет, Петручио. Слушай мой бабий совет – иди в сыскную *millitare*, разыщи самого главного начальника да расскажи все, как есть! И дукаты при тебе, и душегубы не навредят." – в общем, до утра спорили, до слёз довела. Настояла! И вот пришел я к Вашей милости – защите!»

– Ну и правильно, что наставила, нечего мошенников кормить, мы защитим Вас. Да только помощи Вашей требуем.

«За этим делом не станет!» – воскликнул повеселевший купец, да потянулся к мешочку своему с дукатами.

«Если благотворительность какая-то, или расходы – с превеликим удовольствием!»

– Да Вы, я вижу, рехнулись с перепугу, *venditore rispettabile!* *уважаемый купец(итал.)* Мы жалованье от Дожа получаем, и обязаны по закону защищать всех и каждого здесь, на опасных землях колонии! Прячьте, прячьте свой кошель!

Ваша помощь будет заключаться в следующем – ровно в полночь явиться в положенное место и отдать мешок, набитый звонкими камушками, Черному Пирату. Да тут-то мы его и повяжем!

Бедный Петруччио чуть не кувыркнулся со стула.

«Нет уж, начальник Армандо, и не просите! Не полезу на рожон я к Черному Пирату – заколет клинком. А у меня жена, дочь, торговля, что Вы такое предлагаете?!»

– Чудак-человек! Как же я без Вашей помощи? Он же Вас на лицо знает! Не могу же я переодеться и стоят там вместо Вас! Пройдет мимо, не найдет Вас, обозлится, и тогда Вам точно – крышка гробовая!

«Oh santi santi! *О, все святые! (итал.)* А может все-таки Вы найдете смельчака вместо меня? А вдруг, он увидит, что там – камни, а не золото? Да убьет меня на месте!»

– Не дадим мы ему времени на разглядывание. Писал Вам – поджидать будет Вас!

После долгих уговоров, Таррос, он согласился. Послал я своего разведчика на площадь – место для засады искать. Пришёл и говорит, что ничего не нашёл. Поехал я сам – и действительно, как на ладони: ни лавочки, ни уголочка. Знал, Черный Пират, куда звать – дерзкий, даже *Signore poche* *шесть венецианских инспекторов, патрулирующих столицу по ночам* ему не помеха! Так вот, площадь – только деревья старые раскидистые по краям кое-где растут. Вот вчера на закате распорядился – агенты мои на свои птичьи позиции залезли и выжидали. Ох Таррос, умора, да и только. – Таррос улыбался. Ребята тоже.

– Потом один из них мне доложил – ровно в полночь, при свете площадных факелов, явилась млеющая фигура купца Петруччио, спотыкаясь и озираясь, держась поблизости от наших деревьев. И вдруг к нему со стороны прилегающего рынка подбежал мальчишка лет четырнадцати от силы, наделанным басом проревев – так же, как это делает Эрис. – Эрис сверкнула зубами, просверлив Алессандро взглядом. – «Мешок с дукатами!!!»

Петруччио, дрожащей рукою протянул мешочек, в полуобморочном состоянии прислонившись к дереву. Мальчишка, не глядя, стал запихивать воображаемое золото за пазуху – вот тут то мы его и схватили! При обыске у него ничего не обнаружили, кроме старой повязки с изображенными черепом и костями, подобранной невесть откуда в гавани.

Привели мне мальчонку на допрос, а он рыдает в три ручья.

– Это ты Черный Пират? Сейчас положим тебя на скамью да взнуздим твою маленькую задницу полсотней плетей! Будешь знать, грамотей, как письмами запугивать людей! – я его хорошенько выругал. А потом родителей позвал. Оказалось, они тоже лавочники. Довольно зажиточные, на пергаменте, на чернилах – на канцелярии промышленляют. А родители его, ох, пуще меня взъелись – и паскудник он, и негодник. И подворовывать из кассы стал. Обещали выпороть избалованного нытика собственноручно.

Петруччио явился сияющий, а как узнал, в чём дело, так и почернел от злобы. И говорит:

«Это всё от грамоты. Вот моя Бьянка – высокомерная стала. А была б неграмотною, не задирала бы нос. И болван малолетний – дай перо в руки, так такого натворит, не оберешься! Я говорю доче, я безграмотный неуч – и ничего, умел бы деньги считать. Не суши себе мозгов, Бьянка!» (по мотивам рассказа А.Ф.Кошко «Очерки уголовного мира»)

– Ты закончил, Алессандро? – спросил веселый Таррос под всеобщий задорный смех ребят. Эрис хоть и позабыл рассказ сыскного, но она подавляла свои эмоции, не желая давать слабину в такой компании.

– Да. Я голоден, тут хоть кормят? – спросил Алессандро, недоверчиво прищурил глаза.

– Уже несут. – командир указал на солдат, несущих котел и миски. Эрис соскочила с места.

– Командир, мне пора, уже слишком поздно! – в её голосе зазвучало требование.

– Ты не можешь идти одна, все останутся на ужин. – возразил Таррос, не желая отпускать Эрис голодной.

– Что может со мной случиться? – усмехнулась она, бесцеремонно разворачиваясь и прыгая через бревно.

Как бы Таррос сам хотел проводить Эрис, хотя бы до её района. Поговорить о чём-либо или не говорить ни о чем. Просто пройтись по прохладным улицам, вдыхая аромат далёких волн. Идти и смотреть на безмолвные ночные светила, которые будут провожать их миллиардными взглядами. Рассказать о себе, послушать её. Признаться, что таит томящееся сердце...

– Георгиус! Проводи сестру! – отрывисто приказал командир.

– Есть! – сказав это, Георгиус встал и побежал за уходящей своевольной девушкой. Она быстро удалялась, а Таррос то и дело вертел головой, следя за растворяющейся в темноте Эрис, совсем не слушая болтовню лучшего друга, которой с таким большим удовольствием внимали жующие юниоры.

– Ну ты сиди, брат. Я пойду – что-то подустал... – сказала Таррос, обращаясь к Алессандро.

– Как так? – разочаровался он. – Веселье только началось! – воскликнул Алессандро, обнимая плечо грустного командира. – Как я пойму, была ли моя шутка смешной, ведь над ними все всегда смеются! А если рассмеешься ты – значит, удачна. – печально добавил он. – А я уж мечтал, что ты нам споешь свою тянучую баркаролу. Ну, или, на худой конец, гондолетту – как в юности. Я даже мандолу с собой привёз. – он, улыбаясь, кивнул на свою верховую поклажу коня, стоящего у нового забора. Видя отрицательное выражение лица Тарроса с нотами тоски во взгляде, Алессандро тихо предложил. – Поешь хоть.

И Таррос, быстро отужинав, сделал по-своему, уйдя спать, предупредив ребят долго не засиживаться.

Зайдя к себе, он закрыл дверь и окно, откуда доносился запах дыма, напоминающего ему о костре, разоженном Эрис. Голоса раздражали его. Таррос лег на свою амфикефаль, закрыв глаза и положив на них локтевой сгиб правой руки, словно ограждаясь от внешнего мира, мешающего ему погрузиться в сладкие грёзы.

– Эрис... – шептал он тихо-тихо. – Я добьюсь тебя. – его усталость и мечты боролись друг с другом, подобно тому, как борются разум и чувства. – Агапи му. Оморфия му. Просфора му. Зои му... Моро му... **моя любимая, моя красивая, жизнь моя, моя нежная, маленькая моя – можно перевести «мальшика»(греч.)** ... – s'агаро... tho eimasta mazi **я люблю тебя... мы будем вместе** – повторял он, пока не уснул.

Ночная мгла, звуки цикад и соловьев звали девушку Эрис в сонное путешествие. Но ей, несмотря на утомление, совсем не спалось. В её груди стеноло и металось новое, неопишное чувство, приносящее переживания. Ей хотелось и плакать, и умиленно смеяться, вспоминая Тарроса. Это была её самая ужасная тайна, которую никто на свете не должен был узнать. Ей было страшно стыдно признаться самой себе в том, что она... что? И это будоражащее, заставляющее человека терзаться каждое мгновение чувство называют Любовью? Что бы она не делала, в её голове был только Он. Уже давно... С самой первой секунды, с первого взгляда там, в крепости Кандии. Такой отталкивающий и притягивающий одновременно... На первый взгляд – тиран. И ей еще тогда захотелось раскрыть его грудь, найти в ней горячее сердце

и проверить – а умеет ли оно испытывать нежные чувства? Умеют ли эти уста, привыкшие отдавать строгие, черствые, порою – жестокие приказы, говорить слова любви? Умеют ли эти грубые руки, не раз отнимавшие чью-то жизнь, дарованную Богом, обнять и приласкать? Она уже убедилась, что стальной взгляд, устрашающий большинство, может быть нежен только к ней. Как голубое небо, которого и боятся, и восхищаются им. Как синее море, умеющее быть буйным и тихим – так и его глаза. Но ей намного легче испытать его строгий взор – Эрис противостоит; нежели нежный – он разит её стрелой, и она падёт его жертвой...

Глава девятнадцатая

Эрис не было три дня. А сегодня она впервые ненадолго опоздала. Но это было абсолютной дикостью, вызвавшей волнение её друзей. Только Георгиус знал и никому не говорил, даже Никону, что она отсутствовала по причине душевных переживаний, обозначенных ею как «головная боль». Раньше, даже если ее разила горячка, ее тело, подгоняемое неугомонной душой, лихорадя приплеталось сюда, пока учитель после безуспешных уговоров не выставлял ее назад домой.

Командир Таррос и Алессандро сегодня отсутствовали – уехали в Администрацию. Жизнь текла своим чередом.

Явившаяся девушка получила строжайший нагоняй от Янниса. Он чувствовал, что его авторитет упал. И он срывался на Эрис. Парни с ненавистью смотрели на жалкого старика, пытающегося восстановить уважение, которое он потерял по собственному желанию. Эрис не отвечала, опустив голову. Не вздохнула. Только качала головой, краснея. Целый день она тайком ждала, когда силуэт командира покажется неподалеку.

Таррос вернулся один перед закатом. Вид его был уставший и обозленный. Особенно его раздражал Яннис. Командир вызвал Эрис к себе в кабинет Янниса, который, по инициативе последнего, вчера на время до отъезда заняли сами командир и Алессандро, так как это было единственным местом, имеющим более-менее приличный вид, подходящий для их дневной бумажной работы.

– Эрис. Закрой дверь. – строго сказал Таррос, стоя спиной к входящей девушке.

– Слушаю, командир. – она стояла в шлеме со взглядом, смотрящим сквозь. Бесчувственный голос добавлял строгости в образе.

– Эрис. Отныне ты будешь служить сержантом венецианского крыла юниоров. – отрезал он резко.

– Не поняла? – удивилась она.

– Что тут не понятного? – Таррос повернулся к ней. Его взгляд был полон сдерживаемого негодования.

– И что от меня требуется? – спросила она нахмуренно.

– Будешь готовить юниоров для нас. – ответил он. – Сначала они будут учиться у тебя, потом переводиться в казармы главного ополчения гарнизона. Если призову – пойдут на войну.

– Нет. Это работа Янниса. – она отмахнулась, категорически отказавшись принять предложение.

– Его ожидает темница, Эрис.

– Что? – в недоумении спросила она, сняв шлем. – Почему?

– Мы выяснили – Яннис почти всю жизнь делит казну с местными мелкими чиновниками, грабя армию Венеции.

– Не может быть... – Эрис разочарованно посмотрела перед собой, её ноздри гневно раздувались.

– Что ты знаешь о своём деде? – спросил он, жестом руки предложив ей сесть.

– Я не видела его. Но Яннис говорил, – Эрис аккуратно села. – Что это он виноват в его смерти...

– Да. Он виноват не только в смерти твоего деда. За ним премного грешков, Эрис. – уверил командир, три дня на пару с Алессандро и привезенными им помощниками ища следы, пытаясь информацию пытая подозреваемых.

– Я не могу поверить. – Эрис поджала губы – ее взгляд был расстроен, а брови сдвинуты. Она чуть не плакала. – Я уже готова была простить его... Но...

– Его грехи не прощаются, Эрис.

– Он мне рассказал, что до сих пор находится в зависимости от плохих людей, которые в своё время сотрудничали с будущими колонизаторами ради спасения собственной шкуры. Мой дед был военный. И он был против них – он был отверженным аристократом и знал всех в лицо. Он хотел, чтобы Крит оставался свободным. Но я же понимаю, что всё это было мышинной возней... Все решает власть. Наш остров был завоеван крестоносцами, а потом, как боевой трофей продан вам. И горстка честных людей не в силах была что-либо изменить. Теперь все военные под властью Венеции. И дома меня считают предательницей Родины. – Эрис опустила голову.

– В их времена здесь были не мы. Но ваши предатели сами впускают волков в стадо – они создали плодородную почву для симпатии меняющихся хозяев. Аристократы не лишаются своих имен и добра в обмен на золото для сеньории и ордена Мальтийцев. Деньги решают всё. И эта мелюзга решила обворовывать то, во что теперь вкладывает средства Дождь, отдавший свою судьбу своей стране – его жизнь на виду у всех, в странствиях по морю и в церемониях проходят его дни, где он даже не имеет права проявить зов своего сердца, не посоветовавшись со своей свитой! – Эрис молча слушала его – казалось, Таррос уважал Дождя. Впрочем, Якопо Тьеполо расположил к себе и Эрис. В отличии от своего окружения.

– Что будет с Яннисом?

– Темница, скорее всего. Его делом будет заниматься судья для местных. И делами его покровителей – тоже. Смотря как будут развиваться события.

– Его вина доказана?

– Почти. Осталось пару нюансов. Сейчас собирай юниоров – мы приглашены местной аристократией. Это незаконно – занимающие посты не имеют право ходить к критянам в гости, но мы на деле. А ты и ребята будете почетными караульными. Хотя, скорее всего, вас зовут, чтобы просто поиздеваться над мальчишками на побегушках. Эрис. – он посмотрел ей пристально в глаза. – Что бы тебе не сказали там – молчи. Это приказ или просьба. Как тебе больше нравится. Ясно?

– Да. – она покачала головой, и было видно, что настроение сержанта стало удрученное. Эрис, быстро выбежав, собрала ребят.

– Эрис, что происходит, не командуй больше при мне! – разозленно крикнул Яннис.

– Яннис! – это был голос Тарроса. Он вышел, переодевшись на скорую руку. – С сегодняшнего дня, – его голос был громкий и срывающийся. – Эрис официально зачислена в сержанты венецианского ополчения и ее обязанностью является готовить для нас юниоров! – сказал он, обращаясь ко всем, на что ребята порадовались. Только Персиус заскрипел зубами, а Ахиллес недовольно засопел, притворно улыбаясь. Яннис поднял седые брови, возмущенно поглядывая на раздосадованную девушку. – А Вам я бы посоветовал вести себя скромно – в Вашем-то плачевном положении постарайтесь оставить ребятам хотя бы светлую память о себе. – тихо сказал Таррос, грозно смотря на Янниса. Голова командира была похожа на голову хищного орла, склоняющегося при рыскании жертвы.

Учитель не стал спорить или показывать недовольство. Он прекрасно знал, что этот день наступит – ждавший его всю жизнь, при меняющейся власти Яннис только вопрошал: "Когда?".

– А еще я советую говорить Алессандро только правду. У любого сорняка есть мощный корень. Вы – всего лишь маленькая верхушка. – Таррос говорил грубо и внятно, показывая двумя пальцами ничтожную значимость Янниса. – Но нам нужно вырвать основание. И мы сделаем это, крепко ухватившись за Вас, учитель Яннис. – строго сказал Таррос и только сейчас парни заметили, какое страшное бывает лицо командира, когда он сильно злится.

Ребята переглядывались в недоумении – происходящее было не совсем понятно им. Но более смекалистые, конечно, догадались, о чём речь. Сколько они себя помнили, Яннис водил их на тяжелые работы к аристократам. Юниоры довольно часто видели разных напыщенных гостей Янниса, который долго хвалился перед ребятами после их ухода – кто был его посети-

тель и из какого он рода. Это не нравилось ученикам, потому что хвастовство связями и принуждение прислуживать его хозяевам не нравились гордым юнцам. Особенную неприязнь к хвалебным словам учителя питала Эрис.

Они направились в город, оставив Янниса с половиной крыла. Пунктом назначения стало огромное имение посреди оливковых насаждений, по виду свежестроенное, в прекрасных архитектурных решениях униатской греко-римской культуры, что противоречило веяниям венецианской моды. Юниоры были расставлены в большой пиршественной зале у колонн. Им и раньше постоянно приходилось бесплатно выполнять грязную работу у дружков Янниса – копание, стройка и другое, а сегодня их позвали обслуживать местную знать. Эрис думала, что критяне – добросовестный народ. По своей юности она полагала, что к бедствиям народ привели именно пришельцы, а не здешние богачи. Но, наблюдая за отвратительными людьми, собравшимися здесь сегодня, ей опротивили пользующиеся привилегиями ничего не подозревающего Дожа богатые критяне, равнодушные к проблемам своих ободранных бедствующих соотечественников. Смотря на размах их гуляний, Эрис видела огромную пропасть между нищими работягами, окружающими её каждый день и этими небожителями. Дикая несправедливость гневилась девушку. Неужели в них нет совести? Ей стало стыдно перед венецианскими миллитари за продающих себя и народ тому, кто у штурвала и ворующих у властей Кандии островитян. Эрис стояла, расправив плечи, без шлема, не подавая виду что она – живая.

– Эй, ты! – с презрением промолвил, выкатив запитые глазенки, зажавшийся чиновник. Он сверлил Эрис взглядом. Это был вымогатель Янниса – отец глупой и избалованной, из рук в руки переходящей, стареющей в регулярных затяжных пирах легкомысленной девы Астрии. Это были те самые люди, поклявшиеся отрезать Эрис язык. Астрия не привыкла себе в чем-либо отказывать, и теперь, благодаря молниеносно распространившимся слухам, к которым приложился и Яннис, подумывала выскочить замуж за внезапно появившегося столичного зрелого и холостого командира, который, к ее гневу, не стеснялся особо почитать ненавистную Эрис – так им говорил двуличный учитель. За это солдатку и возненавидели – за проявленное уважение высокопоставленных венецианских людей. Яннис успел рассказывать всё, что произошло в Кандии и происходило в Ситии. Может, это была просто зависть.

Эти члены "высшего общества" не были заинтересованы в приезде Тарроса и его команды – они знали, что будет проверка. А теперь командир и его доверенные бесцеремонно и властно провели полную ревизию того, как расходуется золото из казны, предназначенное для нужд гарнизона. Коррупционеры не приняли успешную, целеустремленную и юную победительницу – вместо того, чтобы быть ей благодарными за то, что она прославила нулевую военную подготовку их города, они мечтали как-нибудь досадить девушке. Не стоит забывать, что кроме юниоров здесь несло службу и взрослое население. Но это их не волновало. Зато пузатые дяди строили себе прекрасные дома, когда у их братьев отсутствовал даже кусок лепешки.

Успех Эрис больше был ее личной заслугой. Упорно работая, сколько себя помнит, она добилась цели – о ней теперь знал сам Дожд. Хотя Яннис и учил юниоров, Эрис сама постоянно следила за своей подготовкой, в то время, пока учитель частенько пропадал на своих "званных обедах".

– Подойди сюда, милашка. – продолжил чиновник и она поняла, что это фамильярное выражение предназначалось ей. По спине Эрис прошел холодок. В ту же секунду в ней забурлело негодование. – Слушайся, когда тебе приказывает господин. – Эрис, с презрением на лице, нехотя, пришлось медленно подойти, чтобы не вызывать всеобщего внимания. – Давай наливай! – со злостью приказал ей Августос, нахально разглядывая.

– Я не поняла Вас. – сухо ответила Эрис, стоя смиренно.

– У нас в армии теперь женщины. – он расхохотался. – Что, у нас в армии глухие тоже уже служат? Вина, говорю наливай. На такие только вещи и сгодишься. Впрочем... – он самодовольно ухмылялся, брызгая слюной и воняя явствами. Он продолжил свой монолог. – Такая

нищета, пытающаяся пробиться в люди, как ты, если хочет остаться сытой, прислуживает нам. Ноги лижет! Да и некуда вам деваться. Взяла бутылку и быстро налила, я сказал!

Его рыжая, лишенная стыдливости и миловидности, вычурно одетая дочка довольно посмеивалась:

– Слышала, делай, что говорят! – поддакивала она приказным тоном.

Скулы Эрис нервно задергались. Она пристально и без страха, даже ни пошевелившись, с отвращением посмотрела на Астрию и на ее животноподобного отца – чиновника Августоса.

– Эрис! – командир был тут как тут. Он вообще-то тайно не сводил глаз с Эрис. Таррос знал, что первым делом прицепятся к ней. Он слышал все происходящее.

– Я здесь, командир Таррос. – она, кипя от гнева, болезненно взглянула в сторону приближающегося командира. Эрис невольно перевела взор на свои изрядно поношенные сандалии. В ее голову Сатана начал нашептывать мысли о том, что она и большинство ее соратников действительно еле перебиваются. Ее охватил стыд – посреди наряженных матрон Эрис почувствовала себя худшим из ничтожеств.

– Солдаты Империи обязаны слушать приказы старших. – подошедший к ней вплотную, Таррос довольно держал паузу. Ему было смешно, как эти немощные люди, возомнившие себя авторитетами, которым по закону нельзя было занимать никакие посты, кроме низких чиновничьих, ведут себя, подобно Цезарям. Эрис напряглась. – Старших по званию. – продолжил Таррос. – Ослушание это позор и гибель.

Чиновник внимал с довольным видом, полагая, что жесткому Тарросу, на вид даже жестокому завоевателю (здесь о нём были наслышаны), придется по душе глумление над низшими слоями. Он и его дочь всем своим видом показывали, что презирают таких, как Эрис. И это несмотря на их заслуги. Они предполагали, что Таррос станет покровительствовать им в этом.

Эрис стояла, потупив голову. Она поглядывала на Тарроса – перед тем, как зайти в залу, где стол был пошкарней стола венецианцев, он еще раз предупредил её молчать.

Таррос бесцеремонно взял кубок из толстой лапы этой самодовольной, смотрящей на командира боязливо и услужливо, свиньи и прочно установил на блестящую жиром залысину, прямо на его запотевшую от посиделки макушку. Августос опешил. Поддатый, он полагал, что Таррос затеял какой-то смешной розыгрыш.

– Господин хочет вина. Будь добра, угости его, Эрис. – услужливо попросил командир.

Она удивилась и растерялась.

– Это приказ – наливай! Лей, пока я не прикажу остановиться. – его голос зазвучал сердито.

Эрис, непривычно для себя, взяла вино. Она некоторое время возилась с амфорой, чем еще больше усилила интерес происходящего для окружающих, среди которых были и знать, и венецианцы, и верные оцепеневшие братья. Затем девушка неуверенно протянула сосуд к кубку и начала наливать с присущей ей аккуратностью. Когда вино дошло до краев, Эрис хотела было остановиться, но Таррос уверенно приказал:

– Давай дальше. Лей-лей! – он рычал, и выражение его оскаленного лица напугало Эрис.

Вино перелилось через край и начало сначала стекать тонкой струйкой, а потомлиться по пышущей похотью и буржуазмом широкой морде Августоса. Он захрюкал и задергался.

Астрия открыла свой прожорливый рот так широко, что в нее спокойно бы залетела муха.

Окружение ахнуло, послышались недовольные возгласы. Музыканты перестали играть.

– Не останавливайся. – командовал Таррос.

Опустошив амфору, Эрис поставила ее на стол рядом с чиновником. Она хотела было ускользнуть и поскорее раствориться в толпе, но упрямый и мстительный Таррос уже завелся:

– Как Вам вино? Прекрасный вкус? – он чуть наклонившись, издевательски громко отхлебнул, мягким баритоном промурлыкал:

– Ммм... Сладкое! – Затем громко добавил. – Настоящая крепкая критская мальвазия!

Послышался смех. Это был Алессандро. Эрис было немного боязно, но подхватившая его толпа лизоблюдов захохотала, и ей стало чуть легче на душе. Все присутствовавшие здесь боялись венецианца Тарроса и его людей больше смерти. У каждого был гнилой грешок. Много лет помиланные Дожем аристократы наживались и пировали за счет империи, строили свои дворцы за счет того, что по закону полагалось здешней армии и не только ей. Их зажиточные, избалованные роскошью семьи никогда ни в чем не испытывали нужды. И теперь они боялись быть раскрытыми и обанкротиться. Венецианцы хоть и были снисходительны к покорным, но они могли жестоко наказывать. Скорее, они желали сотрудничать по принципу «Кнут и пряник», оставляя правление исключительной прерогативой морских владык, не позволявшим совать нос и быть в курсе дел местным.

– Ах ты, ты... – его заплывшие жиром глаза заметали молнии.

Он вскочил, растирая лицо, под угрозы и ругательства своей дочери – его дорогие шелковые наряды были испорчены. Толстые губы, привыкшие наслаждаться на казенных застольях, выкрикивали непристойные мерзости в адрес Эрис. Он ничего не мог сказать только Тарросу. Подняв пухлую руку с нежными пальцами, высокомерный Августос захотел нанести удар по лицу землячки – служивой девушки.

Командир заломил мертвой хваткой ручонку чиновника, заставив его сесть на место и извиваться с отвратительной гримасой и гнусным визжанием.

– Кто пойдет против солдата Империи, тот пойдет против самой Империи и Его Светлейшего лика Дожа. Эрис мой солдат. Повторяться не буду. Все это слышали?!

Лицемеры и подхалимы боялись подойти к Августосу и Астрии. Ведь один только грозный вид Тарроса заставляет их вести себя подобно мышам в присутствии кота.

– Алессандро. Вы со своими людьми проверили все, что я просил? – спросил он так, чтобы слышали все.

– Да, Армандо-Каллерджи. – четко и с достоинством отвечал хранитель секретов – лучший друг и названный брат.

– Вы подсчитали и сверили все накладные?

– Таррос, архив есть только за последние два года. Остальное, по словам писцов, было уничтожено при пожаре.

– Пожар был?

– Я допросил кого нужно. Пожара не было. И счета... Таррос, они не соответствуют действительности. Масштаб их хищений просто поражает... – обычно шутливый Алессандро был растерян.

Этот стратег Таррос опередил всех. И сейчас, словно охотничий пес, стиснул глотки казнокрадов и коррупционеров. Он продолжал под испуганные взгляды сливок местного невенецианского общества.

– Слушать внимательно! Когда я ехал сюда, ожидал увидеть место, где готовят солдат непобедимой морской империи. Вместо этого я увидел прогнившие ветхие конюшни, а в них дюжину дряхлых голодных кляч, заржавелые, негодные даже для чистки овощей оружия и пузатых служивых, больше похожих на беременных баб, которые вряд ли даже устав знают! Вы регулярно поставляете нам на смерть плохо подготовленных выходцев из нищобродов, покупая своим изнеженным сыновьям чины за деньги, которые мы же вам и даем. Даем не для того, чтобы вы все загребали себе в сундуки; ни для этих попок! Золото дается на развитие Империи! – он говорил громко и страшно, съедая глазами окружающих. – Такие, как вы, изнутри уничтожат ее быстрее, чем враг караулящий со всех краев снаружи, в то время как доблестные войны отдадут жизни за слово Иисуса, а вы, паразиты, прожираете их хлеб!

Алессандро, в темницу всех тех, чья вина уже доказана! И тех, кто под подозрением. Каннареджо, взять их! – он дал приказ, и те, под комментарии Алессандро, рьяно принялись его выполнять. Вчерашних лжегоспод вязали рабы.

– Что стоишь, как статуя богини Энио? – Таррос кинул шутку в сторону Эрис. – Помогай своим, сержант. Покажи себя в деле, а я – полюбуюсь.

Он засмеялся, жесток но справедлив – под эту невообразимую возню, яростные оправдания и сопротивления привычный пир горой обернулся драматическим событием для большого числа уважаемых работягами буржуазных вельмож.

Но со словом Тарроса никто не посмел спорить.

– Есть! – Она ринулась исполнять приказ.

Алессандро оглашал список, а Эрис и юные солдаты задерживали вопящих виновных. Таррос стоял и хладнокровно наблюдал, словно страшный титан, хотя ростом был не очень высок. Его умение держаться и негибемый внутренний стержень делали Тарроса тем, кем он есть. Венецианская колония под такими людьми должна процветать.

Необычный день был закончен. Юниоры сегодня поработали на славу, помогая людям командира.

Глава двадцатая

Настала чередa следующих дней. Солдаты Кандии капитально реставрировали строения снаружи и внутри. Таррос пока не стал задерживать старого Янниса. Он хотел проследить за ним. И, конечно же, глупец выдал себя, с перепугу скавав как блоха, от одних оставшихся виновных к другим. Теперь Эрис командовала полтинником юниоров, сама будучи юной девчонкой. Ей это повышение стало в тягость – Яннис кидал на неё гневные взгляды, будто бы это она стала виной всех этих событий. Но Эрис старалась держаться, дабы заслужить авторитет парней и не потерять лицо. Она делилась знаниями от чистого сердца, безвозмездно, стараясь развивать юнцов всесторонне, благо знаний в молодой голове было предостаточно, даже слишком много.

Эрис захотела непременно найти время и на грамоту. Никон и Аргос помогали ей. В последние дни она почти не видела командира, и ей начало казаться, что его симпатия была лишь её самообманом. Она бранила себя за глупую надежду. Эрис эти дни приносили душевное терзание.

Алессандро и Таррос находились в рабочем кабинете. Они только прибыли из города.

– Таррос. Когда мы были в имении, я слышал, как арестанты обсуждали фамилию Каллергисов...

– И что ты слышал?

– Они отзывались, мягко говоря, не лестно о твоём дяде – его же Алексис зовут, да? – спросил Алессандро.

– Да. Это он. Я тоже слышал, как они бранили его за то, что он ненавидит колонизаторов. И братьев Скордилисов тоже поносили. Я обнаружил, что не все магнаты разделяют политику подчинения нам. – сказал Таррос. – Наши Мелиссино. Они со Скордилисами. Чувствую я, скоро начнется противостояние, или даже восстание, брат. Георгиус Хортацис и старший Михаилус Скордилис фигурируют в разжигании недовольств. Так я слышал. Они позволяют себе смело выражаться. – заметил Таррос.

– Нас пока мало. Не больше трех с половиной тысяч, Таррос. Пока администрация склонна уступать им. Боюсь, наши с тобой дела идут на смарку. Отец Лючии из Кандии принялся ходатайствовать за местную знать.

– Вот гнида!.. Время придет, нас будет много. И крови тоже станет много. Он забыл, что рыцари не подчиняются местным властям. Зато нет такого, кто бы не подчинился мечу. – гневно проговорил командир.

– Успокойся, Таррос. Лучше расскажи, ты не хочешь навестить дядю на западе?

– Это исключено. – отрезал он. – Во-первых – по закону не положено. Во-вторых – вызову ненужные подозрения. В-третьих – не желаю сам. В-четвертых – они вряд-ли пожелают видеть сына предателя, ставшего храмовником.

– Да. Лучше оставь всё, как есть, брат. – покачал головой Алессандро, сняв котту.

– Алессандро, в последние дни с дисциплиной юниоров случились метаморфозы, не заметил? – сказал просветлевший Таррос.

– Заметил-заметил. Бравая девчонка прекрасно справляется.

Таррос улыбнулся.

– Пройдоха, ты поставил на нее и не пока ни разу не проиграл. Не боишься гнева Папы? Ему могут донести святые отцы. Он в Риме запустил масштабное движение инквизиции. Истерия какая-то. Таких красоток, как Эрис пытаются и жгут.

– За что? – удивился он.

– За связь с нечистой силой. – ответил Алессандро, всегда пребывающий в курсе мировых событий. – Жертв соседских сплетен подвергают "Суду Божьему" – ошпаривают кипятком.

ком руку. Потом заматывают. Через три дня проверяют – если зажила, человека оправдал сам Господь. А если нет...

– Это же верх тупости... – поморщился Таррос.

– Новатор Папа так не считает. – весело ответил Алессандро. – Эрис бы точно не оправдали, с их-то отношением к женщинам...

– Она необыкновенная. – произнес командир. – Из всех вариантов на звание сержанта это был лучший, хоть и сомнительный. Она моих сан марковцев тоже многому может научить. Признаюсь, брат, увидел я свои ошибки наставника. – покачал головой Таррос.

– Признайся еще в одной вещи – ты же не надеешься на серьезные отношения? – озабоченно спросил Алессандро.

– А что, с такой девушкой возможно иное? – нахмурился Таррос.

– Ты что, с ума сошел?! Тебя казнят, в лучшем случае отправят в темницу или сошлют в Венецию! – испуганно воскликнул Алессандро. – Она же критянка!

– Ну не надо быть таким пессимистом. – спокойно ответил расплывшийся в блаженной улыбке Таррос, задумчиво развалившись на стуле и положив ноги на стол.

– Таррос, тебя лишат должности. – предупредил Алессандро.

– Алессандро. Никто не узнает. – ухмыльнулся командир.

– Таррос, друг, брат, ты что, рехнулся? Как ты собираешься строить серьезные планы без католической церкви, копящейся в происхождении и статусе каждого, кто к ним обращается? Это их работа и у них есть свои условия!

– Перестань меня запугивать. – сказал невозмутимый командир.

– Я переживаю за тебя. Я даже думать не хочу... Это будет скандал, Таррос. Ты же и сам знаешь то, что ты, будучи греком, занимаешь этот пост – это уже немисливо! Вокруг нас знатные венецианцы. Мы на пару с тобой словно красное пятно, раздражающее их. К тому же, Эрис и ты притягивают врагов так же, как мёд ос. Одна проверка – и всё. Все узнают тайну моего отца! Подумай хоть о нем!

– Я благодарен твоему, нашему отцу... Мы с тобой выросли в Венеции. Мы выросли с мечом в руках. Мы воевали с остальными плечом к плечу. Я не ожидаю слишком драматичной судьбы.

– Ты ослеп. И оглох. Что с тобой, Таррос? Они оценили твой ум, проницательность и безжалостность. Скажи, что эта сопливая девчонка с тобой сделала, что?!!

– То же, что и моя любимая сестренка сделала с тобой, Алессандро.

– Ты просто невыносим... Твое упрямство с детства не дает покоя твоей заднице. – заключил Алессандро.

– Знаю, спасибо. Упрямство и воля разобьет камень, Алессандро. Эрис похожа на меня. Ее существование среди нас, среди венецианцев, среди солдат – нонсенс. Я знаю, то, о чем не догадывается она – её захотят раздавить. Удалить за прямолинейность. Она лишняя среди всех. Её отец – ненавистный генуэзец, а мать – элинка. Эрис из воинов – но из женщин. Для церкви она позор. Как для их Православной, так и для нашей, Католической. Для греческой знати – предмет сплетен. Для деловых венецианцев – фигура не особо примечательная, но если подумать головой, им ее можно грамотно использовать и получить выгоду. Потому что если о смелой девушке узнает больше местных – она станет живой легендой и это поможет нам завоевывать их без меча. Для военных... После их неудачи они ненавидят ее, но втайне восхищаются. Потому что на лошади ей нет равных. При стрельбе, в бою... Она юркая. Ловкая. Легкая! – он начал говорить сам с собой, и глаза его светились от восторга. – Я не забуду тот момент, когда она сняла шлем! Никогда... Я не забуду лица, отдающие венецианской плесенью, когда они увидели на ристалище критскую сеньориту – если мне станет плохо и грустно, я вспомню эти яркие моменты и рассмеюсь. Это было grande скандально. Я думал, что после ее

казнят. Случилась воля Господа. И теперь ты видишь? Им все-таки пришлось уступить. И тут уступят. – закончил он свой длинный монолог.

– Ты, неисправим, Таррос. Глупец, поистине, глупец. – нахмурился Алессандро. – Знаешь, я думаю, те мозги, которые ты привез на жаркий Крит из мокрой Венеции, окончательно испарились под здешним палящим солнцем...

– Не тебе судить, мой семейный друг. Сколько лет ты в браке? – спросил Таррос, начавший злиться.

– Около тринадцати. – ответил его друг.

– Тебе нравится это? – бесцеремонно спросил командир, прожигая его глазами.

Алессандро сконфуженно рассмеялся, немного вспотев.

– Что за вопросы, брат... – его глупое выражение лица говорило само за себя.

– Пока ты наслаждаешься счастливой супружеской жизнью, плодом которой стал мой милый племянник Джузеппе, твой лучший друг вынужден прожигать свою силу и молодость с затрепанными портовыми блудницами на пару с матросами и прочим сбродом.

– А что, кроме этой неотесанной амазонки вариантов не нашлось? – недоверчиво спросил Алессандро. – У нее же молоко на губах не обсохло! Тривиальный сатир, что ты думаешь, долго она с твоей шальной головой мучаться захочет? Сломаешь ей жизнь, искалечишь девчонку, счастья ему захотелось... – возмутился Алессандро.

– Тебе вообще, какое дело?! – Таррос убрал ноги на пол и собрался в агрессивный выпад.

– Глупец, я не желаю зла.

– Кому, мне или ей?! – его глаза загорелись страшным огнем.

– Тебе конечно. Ну и ей тоже, это естественно. – сказал честно Алессандро. – Ее несведущая неискренность, конечно, уступит твоей бывалой цепкости... Если бы она только знала, какой ты на самом деле: кутила, потаскун, изувер. – медленно выговаривал Алессандро, показывая счет на пальцах. Таррос лишь сверлил его глазами и скалился. – Твое истинное лицо знаю только я. Это в детстве ты был романтичным задиристым мальчишкой, но время и обстоятельства сделали своё дряное дело.

– Заткнись, Алессандро!

– Да ладно, мой двудушный, притворный Архизлодей. Может ты просто увенчаешь пламя, привычно для себя побородзя свежие волны своей обшарпанной флотилией? – он захохотал, вызвав приступ безудержного гнева командира.

– Я тебя предупреждал, друг, засунуть свой язык на время в афедрон! *Mihi irruma et te pedicabo! Culum randite!* *иди сюда, я надеру твой з. д! готовь опу! (обценное древ. лат.)* он соскочил со своего места, попытавшись ударить Алессандро через стол, но тот откинулся назад, выкрикнув:

– *Caput tuum in ano est!* *У тебя вместо головы – з. дница! (обцен. лат.)* Всегда так. Не обижайся, ничего, кроме правды, так что, *perites!* *отъ. ись! (обцен. лат.)* – он яростно смеялся над Тарросом.

– Зато у тебя вместо языка... – слышался стук в дверь, заставивший его замолчать.

– Кто? – зарычал Таррос, выкатив глаза. – Чего надо?!

– Командир, можно... – робкий голос слышался за дверью.

– Клянусь Святым Марко, Алессандро, если еще раз из твоего поганого рта услышу подобное о ней, вставлю свой меч в твои ножны! – Алессандро понял, что Таррос отнюдь не шутит, и решил промолчать, не разжигая конфликт и дальше.

– Заходи, Эрис. – спокойным голосом сказал Таррос, резким движением обтерев лицо и обойдя стол. – Встань, моветон, сеньорита зашла! – он пнул стул Алессандро. Без того хмурая Эрис смутилась еще больше.

– Ох, простите... – церемониально сказал Алессандро, встав.

Эрис не посмотрела на Алессандро, кивнув головой. Она, немного подумав, села.

- Как продвигается служба? – спросил Таррос, сев напротив Эрис.
- Я пришла по этому поводу. – сказала Эрис, не смотря на Тарроса. Ему показалось, что глаза Эрис прячут печаль.
- Что-то произошло? – участливо спросил он.
- Я выйду, Таррос? – спросил Алессандро.
- Да! – одновременно с Эрис ответил Таррос.
- Нет! – одновременно с Тарросом ответила Эрис. – Он не мешает. Пусть остается. – спокойно говорила Эрис, не поднимая взора.
- Хорошо, если сеньорита настаивает. – Алессандро прислонился к маленькому ящику, стоящему у стены, Таррос смотрел на него всеуничтожающим взором.
- Командир Таррос. По уставу я могу зарубить Персиуса, если он меня не уважает? – прямо спросила Эрис.
- Что он сделал? – спросил командир строго. Он нахмурился.
- Он проявляет послушание. Дерзит. Но я пресекаю это. Я хочу раз и навсегда проучить его своим мечом. – бесчувственно сказала она.
- Хочешь, я сам это сделаю? – спросил Таррос, безуспешно пытаюсь вызвать ответный взор ее глаз.
- Нет. Я сама. Меня должны уважать люди, над которыми я прикреплена. – убедительно сказала Эрис.
- Слушай, Эрис. Давай я просто переведу его в гарнизон. Его возраст...
- Нет! Сначала поквитаюсь, потом. – перебила Эрис.
- Сержант Фортунато. Или Лефкас, как мне тебя называть? – спросил Таррос.
- Называйте Эрис. – Эрис сама не знала, зачем пришла. Может, пожаловаться на Персиуса, введившего ее в отчаянье своим поведением, а может, просто хотела услышать и увидеть командира. Ее ноги будто бы сами принесли ее сюда.
- Эрис, я всё-же переведу его. Он больше не помешает тебе. Я предупрежу его старшину, не переживай. – успокаивающе предупредил Таррос.
- Я не переживаю. – она подняла свой взор. И Тарросу показалось, что на глубине ее блестящих глаз горит огонь недовольства его решением. А может, это было нечто другое. – Я не переживаю. – повторилась она. Эрис не видела командира несколько дней, и ей, юной и неуверенной в своих сердечных делах, казалось, что он безразличен к ней. Ее взор стал преисполнен суровости.
- Эрис. На пути человека всегда будут преграды. Никогда не останавливайся, и ты – выиграешь.
- Не мутит ей мозги! – вмешался Алессандро.
- *Audentes fortuna iuvat.* – продолжил Таррос.
- Только не надо говорить, что ты что-то поняла! – усомнился Алессандро.
- Командир сказал, что смелым судьба помогает. Есть похожее выражение: *audaces fortuna iuvat* – смелому судьба помогает. Оно было сказано Вергилием. – покосилась Эрис на высокомерного Алессандро. – Вы что, считаете окружающих глупцами? И вообще, поговорка *adhibenda est in iocando moderatio* *шутить тоже нужно в меру(лат.)* – это точно про Вашу отрицательную привычку. – Эрис резко отвернулась от опешившего Алессандро под тихий смех Тарроса. – Знание латыни не признак ума. – заключила Эрис. – Некоторые глупцы считают иначе.
- Умение грамотно вести спор – искусство, Алессандро. – довольно сказал Таррос.
- Некоторые люди, как собаки, понимают только грубую силу. Надеюсь, сыскной милиции не из них. – добила Эрис.
- Теперь я понимаю, юный сержант, почему у Вас так быстро появляются верные друзья или заклятые враги. – сухо ответил Алессандро.

Эрис невозмутимо сидела под немymi взглядами: восторженно-сдержанный Тарроса, и косоy из-под бровей взгляд Алессандро.

– Я пойду? – спросила Эрис.

– Ни в коем случае. – Отрезал командир. – Эрис, ты честная девушка, закрой уши. И глаза тоже закрой. – Эрис закрыла уши руками и зажмурилась. – *Commodum habitus es! *тебя только что по. мели(лат.)** – прошептал Таррос, усмехаясь. – Можешь смотреть, извини еще раз, Эрис. Не сдержался...

– Заткнись, *citocasius.*за. ранец(лат.)** Знаешь, эта девчонка заставляет меня переменить взгляды. Откуда голодранка научилась грамоте?

– Выбирай выражения! – снова сцепился Таррос.

– Безотцовщина, выросшая с лошадьми? – продолжил Алессандро. – Откуда?

– Да-да. В точку. И отсутствие матери не забудьте добавить. – улыбнулась Эрис, успев понять, что болтливый рот Алессандро оставляет желать лучшего.

– Когда-нибудь я заставлю тебя сожрать собственный язык. – ответил Таррос.

– Не сегодня. Так откуда? – интересовался Алессандро.

– Прежде чем накормить Ваше любопытство, скажу, что я не привыкла и не привыкну терпеть чьи-то шутки, колкости, слова и недвусмысленные взгляды в свой адрес. Поэтому сразу пресекаю неуважение к себе на корню. И сыскной миллитари – не исключение.

– Ладно-ладно. Прости. Знаешь, я болел за тебя на играх! Как же это злило Тарроса! Он хотел сломать тебе ноги. – Алессандро зашелся смехом под гневный взгляд Тарроса. – Честно говоря, до того, как ты открыла своё лицо, я полагал, что перед нами – бравый парень. Но откуда ты знаешь, где применить колкую латинскую грубость?

– Мой дед имел рукописи и труды. Я учила их.

– Ясно. Самоучка значит. – кивнул головой Алессандро. – Может высказывания – единственное, с чем ты ознакомилась?

– Что ты любишь читать, скажи пожалуйста. – попросил Таррос вежливо.

Она решила идти до конца, доказав Алессандро, что не только венецианцы могут быть умные.

– Люблю Сенеку старшего. Но это не значит, что всё подряд. Из наук привлекает история, взаимоотношение людей, медицина, грамота и поэзия. Из философии – ненавижу всеми любимого Платона. Особенно его Пятую Книгу Государства.

Её живой, не загроможденный ум увлек Тарроса. У неё были свои свежие взгляды на общепринятые вещи, и он давно это заметил.

– И что же тебя так разозлило в Платоне? – спросил Таррос.

– В Пятой Книге Государства есть понятие «Общность жен и детей» для таких как Вы, командир. – она показала на Тарроса бровями. Ее мужская нахальность поражала Алессандро. Таррос улыбнулся.

– Прости, я чуть-чуть подзабыл, о чём там шла речь... Напомни, пожалуйста? – сконфуженно попросил Таррос.

– Он говорит, что из мужчин и женщин, которым присуща природная черта стражников, то есть вкус войны, будут выбираться лучшие. Их будут обучать гимнастике телесной и развивать умственно. Они будут жить обобщенно, и из их потомства будут отбираться только сильнейшие. Остальных забракуют, лишат жизни.

– А ты читала, каким образом они должны будут заниматься гимнастикой? – издевательски спросил Алессандро.

– Это отдельный вопрос. Платон кидается от одной безумной крайности к другой.

– Ты перебил её. – грубо сказал Таррос. – Продолжай. – он поменял тон.

– Так вот. Эти бедные «избранные» по его идее не должны были иметь дом, семью, детей. У них все будет общим. Общие жены... Общие мужья... В идеале – никто даже не будет знать,

кто его отец. И сразу же он впадает в противоречие со своим большим замыслом – им будут запрещать родственное кровосмешение. А кто даст гарантию, что, когда тебе 55 лет, и пришла новая общая, извините за выражение «жена» 20 лет от роду – что она не твоя дочь, или даже более того, внучка? – ее красивое лицо было преисполнено брезгливого негодования.

– Ты права. – согласился Таррос. – Вопреки мнению почитателей Платона. А их – большинство.

– Вообще меня поражает одна вещь, – продолжила вошедшая в раж Эрис, – кто дал право некоторым законописцам, считающим себя умными людьми, избранными мыслителями, вершить судьбы народов? Не забываем, что эти небожители тоже ходят по нужде, спят и едят.

– Как говорится, никто не живёт воздухом. – Алессандро рассмеялся. Таррос же наоборот оставался крайне серьезным, внимательно слушая такую неожиданную Эрис.

– Никто не дал им такое право. – согласился командир.

– А насчет гимнастики: раздетые мужчины и женщины у Платона занимаются вместе и он писал, – она пронзительно и хмуро посмотрела на Алессандро. – что, цитирую: "тот, кто смеется над голым телом, не познал высшей духовности." Он сказал – пусть они наблюдают и смеются. Его что, подкупили морально низкие люди?

– Одним из них был Алессандро. – колко отметил Таррос.

– Да, я не против. Ничтожной расплатой за прекрасное ежедневное зрелище было бы клеймо глупца.

– Выйди уже, а? – презрительно попросил Таррос.

– Всё-всё. – он зажег кулаки руками.

– Я не пойму, командир, почему этот культ избранных аристократов так распространен? Они не дают нам развиваться, мы будем пахать на них. Я не обозленная, я ни к кому никогда не питаю зла. Я просто удивлена, что находящиеся на их содержании задумные мозги в лице главматки – сомнительных философов, я не про всех, конечно, находят последователей во все времена. Почему так? – Эрис пожала плечами.

– Меня тоже в свое время поразило что Платон ставил в пример людям собак и жеребцов. Коневодство сопрягал с размножением человека. – поделился мнением Таррос.

– Точно. Меня тоже. Отвратительно. – сказала Эрис.

– А я не задумывался – зубрил и отвечал. Вот точные науки – да, я упивался ими. Или колкие дифферамбы – мое любимое! – снова рассмеялся улыбчивый Алессандро. Он эмоционально тряс головой, и слегка волнистые отросшие кудри били по его лбу и вискам.

– Я должна идти. Не будем уподобляться философам и жевать бесплодную жвачку, подобно коровам. У нас есть более важные занятия, нежели словесные прения. Можно? – спросила Эрис, указывая на дверь.

– Иди. – улыбнулся Таррос.

Она с достоинством встала и, не смотря на них, вышла своими уверенными шагами.

– Мне с ней легко. – сказал Таррос. – И очень интересно.

– Да, конечно, с такой... О её внешности я не скажу ничего – не найду достойных её описанию слов... – Алессандро провоцировал, и Таррос нервно задержался. – А сама – воспитанная, но с чрезвычайно острым языком. Вояка!.. И зрит в корень... Не церемонится – пряма, как здешний кипарис! Теперь я понимаю тебя, мой бедный-бедный друг. Ты – обречен... Это тебе не наряженная курица с бала, которой пару слов кинешь, а она уже на все готова. – мотал головой Алессандро, смотря на Тарроса с жалостью.

– Впредь держись от Эрис подальше. Ты понял. – качая головой, утвердил Таррос, даже не спрашивая Алессандро. Он смотрел на своего друга с недоверием и злобой.

– Таррос-Таррос... – промолвил Алессандро. – Не пляши под ее дудку! Я не хочу, чтобы она сломала твою карьеру и жизнь.

– Ты уже решишь, кто чью жизнь ломает. Пять минут назад ты думал иначе. – сказал Таррос, щуря глаза.

– Я не знал, какова она – твоя любовь. Я боюсь за тебя. Пресловутый закон уничтожит вас обоих. – он смолк на мгновение. И было слышно, как взволнованно дышит Таррос. – Похоже, там наверху, делать совсем нечего. – Алессандро перевел тему, видя, как огорчение прокрадывалось в душу друга. – Сейчас произвели реформу языка – теперь, пожалуйста, выражайся по-другому, в *illustre*. Берегись некоторых фразеологических оборотов.

– Не нужны мне твои *illustre*, уж лучше я на своём родном *volgare* буду продолжать общаться. – сказал решительно Таррос.

– С каких это пор ты не принимаешь введенные новшества? – возмущенно спросил Алессандро.

– *Pittima!* *занудство* – устало произнес Таррос. Алессандро невольно рассмеялся. – Держут нас тут за идиотов. Что, как разговаривать, значит, тоже надо отчитываться? А, что если я – немой? – он запалил в сердцах.

– Таррос, тебе не следует так бурно проявлять недовольство! – посоветовал Алессандро. – Да и что, чёрт побери, с тобой такое? Я не узнаю тебя! Ты впал в юность, заразившись от этой нищенки.

– Ты забываешься! – сказал Таррос, вновь воспылав гневом.

– Это я-то забываюсь? Это ты ведешь себя глупо! Всё тебе не так! Если считаешь себя обделенным – женись! Но не на критянке, а на Лючии благородного происхождения.

– Благородное происхождение не признак благородства.

– Эта Лючия, как окающая, везде о тебе только и спрашивает.

– Не говори ерунды. Она не нравится мне. – с отвращением вымолвил он.

– Ха! Вкусная, выросшая в высшем обществе сеньорина, грезящая о грязном вонючем воителе – это ты ей должен не нравиться. Взяв её в жены, обретёшь власть, глупец.

– Я смотрю, ты сам бы не был против, не будь у тебя моей безызвестной глупой Каллисты?! – ситуация накалялась. – Наивный Алессандро, твоя сеньорина совсем не безгрешная. *Fellator, vacca stulta*, брат – на таких не женятся.

– *Vae-vae... Mentulam Caso!* Как же я сам не догадался, зная тебя, проходимец... *Viri sunt Viri...* Но я всё равно твой друг, и желаю тебе только добра. Вот и советую.

– Давай советы по службе, а в душе моей, прошу, впредь не ковыряйся. – решительно подвел Таррос.

– Таррос. В чём причина твоих метаморфоз? – не унимался миллитари. – Уж не в этой ли лихой голодранке? – он цинично рассмеялся, заглядывая другу в глаза, прочитав в них то, чего раньше никогда не видел.

– Голодранке? – оскорбился Таррос. – Посмотри на себя. Твои успехи затмили твой ум. А сам-то кем был? Ты стал высокомерен. – Таррос покачал головой в укор.

– Да прости, прости. Не хотел обидеть тебя. Признаюсь – Эрис слишком хороша, чтоб быть из низших слоев. Её неопишуемая красота приводит в восторг каждого, увидевшего её. – взгляд Тарроса сделался гневным. – И тот ум. Поговорив с ней, я бы не дал ей шестнадцати лет. Может, все сорок. – он улыбнулся. – Но ее мужской характер и закалка – он пугает очарованных ею.

– Тебя. Потому что ты – слабак. – подытожил Таррос.

– Ты что, всё-таки серьезно?! – испуганно выкатил очи Армандо. – Ты что, не понимаешь, куда она может тебя завести? Ты же долго добивался своего положения! Сам. – ужаснулся он. – Твоя страсть лишит тебя всего. Может быть, даже жизни... – он говорил истину.

– Меня не пугает эта перспектива. Первый раз в жизни я полюбил и хочу быть с девушкой, которую сделаю хозяйкой своей судьбы. – говорил Таррос, не глядя на Алессандро, и его глаза пламенно заблестели.

– Таррос, заклинаю Святым Марко, брось эту затею. Теперь ясно, откуда в тебе появились мятежные ноты. Она дурно влияет на тебя. Я не узнаю бывшего Тарроса – цепного пса Империи! – сетовал он.

– Я похож на глупого ребенка, который, по-твоему, поддается чужому влиянию? – он оскорбился. – Ты, прожив со мной бок о бок столько лет, всё ещё меня не знаешь.

– Вот именно, что знаю. Союз двух безголовых лихачей, руководствующихся пылкими сердцами приведет их обладателей к палачу. – выразился Алессандро. – Ты же постоянно твердишь устав своим языком, ты же знаешь закон – никаких браков венецианцев и критян быть не может! Это – политическое преступление. – продолжал он, неустанно повторяясь в споре.

– Меня ничто не остановит, Алессандро. Никто. Даже если сам Дож придёт снимать мою кожу. Я всё решил. И ты, как друг, должен меня поддержать. Хоть и не поняв, поддержать.

– Я понимаю тебя. Твой вкус – отменный. – Тарросу не понравилось, что Армандо постоянно мусолит образ Эрис, и Алессандро прекрасно понимал это в его ревнивом взгляде. – Да прости ты, я не имел в виду ничего плохого. Но я тебя не поддерживаю, так и знай. Как друг, я до последнего буду пытаться спасти твою дорогую для меня жизнь.

– В таком случае, плохой из тебя друг.

– Таррос. Я боюсь за тебя. Тебя могут пытаться, казнить, в лучшем случае – сослать в Венецию, предварительно разлучив вас. А о ней ты подумал? Как поступят с ней, такой... выдающейся... – он подбирал слова, чтоб не вызвать у Тарроса ревность, – прости, друг.

– Я умру, но не дам её в обиду никому. Мы уплывём.

– Что?! Вот теперь я вижу, что твоя любовная лихорадка прогрессирует с каждой минутой!!! – ужаснулся Алессандро.

– Это в крайнем случае... Может, в Никейскую Республику. Там нет этих наиглупейших законов. Ты же сам живёшь с гречанкой. – Таррос рассмеялся.

– Это совсем другое! – возмутился Алессандро.

– Что есть в твоём понятии нация? Это иллюзия. Все народы, произойдя от одного праотца и матери, расселились по этой грешной Земле, став врагами друг другу. – рассуждал Таррос. – И издревле, воюя, порабощая и завладевая друг другом, смешиваются снова и снова, создавая новые народности. Лучшие качества людей избираются, худшие отбрасываются. Тебе ли, как военному, этого не знать? Завоеватель, тоже мне. И я поражаюсь: люди, не размышляя о своем происхождении, навязывают это глупое понятие – нация.

– Ты прав... Прав.

– Я всю жизнь скрываю свою народность. – вздохнул Таррос.

– Мне стало понятно, откуда в твоей любимой такая страсть к авантюрам и смелость – я вспомнил, что ее отец – генуэзец. – он смеялся.

Таррос поддержал его смех. На душе Алессандро лежал тяжелый камень. А Таррос днем и ночью думал, как бы побыстрее расположить к себе юную Эрис. Тут еще, как назло, эта возня с магнатами, отбирающая все время и настроение...

Примечания автора: извините, но это военные грубые люди. Прямолинейные, как и их статья.

1 – *Culum pandite!* – готовь ж*пу! /лат. ругат.

2 – *Caput tuum in ano est!* – у тебя вместо головы з*дница! /лат. ругат.

3 – *Perites* – от**бись/лат. ругат.

4 – *citocacius* – заср. нец/лат. ругат.

5 – *Commodum habitus es!* – тебя только что по. мели/лат. ругат.

6 – *Vae... Vae... Mentulam Caco* – Бл*! Во черт! Сран. й **й! /лат. ругат.

7 – *Viri sunt Viri* – Мужчины – зло.

Здесь применяется очень грубой поговоркой.

8 – *Audentes fortuna iuvat.* – смелым покровительствует удача/лат. пословица.

9 – *adhibenda est in jocando moderatio* – и шутить необходимо только в меру/лат. поговорка.

10 – *Fellator, Vacca stulta* – очень неприличное выражение, связанное с ор*л***м видом половых отношений; тупая корова. /лат. ругат., военный жаргон

11 – *volgare* – разговорный стиль венецианского языкового диалекта в раннем средневековье.

12 – *illustre* – культурный стиль венецианского языкового средневековья.

Глава двадцать первая

Задался новый трудный день. Бабушка Эрис стала замечать, что внучка стала сильнее уставать и её характер стал суровее. Её не интересовали (во всяком случае, она не подавала вида) победы и поражения Эрис на любимом поприще.

Сегодня Эрис испекла хлеб сама – у Никона, а значит и у его близняшки был день рождения. Им исполнилось по восемнадцать лет. И ради этого Эрис принесла вкусный густой йогурт. Она сделала его накануне, предварительно сквашив купленное у соседки молоко, затем на пару часов подвесив простоквашу в льняном мешочке. Потом Эрис остудила полученную массу, поместив в глинянный горшочек в канал с ключевой водой. Эрис направилась в гарнизон.

Когда она пришла, в части еще никого не было. Переключка солдат и их построение – все, что напоминало о жизни здесь. Наконец подошли ребята. Эрис поздравляет своего лучшего друга, не забыв и о его сестренке. Они сели завтракать прямо на траве в тени построений. Было еще очень рано, солнце не пекло. Дюжина юниоров села в круг, вкушая скромную пищу, приготовленную их вождем. Веселая болтовня...

– Сестра, поешь с нами! – предложил Никон.

– Хорошо. Сейчас. – Эрис была немного задумчивой. – Я хочу угостить еще кое-кого, если вы не против.

Девушка с самого начала хотела угостить командира, но не могла решиться. Наконец, взяв две самые лучшие лепешки, она наложила полную миску холодного йогурта для командира.

– Эй, сестра, не многовато ли будет? – спросил чавкающий Атрей.

– Он один, всё-таки. – поддакнул Аргос полным ртом.

– Прекратите. Ну как вам не стыдно! – возмутилась сестра. – Всё, что вы сейчас наблюдаете – заслуга Тарроса. Вы хоть видите, что этот человек, не жалея себя, посвятил всю свою жизнь службе? Теперь он приехал сюда и помогает вам. – возмутилась девушка, обнимая лепешки.

– Ой, сестра, не заводись. Мы же не виноваты, что у него до сих пор нет семьи. – сказал Софос.

Эрис нахмурилась, взяла миску и ушла.

– Вот кто тебя за язык потянул? Теперь добрая сестра будет жалеть этого опасного человека. – заметил Никон с досадой.

– Вообще она странная в последнее время... Ты не заметил? – спросил Атрей.

– Не твоего ума дела, болван! – отрезал светловолосый именинник. – Еще подобное замечание, клянусь – любому нос сломаю! – пригрозил парень и все смолкли, принявшись есть в тишине.

Эрис подошла к кабинету, но не могла решиться постучать. К тому же у нее были сомнения – тут ли он или в у себя наверху? Она подняла руку в кулаке и замахнулась. Но услышала голос за спиной.

– А, Эрис, доброе утро. Ты ко мне? – спросил Таррос. Он уже неделю нарочно прятал свои чувства, желая подогреть её – те, которые так мастерски прятала девушка.

– Да. Я принесла Вам угощение. – кое-как ответила Эрис, глотая волнение.

– Кому? Мне? – удивился Таррос, открывая дверь.

– Да, Вам. А что тут такого? – смущенно улыбнулась Эрис, не смотря на него.

– Заходи. Не стесняйся. – сказал командир, пройдя в кабинет.

– Тут появились люди, задающиеся вопросом, почему у Вас всё ещё нет наследника. – импульсивная Эрис открыла перед закаленным командиром, привыкшим прятать усталость и закрывать глаза на собственную нужду, миску с прохладным свежим йогуртом. Она глядела

на свои руки, стесняясь. Умный Таррос сразу понял, кому же этот вопрос наиболее интересен. И, признаться, его это обольщило – придало уверенности. Быть может, этот разговор наконец приведёт к результатам, за которыми он прибыл сюда.

– Сначала нужно найти ту, которая мне его подарит. – просто сказал он, сев.

– Нашли? – с наигранным равнодушием спросила Эрис, взглянув прямо ему в глаза. Сама не понимая, почему она спрашивает. Как будто кто-то дергал ее за язык.

О, да! Она умела делать многое, что не под силу многим хорошим солдатам. Но не умела врать. Абсолютно.

– Годы показали, что лучше находиться в гармоничном одиночестве, чем в беспокойном союзе. – откровенничал Таррос.

– А Вы очень деликатный человек. Другие, тем более военные люди или флотильонцы, ответили бы примерно что-то вроде: "в каком поселении бываю, в каждом имею по любимой женщине". – с немного наигранной улыбкой продолжала она, уже не глядя на него, а намеренно отвлекаясь на перо и чернильницу. Тут же стояла печать, свечи и была разложена карта. С приходом командира кабинет преобразился. Привычный грязный хаос вытеснил приятный чистый порядок. И всё это без ремонта, который пока не коснулся кабинета. И на что вечно жаловался учитель? Было бы желание. Слева, в верхнем углу стола лежала аккуратно собранная стопка развернутых бумаг. Рядом лежали непрочитанные письма. А прочитанные щепетильно отсортировывались командиром в правую сторону, что говорило о его последовательности и собранности. Он всегда тщательно обдумывал свои слова и действия, касающиеся службы. Хладнокровный тактик и стратег, всё доводящий до конца.

Она предложила ему перекусить.

– Попробуйте пожалуйста. Я сделала это собственными руками, может оцените. – робко проговорила девушка.

– Только, если ты составишь мне компанию. – добро предложил Таррос. Он не верил своему счастливому дню.

Эрис стеснительно улыбнулась. Она всё еще не могла спокойно принимать пищу перед кем-либо. Её навязчивое расстройство, что принятие пищи со страстью принижает достоинство человека, никуда не делось. Как трапезничают другие, она старалась не замечать. Эрис, чтоб не обидеть Тарроса, кротко опустила указательный палец и попробовала на вкус густой йогурт.

– Спасибо, командир Таррос. – улыбнулась Эрис.

– Ты благодаришь за то, что сама принесла? – удивился он.

– Я принесла это в дар Вам и теперь Вы угостили меня своей пищей.

– Спасибо. – улыбаясь, он спокойно разломал свежую лепешку и опустил в миску. Затем принялся за это незатейливое угощение. Он сосредоточенно трапезничал, грубо и по-мужски тщательно пережевывая мощными челюстями, но в то же время командир делал это довольно аккуратно. Ей было приятно наблюдать за этим. Мало людей умеют принимать пищу с достоинством.

– Этот хлеб который ты принесла, сама испекла? – спросил он, прожевав и проглотив.

– Да... Обычно я ставлю тесто и ухожу, потому что не успею на занятия. А сегодня сама испекла... – скромно отвечала девушка, не желая хвастать.

– Очень вкусно. – похвалил Таррос честно. – Знаешь, их вкус напомнил мне вкус материнского хлеба. – выражение его лица стало задумчивым и грустным. – В раннем детстве. До того, как меня отдали на взросление и службу...

Я думал, никогда уже больше не попробую тот вкус... Даже Каллиста пекла мне лепешки по рецепту покойной матери... Но у нее выходил её собственный хлеб, не мамин. – он глубоко задумался.

Это откровение растрогало Эрис. Она вглядывалась в его необычное харизматичное лицо. В нем, немного продолговатом, присутствовали некоторые неправильные черты – нависшие от рождения верхние веки; синие глаза располагались необычно – будто бы сразу под сильно выдающейся слитной надбровной дугой. Верхняя губа была чуть-чуть немного тоньше нижней; большой, но аккуратный и гармонирующий с лицом нос, с зарубленной поперечной бороздой на мощной переносице; темно-каштановые чернявые волосы, которые Таррос вновь очень коротко остриг по бокам и затылку. Но судя по верху, было видно, что они мелко-мелко кудрявые и буйные. Уши были крупные, крепкие, немного оттопыренные – эти неправильности... Но всё вместе взятое было прекрасней общепринятых идеалов.

Руки... Его мощные и крепкие жилистые руки одинаково прекрасно справлялись и с мечом, и с пером. Мозолистые пальцы были не слишком длинные, сужающиеся к кончикам, ногти округленной, правильной формы. Эрис заметила шрам на ногте левого мизинца. Как будто бы его палец когда-то давно разрубили напополам. Кулаки были совершенно сбиты, на них обоих были наросты из отмершей задеревенелой кожи. Таррос был не высок ростом, но кисти его рук были раза в четыре больше по объему тонкокостных хрупких кистей Эрис. Стопы тоже были необыкновенно большие и широкие для его роста. Его лицо, шея и руки были выжжены солнцем, но сам он был не смугл и не бледен, как фарфоровая, не хотевшая загореть, Эрис.

– Когда моя мама умерла, я не совсем осознавал всю тяжесть потери. Лишь с годами приходит понятие, что тот единственный человек, кто искренне любил тебя, ушел безвозвратно...

Видимо воспоминания расстроили его. Он отстранился от пищи. Эрис, пожалев командира, быстро собрала крошки и навела прежний порядок, составив еду на край его рабочего стола.

– Я очень сочувствую Вам. Я росла без матери и мне понятна ваша боль, но неужели никто больше не любил Вас по-настоящему? – осмелилась спросить она.

– Любовь – самое мощное чувство, она сильнее страха смерти, жажды жизни, сильнее времени и обстоятельств. Мне более важно то, любил ли я.

Выдержав минуту томительного молчания, Таррос спокойно продолжил:

– Я не знаю, поймешь ли ты, знакомо ли тебе это... – теперь он специально играл на ее характере, ведь Эрис постоянно вела себя так, чтобы окружающие ненароком не приобрели о ней ошибочное мнение. Этот умный человек видел, как она всегда невольно пытается отстоять свою честь, даже оправдаться. Ему нравилось, как девушка возмущается, если специально вывести её. Ему нравилось, что даже в мелочах она остается борцом за правду, и, пользуясь этим минусом, последовательно, слово за слово, можно было выудить то, что ему хотелось услышать.

– Я не такая опытная как Вы, но примерно представляю, о чём идет речь, не беспокойтесь. – ей стало неловко. Она чувствовала, что они подходят к границе дозволенного.

– Знаю. Даже вижу. Я научил себя замечать вещи, которые не замечают другие. – он смотрел прямо и пронизательно, отчего Эрис посетила крайняя неловкость. – В тебе прячется чувственная дева. И у этой девы есть поклонники. И их очень легко понять.

От его вызывающих слов ей стало не по себе. От растерянности она не нашла, что выпалить в ответ – лишь дыханье перехватило.

– Умение быть наблюдательным и анализировать – один из ключей к успеху. – как ни в чём не бывало, издевательски продолжил он. – Несмотря на силу, которой ты обладаешь и демонстрируешь, в груди у тебя трепыхается, подобно маленькой раненой птичке, беспокойное сердечко.

– К чему Вы клоните?! – Эрис почувствовала как щеки и уши наливаются горячей кровью, но это было против её воли.

– Ты не сможешь всю жизнь проскакать на своем коне с оружием в руках. Даже если захочешь. Твое женское сердечко рано или поздно подведет тебя. – его голос звучал так уверенно и непоколебимо, почти без выражения чувств, как будто бы он проводит обычный инструктаж.

– Не заставляйте меня полагать, что Вас волнуют мои личные переживания. Это не очень эстетично. – оскорбилась она.

Пристально смотря ей в глаза, он спокойно продолжил, как хищник перед броском, незаметно для нее ловя каждый вдох и жест.

– Любовь кузнеца, – продолжал он, – делает из куска грубого железа великолепный меч. Любовь способна возражать. И уничтожать. Любовь превращает самого сильного в подобие умирающей тени.

– Некогда мне думать о такой сентиментальной ерунде, когда кругом война и простой народ страдает. – наконец-то она перевела тему, вздохнув увереннее. Почему-то Эрис не могла просто облить его гадкими словами и уйти. Злясь за это на себя, она сидела и продолжала покорно слушать.

– В одиночку мир не изменить. – улыбнулся Таррос.

– Я верю. Я верю, что нет ничего невозможного. Была б только сила духа и провидение Создателя. Остальное, как и люди – приходит и уходит. Приходят великие агрессоры, с ними приходят испытания, пройдут поколения и их неверные, навязанные окружающим идеалы канут в лету, как и память о них. А правый путь, стремление душ к правде и добру всегда остаются живы. Всегда. – в порыве покачала она головой.

Несмотря на вызовы, которые он периодически бросал в ее сторону, ей нравилось то, что Таррос всегда умел внимательно слушать. Причем это было искренне, ему было бесконечно интересно беседовать с ней. И он явно не обращал внимание на ее юный, по сравнению с ним, возраст. Он был на шестнадцать лет старше. На её короткую жизнь. Эрис снова прочитала неравнодушие в его глазах, переливающихся всеми оттенками моря, которому с каждым днем становилось всё тяжелее и тяжелее противостоять.

– Идеальный мир идеальной девочки. Твои мысли столь же прекрасны, как и ты. Это замечательно. Только печально. Печально, когда ты насмотришься в этой жестокой жизни на жестокие поступки этих людских душ, за которые так рьяно заступаешься. Голод, нужда и страсти заставляют праведников продавать свои души и тела. Заставляют идти на преступления и подлости. – учил её Таррос.

– Наш спор зашёл в тупик. Пусть каждый остается при своем мнении. Приятного аппетита. – оборвав, она резко поднялась с места и вышла. Ей было более, чем неловко за такую неформальную беседу. Ноги сами уносили её. В кабинете после девушки – сержанта стоял нежный аромат розового масла.

– Ах, если б ты знала, как я понимаю тебя. Просто ты в силу своей юности не имеешь один из приведенных мною тебе ключей успеха, оморфия му... – тихо промолвил он с задумчивой грустью в голосе, провожая не столь глазами, сколь сердцем ее быстро удаляющийся силуэт в запыленном окне.

Таррос подошел к столу, взял теплый хлеб и поднёс к носу. Он вдохнул его запах и невольно закрыл глаза.

– Таррос! Таррос, сынок, иди сюда! – это звала мамочка своим нежным и звонким голосом.

– Сейчас, мамуля! Вот только еще один каблук!

Таррос и Алессандро играют в каблук на одной из узких и скользких мощеных улочек извилисто-кривой Венеции. Вот Алессандро подбрасывает деревянную шайбу, Таррос бежит за ней – они врезаются друг в друга, искры в глазах! Но Таррос успевает подогнать под пятку каблук. Он выиграл. От боли оба мальчика сдержанно всхлипывают, но тут же смеются – мама Целандайн принесла свежие горячие лепешки для детей. Маленькая Каллиста сидела на кры-

лечке и шила мешочек для своих стеклянных куколок крошечными пальчиками. Отцы скоро должны были прийти, и мама Алессандро готовила ужин. Проходящие мимо галдящие соседи то и дело останавливались, болтая о злобе дня.

– Милый, сынок, возьми, перекуси пока. – ее добрые голубые глаза сияли любовью к сыну.

– Алессандро, солнце ты наше, бери лепешку, бери, сынок! – мама протягивала и ему. – Ах, шишка будет! – воскликнула Целандайн и побежала за холодной мокрой тряпкой, всучив хлеб в руки детям.

Такой запах согреваемой солнцем весенней улицы бывает только в детстве. И больше никогда потом. И сколько бы ты не внюхивался в воздух на протяжении всей жизни, никогда не вдохнешь ничего подобное. Так же и запах родителей...

– Милые! – воскликнула мама Тарроса. – Я приложу эти повязки, придерживайте их руками, а не то упадут. – сказала она и их лбы затрещали от большого холода. – Не мотай головой, Таррос! – нахмурилась мать. – Вы молодцы, что не заплакали. Я горжусь тобой, сынуля. – сказала мама, укладывая рукой его непослушные локоны. – Я хочу, чтобы ты всегда был смелым, сильным, добрым человеком, с непорочным, большим сердцем. Свободным, как бушующее море на моей Родине. – говорила она вдохновенно и грустно...

...Таррос помнил свою маму такой – с "большим добрым сердцем".

– Алессандро, смотри за моим сыном, будьте друг другу опорой. Я не прошу и не принуждаю тебя. Решай сам – ты уже взрослый мужчина. – говорила она отроку Алессандро, и Таррос замечал печаль на ее исхудавшем, ставшем желтым лице, которое когда-то светилось оливковой бронзой.

Через некоторое время её не стало... Таррос помнит день её похорон, как сейчас. Помнит, как плакал отец, Каллиста, мама Алессандро.

Он помнит, как мама Целандайн заходилась кровавым кашлем, а Таррос и Каллиста обнимали и гладили ее, вытирая пот. И в одну такую ночь она ушла. Навсегда.

Таррос помнит свои слёзы. А потом была потеря отца, не менее горькая. Но Таррос стал суровее. Теперь он чувствовал ответственность за маленькую сестренку.

Таррос всегда останется благодарен чете Армандо. И глупому умному болтуну Алессандро – за верную дружбу... #

Дверь раскрылась и ввалился Алессандро. Он бесцеремонно схватил лепешки и принялся их жадно пожирать, опуская в йогурт.

– Ого! В жизни ничего не ел вкуснее! – он громко чавкал и нахваливал. – Откуда это у тебя с утра пораньше? Эй? Я спрашиваю, ты что, оглох, фрателло? – вопрошал он, смотря на печально сидящего Тарроса, погруженного в воспоминания. – Прости. Похоже, у тебя нет настроения?

– Да, и оно исчезнет окончательно, когда ты доешь этот солнечный хлеб, обжора. – Таррос выхватил маленький оставшийся кусочек из руки Алессандро.

– Вот чудак! – рассмеялся Алессандро. – Неужто это стряпня девчонки?! – произнес догадливый друг. – А я думал, она только парней дубасить может. Тебе повезло! Будешь потом каждый день мне подкидывать по штуке? А? – шутил он, желая развеселить Тарроса.

Таррос ничего не ответил. Он встал. Похлопал Алессандро по плечу и вышел, молча доедая свой последний заветный ломтик.

Для Эрис открылся новый Таррос, имеющий грустные страницы в прошлом. Этот человек, прячущий переживания, стал притягивать её еще больше. Ей было бесконечно жаль его – она хотела бы услышать истории из его жизни и разделить его боль.

Таррос же привязывался к Эрис все больше и больше. Между ними было слишком много преград – их положение, окружение, обстоятельства. Но Таррос никогда не сдавался – эта черта характера присутствовала у него с рождения. Для него не было ничего невозможного. Полко-

водец считал, что в этом мире все можно взять – если не по-хорошему, то грубой силой. Если не сразу, то терпением. Если не добровольно, то вынуждением. Если не прямо, то хитростью. Он решил, что несмотря на пресловутые обстоятельства, он непременно добьется своего.

Эрис сегодня почти не спала. Ей всё мерещился грустный Таррос, скучающий по матери. Эрис вспомнила свою маму – уже прошло больше десяти лет, как она не видела ее и брата. И ей стало невыносимо больно и обидно – брошенная сирота, которая беззаветно любила жестоких родных только за то, что они ее родные. Она никогда не требовала от них ответной любви, но когда Эрис проявляла свою, эти знаки внимания бессердечно отвергались ими.

Она лежала, повернувшись лицом к холодной черной стене, и из её глаз лились горячие слезы, мочившие волосы на висках, затекая в уши и забивая нос. Её плач, как всегда, был тихим и немым – она давно привыкла, что никто её не жалел и не интересовался причиной переживаний. Эрис глушила всхлипывания и рыдания, из-за этого ее сердце больно давило и резало. Она была уверена – сейчас её мать и брат живут и наслаждаются, совсем не вспоминая о ней. Темнота комнаты нарушалась стуками и треском, но Эрис лишь закутывалась поукромней в своё одеяло и безмолвно плакала, пока не засыпала...

Глава двадцать вторая

Алессандро поместил Янниса под стражу. Таррос, дав Эрис звание сержанта, знал, что ей никогда не светят те перспективы, что полагаются венецианским сержантам. Она была критской девушкой. Это они, колонизаторы, имели земли – рыцарь, минимум по двадцать пять крестьянских угодий, а сержант в шесть раз меньше. Но её ежедневная работа во имя армии Венеции была очень ценна – из Кандии, маленького острова, разделенного на шесть сестиер, постоянно отправлялись на смерть в Терру на Альпах, на границы, в другие колонии, ополченцы. И мало кто из них был обучен. Теперь в маленькой Ситии появилась большая надежда – может, будет меньше смертей у хорошо подготовленных людей с промытыми мозгами?

Таррос наблюдал, как Эрис сгорала на поле каждый день, не жалея ни новых юнцов, не себя. И теперь он обязан был хотя бы отчислять ей зарплату. Но командир не знал, как преподнести этот деликатный вопрос так, чтобы не обидеть девушку с характером.

Эрис гоняла выросшее количество парней – сегодня она, верхом на Сириусе показывала, как правильно перелазить вокруг оси бегущего коня. Она переносила левую ногу через круп лошади сзади и переходила на правую сторону седла лицом внутрь поля. Упираясь правым коленом в седло, вставляла левую ступню в скользящую петлю, наклонялась вперед и опускалась головой вниз.левой рукой захватывала ручку, которую прикрепила сама, с левой стороны седла. Подтягиваясь руками, и, последовательно за левое путлице-скашовку и правое путлице. Эрис пролезала под лошадью и ноги её удерживались скользящей петлей – тоже ее маленькой хитростью, которую она требовала выполнять от парней. Заканчивая оборот, Эрис правую руку переносила на переднюю луку седла, левой рукой захватывала заднюю луку и вставляла правую ногу в стремя, после этого освобождала левую ногу из скользящей петли и садилась в седло. Таррос, да и окружающие не могли налюбоваться такими впечатляющими трюками. Эрис все выполняла точно и хладнокровно. То же требовала и от ребят. Им было тяжело, некоторые совсем не справлялись. Но главное – дисциплина и стремление.

Во время обеда Таррос нарочно задержал Эрис на улице под предлогом напоить Сириуса, чтобы ей не осталось места за общими столами. Но преданные ребята «забили» для неё – Никон просто положил грязные ноги на скамью возле себя. Эта идея потерпела фиаско – стратег командир, зная характер верного помощника Эрис, приказал дежурным по столовой запрещать юнцам занимать для кого-либо места.

Эрис вошла внутрь. Она проследила, чтобы всем всего хватило. Это была общая столовая для всего гарнизона. Юниоры питались после взрослых солдат. Командир жестко предупредил старших, что Эрис – вчерашний неизвестный юниор, теперь глава соседствующего крыла и потребовал от всех уважения к ней.

Ополченцы боялись Тарроса из Кандии – бывалые военные знали некоторые подробности из его жизни. Рассказы дошли до местных солдат из первых уст вояк. В частности, они знали, что солдаты Тарроса крайне выносливы, и когда добиваются своего под командованием изощренного и умного стратега, превращаются в обезумевшую стаю беспощадных хищников, раздирающих трофеи. И среди трофеев самыми ценными являются люди – сильные мужчины, молодые женщины, здоровые дети. Они знали страшные подробности, передающиеся из уст в уста, как жестокий командир отдавал приказ своим солдатам в награду за победу пировать три дня и три ночи на пепелище завоеванных селений. Таков был Таррос. Но здесь, в Регнум Крит, куда он возвращался мирно служить после походов на материк и острова, была другая, более миролюбивая политика Дожа.

Дожд намечался перенести столицу сюда, на этот зеленый остров. Генуя подписала отказ о любых притязаниях на остров, а Никея подписала официальное признание Крита частью Венеции.

Эрис наблюдала, стоя у стены. Все места были заняты. Она проверила – всё ли в норме, а Таррос наблюдал за ней.

– Эрис! – позвал командир.

– Слушаю. – ответила сержант.

– Садись сюда. – серьезным тоном сказал Таррос. Эрис не хотела проявлять неучтивости – после их последнего разговора для нее открылись некоторые его слабости, и ей стало его жаль. Его сиротства, так как это одна из самых уважительных причин проявления сочувствия, наряду с болезнью и смертью, рабством и неверием.

– Хорошо. – она осторожно села.

– Нам нужно серьезно поговорить. – отрезал он, придвигая к ее лежащим на столе рукам обед.

– Я что-то натворила? – она подняла свою левую бровь.

– Натворишь, если сделаешь глупость. – сказал Таррос.

– Что случилось? – Эрис заволновалась. Она подумала, что не справляется с новыми обязанностями.

– Эрис. Ты больше не числишься в юниорах, ты знаешь. – она покачала головой.

– Ты, наряду со всеми военными, обучающими солдат, должна получать жалованье. – она покраснела и насупилась. – Я знал, что твоя реакция окажется такой. – сказал Таррос, черпая похлебку ложкой. – Ешь, что опять сидишь-красуешься!

– Я могу отказаться? – выдавила она из себя, не смотря на командира.

– Нет конечно. Эрис, твоё поведение не устает удивлять меня. Скромное жалованье, которое едва покроет существование человека, полагается тебе по закону. – он нарочно ел, чтобы не смущать её. Чтобы не фокусироваться на её красивом лице, заставляя краснеть еще больше.

– Я не могу принимать деньги. Я здесь не за этим.

– Ты сможешь помогать бабушке. Наверняка она уже стара и не обязана содержать тебя. – он давил на ее совесть.

– Я кормлю себя сама. Подрабатываю. Дома. – тихо ответила Эрис.

– И, что же ты, интересно, делаешь? У тебя ведь совсем мало времени?

– Я делаю йогурт. Все соседи приобретают его у бабушки. Каждый день.

– Этого хватает? – спросил он бесцеремонно, откусывая хлеб.

– Я помогаю бабушке во всей работе...

– Как?

– Вам перечислить? – она нахмурилась.

– Да, пожалуйста. – он хамел на глазах.

– Уход за домашней птицей, её закол, сбор урожая, полив участка, взращивание и заготовка товара, копанье лопатой и мохание мотыгой – практически все делаю я. Кроме продажи.

– А почему не продаешь? – удивился он. – Отбоя от покупателей не было бы. – она оскорбилась. – Здесь есть один выходной, который ты проводишь с Сириусом. Люди ждали бы такой продавщицы целую неделю, уверен! – он рассмеялся.

– Вы издеваетесь? – в голосе Эрис появилась нотка разочарования.

– Не обижайся. Я просто говорю то, что думаю. – он сделал виноватый вид.

– Нет, Вы сказали, не подумав... – она обиделась. – Бабушка научила меня некоторым растениям... Я изучила труды – немного умею врачевать, но никогда не беру за это ничего. Я даже принимаю роды. Моя бабушка – нелюдимая. Она не разговаривает с покупателями. Но соседи все-таки иногда приходят по вечерам, забирая меня помочь кому-нибудь. После они хотят отблагодарить – но я не соглашаюсь. Обычно они оставляют плату, когда меня нет дома.

Таррос был удивлен.

– Опять неожиданности. Солдат, принимающий роды... – его взгляд был наделанно-равнодушным, что скребло сердце юной девчонки. Она, видя его серьезность, в ответ оставалась непроницаемой, прячущей свои истинные чувства.

Таррос пообещал себе заставить её терзаться. За дерзость и смелость. Но сколько он мог продержаться, сам не знал. Его чувства разрывали грудь, стремясь показать себя во всей красе. Это было похоже на бросок в битве – кто первый сдаст позицию.

Эрис смущенно улыбнулась, просто из вежливости, которая была привита ей с детства.

– Эрис, я настаиваю – ты более достойна принимать то, что тебе положено за труд. Больше, чем одинокие выпивохи, тратящие все на вино и портовые трактиры. Ты трудишься. И так тощая, – он засмеялся. – Вообще исхудала за неделю!

Эрис улыбнулась. Он потихоньку располагал её к положительному ответу.

– Ну так что?

– Я не знаю.

– Твоя бабушка будет гордиться.

Эрис громко рассмеялась. Таррос опешил.

– Что смеешься? Я что, выгляжу смешно? – он оглядел себя.

– Командир, Вы просто не знаете бабушку. – она помотала головой. – Это разозлит её. Она скажет, что меня купили. Что купили мою душу. Что я – предательница Родины, взявшая деньги у угнетателей...

– Какие принципы!

– Да... Я устала, если честно. – Эрис взгрустнула. – Мне тяжело с ней. Она не понимает меня...

Таррос нахмурился. Ему было невыносимо, что его любимой нелегко. Больше всего на свете он хотел бы сейчас утешить её, решить все ее проблемы.

– Почему тебе одиноко? – он улыбнулся. – А юнцы? Они же тебе, как братья. – искренне сказал он.

– Кто – они? – она посмотрела на хохочущих парней, обзывающих друг друга и поедающих обед одновременно.

– Они – мои братья. Они верны мне. Особенно желтобородый Никон. И Аргос. И Софос. И Атрей с Георгиусом...

– Да-да. Всех перечисли. Одиночка. – иронизировал он.

– Это не то. Вам не понять. У Вас есть Алессандро... Он всегда поймет Вас.

– Ты ошибаешься, Эрис. Он не понимает меня. Наши мнения редко совпадают.

– Это и делает человека другом – взаимодополнение. Зато Вы хотя бы можете рассказать ему все, что на Вашей душе – он не станет затыкать уши, критиковать или заставлять краснеть. Он принимает Вас такого, какой Вы есть. И не пытается изменить, просто став родным.

– *Dilige me vilem, nam bonum omnes diligunt* – полюби меня никчемного, а хорошего все любят... – он говорил это, приплетая к теме разговора. На самом же деле Таррос заклинал глаза Эрис, его сердце горько мучалось. Она чувствовала каждый взгляд и слово, но оставалась такой же невозмутимой, как и командир. – Ты права. – спокойно закончил он.

– Думаете, этих ребят волнует их необразованность? Когда я пытаюсь что-либо им вдолбить, они отшучиваются, ссылаясь на безграмотных трудяг отцов и матерей, говоря, что те смогли их вырастить и без альфы с омегой. Или я могу им рассказать о своей душевной боли? – командир реагировал на её откровение всем сердцем. – Парням всегда весело. Они молодые и живут здесь и сейчас, без мыслей о завтра. Также и с моими откровениями – мы, конечно, можем поболтать по душам, но их кипящая жизнью кровь не даст раздумывать над услышанным. Пару фраз утешения – и всё отлично...

– Можешь поговорить со мной. – Таррос был более, чем серьезен. – Я всегда готов выслушать тебя. – взор опять начал выдавать себя – кашель и любовь невозможно скрыть.

– Спасибо... – ей стало стыдно за лишнюю болтовню. – Знаете, я ценю своё одиночество. Оно всегда охраняет меня, оставляя трезвой и наблюдательной. Благодаря ему у меня остается широкий кругозор – будучи в компании слепнешь, подвергаешься чужому мнению, теряешь себя.

– Это так. – Таррос вздохнул. Ему много раз пришлось делать в компании то, что было противно его душе. Но стадный инстинкт опьяняет, отключает совесть и стыд. – Но знаешь, некоторых людей, оберегаемых Богом чувство одиночества не покинет никогда... – он говорил так, будто бы знает об этом не по-наслышке.

– Когда ты один – можешь морально расти.

– Эрис... – выдержка командира была отменной. Но противостоять уму и красоте в одном женском лице за всю историю человечества не научился ни один даже самый великий полководец. Она отвернулась, подперев голову рукой. Его взгляд был полон безысходности. – Ты должна сделать то, о чем я тебя проинформировал. Иди в пункт дачи жалованья к казначею ополчения и забери своё. Приказ ясен? – Таррос перевел разговор, делая хладнокровный вид.

– Да. – Эрис встала, так и не поев.

Она ушла, а у Тарроса совсем испортилось настроение – его душа терзалась сама, его сердце требовало ответных чувств. Это не было глупой влюбленностью или простой страстью – он жаждал человека, которым являлась многогранная, разносторонняя, гармоничная и привлекательная Эрис. Это был его идеал, который он уже давно отчаялся найти.

Эрис сделала так, как сказал Таррос. Казначей посчитал, она не смотрела. Она даже не стала открывать мешочек, куда он склал дукаты. Эрис было стыдно попадаться Тарросу на глаза. К вечеру она распустила юниоров. Остались её друзья.

– Вы должны кое-что знать. – проговорила она, виновато опустив взор.

Ребята наострили уши. Они готовились к худшему.

– Что случилось? – спросил строгий Никон. Почему-то в его голову пришёл Таррос. Никон подумал, что командир что-то задумал или обидел Эрис.

– Теперь я получаю зарплату... – она готова была умереть со стыда. Дурацкие принципы душили её.

– Кто-то отобрал её? Что с тобой, сестра? – спросил Аргос, ему стало смешно. – Мы поможем!

– Сестра, мы знали, что сержантам платят. В этом нет ничего плохого. – успокоил Никон.

– Тем более, мы все работаем. А ты не ходишь никуда. – добавил Георгиус.

– Ты заслужила, сестра. Ты выкладываешься по-полной. – сказал Никон.

– Значит, Вы прощаете меня? – спросила Эрис, посмотрев на них с надеждой.

– Сестра, прекрати, я тебя умоляю! – сказал Софос, смеясь.

– Я разделю дукаты с вами. – Эрис вытащила мешок. Парни принялись её останавливать. Они наотрез отказались принять что-либо, закляв Эрис дружбой. Ей пришлось согласиться.

Они отправились по домам. Эрис пошла к своему любимому Сириусу попрощаться. Ночь сгушалась. Она гладила коня по белой струящейся гриве и приговаривала:

– Хороший мой, друг мой, спокойной ночи...

Девушка вышла. Было тихо-тихо. Она проходила мимо строений на выход. До слуха Эрис донесся нежный звук мандолы. Теплый ветер доносил его, сгушая у стен. Эрис решила сесть в темноте и послушать. Это была медленная минорная мелодия. Грустная, заставляющая забыть. Эрис услышала глубокий бархатный голос Тарроса, затянувший томную гондоллетту. Алессандро испарился ближе к вечеру. Видимо, командир полагал, что близко никого нету. Эрис прислушалась...

Тихая ночь, ты не будь мне подругой,
Лишь собеседником стань ты на раз,

Чтоб стыда избежал.

За откровенья, за слова, что услышишь,
Душу открою тебе – ты внимай.
Ну а после – забудь.

Нет у мятежника на свете родных,
Нет у него ни отца и нет мамы,
Кто б смог поддержать.

Нет у мятежника рядом таких,
Кто перевяжет все бо'льные раны,
Кто б умел убеждать.

Я странный мятежник,
Никем не любимый.
Признаюсь, я грешник
Я хмур, нелюдимый.

Но сердцем я нежен
И полон любви.
Душою безбрежен
Со страстью в крови.

Горячее сердце
Упрямо стучится
В закрытую дверцу —
Как мог так влюбиться?

О тихая ночь,
Я боюсь быть отвержен...
Не дано превозмочь —
Я чувствами бешен.

С любимой сердечной
Не могу объясниться.
Люблю я навечно,
И раненой птицей

С небес упаду,
В которых парю.
Отвергнешь меня —
То смерть дикарю.

Нежна и красива,
Как весенний цветок,
Смела и игрива —
В ней жизни росток!

Скучаю по милой —
Затмила мой ум,
По неповторимой,
И нет других дум...

Прошу, дай любви
Не отвергни меня!
Поняв, помоги,
Полюби – извиня.

За страсть и за ревность
Что душу съедают.
За животную верность
Что меня убивают...

Загляни мне в глаза —
Увидишь печаль,
В них тонет слеза
Неужто не жаль?

О ночь, как мне быть?
Хочу быть любимым.
Как сердце открыть?
Устал быть я сильным...

После этих слов Эрис боялась услышать еще больше и боялась быть увиденной – она убежала домой так, что ночной ветер свистел в её ушах, а ноги чуть не отвалились, продолжая бежать сами, без её воли...

Эрис пришла домой уставшей. Ей хотелось закрыть глаза в тишине и темноте и вспоминать образ Тарроса и его волнующие слова... Но надо было хлопотать и здесь. Она погрузилась в тяжелую работу, думая, как же сообщить бабушке новость о зарплате. Но она так и не решилась. Тогда Эрис решила подарить ей подарок.

Утро следующего дня прошло в обычных занятиях. После обеда Эрис сама пришла к командиру. Ей повезло, Алессандро с его колкими распросами не было – его заданием был поиск и допросы виновных в деле вороватых магнатов.

– Командир Таррос, я прошу Вас отпустить меня сегодня пораньше. – попросила Эрис, подсев к нему на скамью в коридоре.

– У тебя что-то случилось? – спросил Таррос, повернувшись к ней. Он возился со своим колеттом – разошелся шов. Командир держал в своих сильных пальцах иголку – он хотел починить одежду.

– Можно мне? – спросила Эрис, и не дожидаясь ответа, выхватила вещь.

Она быстро оглядела с изнанки и лицевой стороны, что не так и как всё должно выглядеть в идеале. Эрис быстрыми движениями зашивала порванное, орудуя своими тонкими проворными пальчиками. Это были не грубые руки Тарроса: пару минут, и вещь – как новая.

Он наблюдал за ней, как она погрузилась в эту работу и с каким вдохновением это делает – у него пошли мурашки по коже, он будто чувствовал каждое движение и дыхание Эрис. Так бывает, когда тихо и незаметно наблюдаешь за художником или за ремесленником в деле.

– Готово. – она протянула колетт.

– Спасибо... – чуть слышно проговорил он, отходя от посетившего его чувства.

- Так что, Вы сегодня отпустите меня пораньше? – спросила Эрис.
– А ты не обидишься, если я спрошу – зачем? – произнес Таррос.
– Нет. Не обижусь. – она вздохнула. – Понимаете, я так и не смогла признаться дома, что получила зарплату. – Эрис залилась румянцем.
– Почему? – он улыбнулся. – Это честно заработанные деньги.
– Я же говорила уже. Вместо этого я схожу сегодня на рынок и куплю бабушке подарок. – поделилась Эрис. – Только она мне не разрешает туда ходить – говорит, слишком опасно стало. Одни пираты, разбойники и храмовники.
– Она права. Там опасно ходить даже мужчинам, не то что...
– Договаривайте! – её взгляд и вид снова стал дерзким. – Я ничего не боюсь. Я не хочу ослушаться старой бабушки – это грешно. Вот и всё. – закончила Эрис.
– А если я попрошусь с тобой? Ты не будешь против? – спросил Таррос, сам удивляясь своей смелости.
– Что? – спросила Эрис.
– Сопровожу тебя.
– Мне не нужна нянька. – отрезала Эрис.
– Я что, похож на няньку? – обиделся Таррос.
– Нет-нет! Просто Вы... – она хотела сказать, что не желала обидеть его, и не хочет быть опекаемой кем-либо и справится сама. – Хорошо. Только давайте быстрее, опоздаем. – сказала она, встав.
– Я готов. Распусти парней по домам. Я прикажу солдатам трудиться до моего прихода и пойдем. – сказал Таррос.
– Ладно. – покачала она головой.

Через полчаса они шли по пыльной жаркой дороге. Эрис надевала шлем.
– Зачем тебе шлем? – улыбнулся Таррос. – Не хочешь загореть?
– Не хочу почернеть под взглядами. – ответила Эрис. Только сейчас он начал понимать, зачем она каждый день закутывается, как разбойник. Так её воспринимают всерьез, не ослепленные красотой необычайно привлекательного лица. Эрис шла широкой уверенной походкой. Она не переделась – доспехи блестели и раскалялись на горячем солнце. Она была похожа на лихого парня с клинком на поясе. Таррос удивлялся, смотря на ее выдержку и терпение. Сам он был одет в льняную камизу, на его плечах был легкий красный полудаментум, как у римлян.
– Мне не жарко, не надо так на меня коситься. – резко пристыдила его Эрис, продолжая идти, как ни в чем не бывало, по горячему дорожному песку. – На себя посмотрите – нацепили плащ в такую жару. – отрезала наглая девчонка.
– Прости. – Таррос опустил голову. Они шли слишком быстро, чтобы разговаривать.
До них уже доносился гул и гогот рынка. Часть была позади, не очень далеко. Но внимание Эрис привлекла открытая калитка – там было шумное гулянье.
– Командир, посмотрите, как проходят местные праздники! – сказала Эрис, поворачивая к дому у дороги.
– Нам прямо, Эрис. – сказал командир. Кому? Она давно уже проскочила в калитку, которую переплетали вьющиеся цветущие розы, качающиеся на июльском жарком ветру.

Глава двадцать третья

Таррос зашел через цветочную арку. Как же много народа здесь собралось – не менее четырехсот! А с виду и не скажешь – крошечный домик за парой-тройкой деревьев, огражденный забором.

– Эрис! – Таррос искал её глазами. – Эрис, ты где? – он чуть не наступил на собаку, спокойно лежащую в пыли посреди хаоса.

– Я здесь! – он услышал со спины её голос. Таррос повернулся.

– Добро пожаловать на большую критскую свадьбу! – воскликнула Эрис. Таррос, немного озадаченный и удивленный, улыбнулся.

– Сначала нужно приподнести подарок! – к ним подошла девушка с подносом, – Необходимо выложить что-нибудь весомое. – Эрис вытащила золотые монеты и положила их. Следом за ней так же поступил и Таррос. Девушка улыбнулась и дала им белые повязки.

– И что мне с ней делать? – спросил Таррос, вертя её в руке.

Осмелевшая Эрис взяла шарф из его руки и принялась повязывать ему на голову. Таррос чувствовал ее...

– Вот так! – она засмеялась, смотря на командира. Эрис на мгновение заметила, как на него подействовало ее прикосновение.

– А себе что? – спросил Таррос, докрикиваясь до неё через веселый шум.

– Сейчас... – Эрис повязала свой шарфик на изящный стан. – Готово! Пойдёмте, сейчас Вы будете пробовать местные деликатесы.

– Я вроде уже в жизни как все испробовал... – он немного сопротивлялся, но от задорного напора настойчивой девчонки невозможно было увернуться.

Они подошли к длинным-длинным столам под большими деревьями – грецкими орехами. Белая льняная скатерть была уставлена множеством яств.

– Ты что же это, не снимешь свой шлем?

– Пока нет. Я буду кормить Вас. – она улыбалась, и ее светящиеся глаза были исполнены лучезарной доброты. Загоревший Таррос покраснел от стеснения, но под бронзой кожи остался не замечен. Люди и гости танцевали и веселились под народную музыку, группа музыкантов осыпалась монетами и все прыгали и скакали. Там же, в центре были жених и невеста в ослепительных костюмах. Нарядные дети сновали туда-сюда и звонко хохотали.

– Вот пожалуйста отведайте кохьи бурбористи! – Эрис придвинула к нему керамическую тарелку с морской геометрической росписью, наполненную большими жареными улитками.

– Прошу тебя, Эрис, я никогда не пробовал... Не хочу. – его лицо немного исказилось, он отрицательно замотал головой.

– Ну что Вы, попробуйте! Это очень вкусно! – Эрис зацепила маленькой деревянной шпажкой скользкое мясо и вытащила его. – Неужели Вы, живший в Венеции и не пробовали? А из моих рук? – это был контрольный, разящий в голову, вопрос.

Таррос помялся немного, Эрис вплотную приблизилась.

– Открывайте рот, это приказ, командир! – Голос ее был серьезен. Тарросу ничего не оставалось больше сделать, как молча съесть. Эрис говорила:

– Как и в древние времена, сегодня улиток жарят живьем на сковороде в оливковом масле, добавляя в процессе чайную ложку розмарина. По традиции едят их с помощью прутиков: вводят в раковину, цепляют мякоть, вытаскивают ее наружу и отправляют в рот. Вкус улиточного мяса несколько непривычен, но зато оно очень полезно для здоровья, особенно Вашего. – Эрис было смешно, и она увлеклась ковырянием улиток.

– Очень вкусно! – сказал повеселевший командир. Она дала ему ещё пару штук.

– Ну хватит, оставьте еще немного места в Вашем желудке и для других блюд. – сказала Эрис, отодвигая руки от ожидающего командира.

– Давай, сама ешь тоже! – предложил Таррос.

– Ну уж нет! – она замотала головой. – В жизни не пробовала и не собираюсь!

– Ха-ха! Вот обманщица! Ну все равно, спасибо тебе... – он не сводил с нее глаз, а Эрис нарочно отвлекалась на стол, стуча по нему пальцами и ища еще вкусненькое.

– Давайте, попробуйте главное украшение свадебного критского стола – гамопилафо. В качестве мяса для гамопилафо используется козлятина, рис варят в бульоне из петуха, а среди ингредиентов есть такой сугубо критский продукт, как масло из овечьего молока. В результате получается потрясающе вкусное и очень сытное блюдо. Готовят его по традиции в большом котле: ведь минимальное количество приглашенных на критской свадьбе триста человек. Иногда и тысяча... – говорила Эрис и черпала ложкой из плошки. – Вот. Откройте рот! – Таррос рассмеялся. Он открыл рот и попробовал. Эти потрясающие моменты уже никогда не уйдут из его памяти. Эрис бесцеремонно зачерпнула еще ложку и требовательно поднесла ее к Тарросу. Он еще не успел прожевать то, что находилось в его рту. Покачав головой, он спешно проглотил порцию и послушно отъел вторую.

– О! – Эрис потянулась через весь стол за Чтаподи – вкусным осьминогом.

– А может не надо? – умоляюще попросил командир, косясь на подозрительное содержимое.

– Надо-надо! – Эрис уже черпала из миски настоящие щупальца осьминога. – Открываем рот! – Тарросу пришлось уступить и здесь. И то, что казалось отвратительным на вид, оказалось умопомрачительно вкусно!

– Критская кухня считается как самой древней, так и самой здоровой благодаря обилию овощей, морепродуктов и оливкового масла. А вот рыбный суп какавья, но это банально. Попробуйте сыр гамокулуро под травами? Популярны травы критской кухни это орегано, горькие стамнагати, молодые побеги розмарина, мята, кориандр, тимьян...

Таррос взял кусочек сыра из миски с салатом. Блаженный момент.

– Спанакопита – самый популярный пирог; есть еще стифадо – крольчатина в вине; мезе – закуски из орехов, мяса, колбас, сыра, фруктов и бесконечного количества других «вещей». И Ваш, полюбившийся нам, сыр гравьера, а также дакос – наш или ваш, впрочем, венецианцы считают наоборот. – Эрис выбирала самые приглянувшиеся ей бутерброды и накладывала тарелку, рассказывая. – Так или иначе, это самая простая, самая популярная и самая вкусная из всех закусок Крита. Для ее приготовления используется подсушенный хлеб, оливковое масло, сладкие помидоры и сыр мизифра – наша версия этого сыра напоминает по вкусу едва солоноватый или вовсе несоленый творог.

Командир смотрел на Эрис и дивился ее кулинарными познаниями. Эрис старалась не замечать его взгляда, прикрываясь болтовней про традиции. – Измельченные помидоры выкладывают на слегка размоченный хлеб, посыпают их измельченной мизифрой и поливают оливковым маслом. Ешьте! – она пододвинула к Тарросу полную тарелку с разложенными на ней деликатесами. – Только побыстрее! Время уже поздно, надо успеть на рынок! – всзнающая девушка опять ускользнула из виду.

Таррос стоя еще попробовал пару блюд. Он решил посмотреть на народ, собравшийся здесь.

Женщины, готовящие еду, юноши на раздаче, мужчины, потребляющие цикудьи, она же – раки, танцующая молодежь. Он налил себе сладкий ароматный отвар из кислых ягод и спешно попил, желая догнать Эрис. Но ее нигде не было. И вот, она там, где творится что-то новое. Ее организаторские способности не давали покоя ни ей, ни окружающим. И скучно затянувшееся пиршество в жару задышало свежестью.

Эрис разделила парней и девушек. Когда она пошла к девушкам, с ней пожелали спелиться пару смельчаков, и она сняла шлем. Парни тут же засуетились вокруг нее, и Тарросу это совсем не понравилось. Эрис, как всегда, держалась сурово.

Но и шутила – всё таки нельзя занудствовать, когда кругом веселье.

Она усадила взрослых, принявших ее за красивую актрису и учила говорить девушек – из стихов древнегреческой поэтессы Сапфо. Эрис удалила многочисленность слова языческих Гименей, оставив парочку – всё таки это была свадьба православных. Представление началось.

Невеста обратилась к матери и сказала:

– Милая матушка,
Прясть не могу я,
Мне не сидится:
Ноя, тоскуя,
Сердце томится
Здесь взаперти
Ниточки рвутся,
Руки трясутся —
Милая матушка,
Дай мне уйти!

Обращаясь к жениху, девушки хвалили:

– Стройте же, плотники, брачный чертог, высокий и светлый!
О, Гименей! Вот идет жених, подобный Аресу!
Нет, не Аресу подобен он, – выше, прекраснее смертных!
Он велик, как лесбосский певец пред всеми певцами.

Таррос с восхищением смотрел на это лицедейство: "Ну что за неугомонная девчонка? С любым общий язык найдет..." – думал он.

Девушки нахваливали невесту:

– Милая девушка! Сами Хариты с тобою играют,
И Афродита тебя, златокудрая, любит, и Горы
Путь твой усыпали нежными розами; лик твой прекрасный
Всех собою чарует.
Ты как медовое яблочко зреешь на ветке высокой,
Где садоводы тебя позабыли; нет, не забыли.
Многие видят тебя, да достать ни один не сумеет.

Эрис командовала, и девушки, в свою очередь, славили жениха:

– Милый жених, скажи, на кого ты похож?
Ты похож на стройное деревцо.

Затем, под руководством Эрис в солдатских одеждах, девушки принялись причитать над невестой, чем вызвали плач её матери. Таррос подошел к женщине, он сказал:

– Матушка, Ваша милая дочь будет любимой и оберегаемой в доме мужа. Она родит ему детей и Вы будете нянчиться с внуками, а почтенный супруг Ваш будет брать их с собой на рыбалку... – они посмотрели на бордового свёкра, молча поглощающего крепкое раки.

– Спасибо, дорогой сын, за слова утешения... – промолвила женщина. – Вы, что же, актеры? Ты похож на Цезаря, будь он неладен! – промолвила сморкающаяся женщина. Таррос лишь усмехнулся.

– Как под ногой пастуха гиацинт на горах погибает,

С сломанным стеблем к земле преклонивши свой венчик пурпурный,
Сохнет и блекнет в пыли и ничьих не манит уже взоров, —
Так же и дева, утратив цветок целомудрия, гибнет:
Девы бегут от неё, а мужчины ее презирают.

Настала очередь громогласных парней – под щебетанье Эрис они продолжили:
– Как на открытой поляне лоза виноградная, прежде
Быв одинокою, к вязу прильнет, сочетавшись с ним браком,
И, до вершины его обвиваясь своими ветвями,
Радует взор виноградаря пышностью листьев и гроздий, —
Так и жена, сочетавшись в юности брачным союзом,
Мужу внушает любовь и утехой родителям служит.

Толпа разразилась аплодисментами, кидая на Эрис монеты. Парни и девушки собрали внушительную сумму и Эрис отдала всё невесте, пожелав счастья. Они разбили традиционный гранат – детишек ожидалось много. Ровно столько, сколько рассыпалось ярких рубиновых гранатовых зерен по земле. Музыканты по новой задорно заиграли на критских лирах.

– Девушка, Вы пришли со своим братом? – разгоряченные парни указали на стремительно идущего к ней Тарроса. – А Вы танцуете? – спрашивала кучка облепивших бойкую и красивую Эрис, что выделялась среди остальных девушек, как луна среди звезд.

– Девушка на службе не танцует. – грубо отрезала она, пытаясь выскользнуть.

– А после службы? – настаивали они.

– А после службы танцует со своим братом. – сказала она, схватив руку вскипающего Тарроса, протянувшего ей ладонь, растолкавшего их и уже готового было сцепиться с буйными юнцами.

– Ты потанцуешь со мной?! – требовательно предложил он при них, нахмурившись.

– Только давайте побыстрее! – сказала Эрис. Лихо отплясывая танец под веселую монотонную музыку эта странная парочка – мужественный римский отпетый вояка и хрупкая на вид, но шустрая ангелоподобная девушка в солдатском одеянии привлекала взоры каждого на этой случайной свадьбе.

После заводного мотива полилась медленная мелодия. Осмелевший Таррос прочитал в глазах Эрис мягкое одобрение. Девушка намеренно подпустила его ближе. Теперь язык танца говорил о том, что они прятали друг от друга. Эрис видела его глаза. Девушка больше не пыталась погасить пламя в своих. Таррос уже без стеснения сжимал ее ладонь. Теперь ее сердце, так волнительно колотящееся в груди, падало в бездонную пропасть от самого сильного впечатления в этой жизни.

– Бежим уже! – через некоторое время прошептала Эрис, склонившись к его уху.

– Ладно. Хотя мне совсем не хочется. – ответил он, улыбаясь и смотря на толпу. Еще пару мгновений, и он, почувствовавший горячую сердечную склонность, точно совершит какое-нибудь любовное безумство.

Почувствовав это, Эрис быстро отпустила его руку и проворно сбежала, выскользнув из толпы. Таррос вышел за ней и было уже почти предзакатное время.

Казалось, ничто не может испортить командиру настроение. Самый счастливый день продолжался.

Эрис стремительно шла к звенящему, подобно улью, рынку. А Таррос улыбался и шел за ней. Его душа пела.

Вот, что значит – запреты взрослых. Бабушка была права – отрепье, воры и пропитые проходимцы наводняли рынок. Какой-то бугай толкнул её в воротах и Таррос затеял драку,

громко ругаясь. Эрис оттянула его. Возле столба сидел старый калека, и девушка протянула ему три золотых дуката.

– Зачем так много? – Удивился Таррос.

– Командир. Если их не отберут его хозяева, пусть накормит свою семью. Я же не хочу просто для вида отметить там, на небесах. – она указала пальцем на небо. Таррос лишь улыбнулся, поражаясь её прямоте.

– Нам куда? – Спросила Эрис, остановившись у телег.

– А что ты хочешь подарить? – спросил командир, не скрывая игравшей любезности и бросая выразительные взгляды. Эрис сохраняла невозмутимость, хотя это было очень тяжело.

– Не знаю... Она носит платок. Если взять большой красивый платок... – рассуждала девушка, вдыхая ароматы дорогущих пряностей, которые ценились выше золота.

– Здесь точно есть азиатский текстиль – самый дорогой и лучший шёлк, привезенный с материка по шелковому пути. Пошли. Нам туда. – Таррос прошел через узкие проходы, кишачищие людьми. Среди всей гаммы люда Эрис было сильнее всего жаль нищих детей, ищущих кусок хлеба и стариков, пашущих на пропитание.

– Здесь. – Таррос остановился у огромной лавки с висящими колыхающимися тканями. Цветастые, летучие, нежные и яркие – обилие товаров, смотря на которые поражаешься их рукотворности. – Выбирай.

– Я не умею выбирать. Давайте Вы, у Вас хороший вкус. – спокойно попросила Эрис.

– Дайте самый дорогой и красивый китайский шелковый платок! – сказал Таррос венецианцу. Эрис вздрогнула при слове "самый дорогой". Но упрямец Тарроса тяжело вразумить или остановить.

– Вот этот, почтенный. Здесь три – они одинаковы по цене. – ответил колоритный торговец. Таррос протянул Эрис товар. Она стеснялась рассматривать и выбирать.

– Выберите сами. – попросила она, краснея.

– Ты смешная! – он засмеялся. – Вот этот как? – он показал ей самый красивый шелк, не очень пестрый, нежный и солидный. – Я думаю, очень красивый. – предложил Таррос.

– Хорошо. – Эрис покачала головой.

– Давай, друг, вот этот. – Таррос протянул его продавцу. – Заверни красиво.

– С Вас сорок дукат. – Эрис опешила. Она сказала, – Давайте что-нибудь немного подешевле. – ей стало крайне неловко.

– Сеньорита, за Ваши прекрасные глаза уступлю целых пять дукат. – продавец был искреннен в своем порыве.

Тарросу совсем не понравилось это выражение и его взгляд.

– Я заплачу пятьдесят. Вяжи! – нагрубил он.

– Подождите, командир! Что Вы делаете? Вот тридцать дукат, я получила сорок, семь дала невесте, три – бедняку. Возьму лучше что-нибудь другое! – наотрез отказалась девушка.

– Я добавлю! – настаивал командир, а продавец наблюдал.

– Нет! – нахмурилась Эрис. – Я не буду брать! – сказала она, обращаясь к венецианцу.

– На, продавец, здесь тридцать. – Таррос протянул ему мешочек Эрис. – Вот еще двадцать. – он вытащил своё золото и дал продавцу.

– Вы очень щедры! Впервые вижу торгующего себе в убыток! – восхитился венецианец.

– Впредь советую попридержаться язык! *Pensa prima di dire, uomo dalla mia patria* *подумай, прежде, чем сказать, земляк! (итал.)* – сказал он грубо, стреляя глазами.

– *Chiedo scusa, caro Signore...* *глубокие извинения, уважаемый господин... (итал.)* – вид у продавца был более, чем сконфуженный.

– Командир Таррос! Я отказываюсь от этого! Я не куплю. И точка. – отрезала возмущенно Эрис.

– Спасибо. – сказал командир и взял сверток. – Держи. – он впихнул попку ей в руки. – Держи – отдашь деньги потом.

– Я не хочу быть чьей-либо должницей... – Эрис вспотела от стыда.

– Отдашь со следующей зарплаты. Вышлешь мне через кого-нибудь. – сказал довольный Таррос, удаляясь. Эрис пришлось взять и она молчала. Она надела шлем, заправив собранные волосы в капюшон кольчуги.

– Я завтра отдам. Не стоит было делать этого. Вы поставили меня в неудобное положение... – угрюмо произнесла она.

– Прекрати, солдат. Завтра так завтра. А пока – забудь. – твердо сказал Таррос, шагая через густую толпу к выходу. Они дошли до рыночной площади, где собирались и галдели люди. Эрис догоняла командира, который планировал поскорее сбежать отсюда и протянуть время в обществе любимой где-нибудь в тихом и красивом месте. Мечты его оборвал внезапно подошедший вычурно одетый грек, на вид – проходимец.

– Командир Таррос! – воскликнул он, обнимая его.

– Что ты тут делаешь? – прорычал Таррос, явно недовольный случайной встречей.

– Ах, я? Это ты что тут делаешь? Нас выгнали из Кандии после приезда Дожа сюда. Киски соскучились по своему командиру! – лицо опозоренного Тарроса перекошило. – Уже месяц, как мы с девочками переехали в эту вонючую дыру – тут бедно и не сытно. Нет таких щедрых клиентов, как ты.

– Заткнись!.. – Таррос больно сжал его руку в предплечье.

– Что ты делаешь?! – он вырвался. – А! Какой юный салага, – он посмотрел на стоящую рядом Эрис. – приводи давай с собой, скидку сделаю. Мы теперь в порту Ситии, покажи пример, многому научишь! – этот омерзительный мужчина с лишенным человеческого света на лице хохотал под презрительные взгляды остолбеневшей Эрис. Она сняла шлем, оттянув капюшон. Её взгляд был уничтожающий этого типа.

– Ох! Простите, сеньорита... – опешил тот.

– Таррос! – к нему быстро подбежали несколько женщин легкого поведения и облепили обреченного командира на глазах брезгующей Эрис. Ее глаза стремительно наполнялись слезами.

– Отвалите от меня, грязные шл. и! – выругался он и оттолкнул их.

– Таррос, ты что, обезумел?! Я тебя уже десять лет знаю, ты что – с ума сошел?! – крикнул болтун. – Не увечь их!

– Эрис, стой! – крикнул Таррос вслед быстро уходящей девушке. – Стой! – кричал он и народ начал стекаться. – Урод, я порву твой болтливый рот! – с этими словами Таррос ударил Петроса – Пьера, как его звали иностранные матросы на пристани, в лицо, и тот грохнулся на землю под визг отвратительных женщин.

– Стой! – Таррос бежал за Эрис, но та даже не обращала внимания. Ее грудь разрывало мерзкое ощущение – самое отвратительное из всех, что она испытывала за всю жизнь.

Он остановился – что он скажет и как оправдает себя? Его совесть не давала его ногам бежать. Эрис растворилась в толпе.

– Ах ты урод! – он психовал и бил себя по голове кулаками. – Грязное животное!!! – он был в отчаянии и ему хотелось зарыдать и все перевернуть вверх дном. Таррос вовремя остановился. Он винил сначала Пьера. Но когда аффект прошёл, Таррос начал винить себя. Винить за тот разгульный образ жизни, что принудительно вёл на протяжении последних лет. Он просто ушёл, тяжело дыша. Его мужественное лицо выражало ужасную сокрушительную скорбь.

Он опозорился перед чистым созданием, в которое беззаветно влюбился... Он шагал куда угодно, но только не в гарнизон...

Через некоторое время отчаявшийся Таррос сидел один на мысе и угрюмо смотрел на море до самой ночи, обдумывая свою шальную беспробудную жизнь...

Эрис же шагала, и глаза ее выражали отчаянное разочарование, скорбь, злость на саму себя – много парней сходят по ней с ума, и она знает и не принимает это. Это отвратительно ее сущности. Но её природная глупость и доброта заставила симпатизировать матерому виду выдавшему человеку. Эрис ненавидела себя. Ненавидела низких людей и их образ жизни. Ненавидела нравственный упадок. Ненавидела безумно любимого Тарроса. Эрис брела к тете – она решила занять двадцать монет до зарплаты, что будет через месяц.

Эрис постучалась и позвала Георгиуса.

– Сестра, заходи, не стой там. – попросил добрый кузен, пахнувший ужином.

– Спасибо, но нет, дорогой братишка, я не в настроении разговаривать. – и действительно, вид у девушки был удрученный, даже – убитый. – Я пришла взять в долг так, чтобы это было тайной. Попроси у тети и скажи, что Эрис получит следующую зарплату через месяц. – попросила она.

Через некоторое время вышла тетя, обняв и поздравив племянницу. Она протянула ей монеты, на пять больше. Эрис была благодарна ей. Она поблагодарила Татиан и отправилась на соседнюю улицу к себе.

Эрис повернула на темную дорогу – здесь густые зеленые кроны нависали особенно сплоченно. Эрис уже почти дошла до дома, как услышала голос Персиуса:

– Карор бест! **Стой на месте (здесь и дальше – перс. разгов.)** – приказным тоном крикнул он, приближаясь.

– Чи мегуй? **говори, чего надо** – нагло ответила Эрис, обернувшись.

– Аз кучой омади? **откуда идешь** – поинтересовался он, и в его глазах отпечатывалось сумасшествие. – Занятия давно кончились, где ты была?!

– Кори чи ту! **не твое дело** – сгрубила Эрис, разворачиваясь.

– Ман кор дорам, медони? **нет, мое дело, знаешь** – он схватил ее за предплечье.

– Хайуон! Ту – дар назари ман ранги саг шуди. Аввал ту мисли ака буди ба мана, неки хозир дига одам шудай. Дили ту съех шуд, накап мана, даста бигирд! **Скотина! Ты предомной – подобие пса. Это раньше ты мне был, как старший брат, только сейчас ты – другой человек. Твое сердце стало черным, не трогай меня, убери руку!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.